

ПОЛИС

Политические Исследования 5'2020

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 1991 г.
Выходит 6 раз в год

2020 № 5

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.00
ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

Читайте в следующих номерах:

Деконструкция системы асимметричных альянсов
в международной политике

Опыт современного прочтения
политической теории деколонизации

Возможна ли
гуманистическая глоболокальная биополитика?

Формирование запроса на перемены
в современной России

О развитии проекта
«Политический атлас современности»

Учредители:

Некоммерческое партнерство «Редакция журнала «Полис»
 («Политические исследования»)
Общероссийская общественная организация
 «Российская ассоциация политической науки»
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
 Российской академии наук
Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических
 и политических исследований
Московский государственный институт международных отношений
 (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Издатель:

Некоммерческое партнерство «Редакция журнала «Полис»
 («Политические исследования»)
С.В. Чугров

Главный редактор:

И.К. Пантин

Научный советник:

А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Л.Н. Кузнецова,
В.В. Лапкин (первый зам. главного редактора)

Редакция:

Е.В. Рыжова

Оргподдержка:

И.М. Ситников

Компьютерная верстка:

И.М. Ситников

Журнал включен в ядро РИНЦ (двулетний импакт-фактор без самоцитирования — 1,800),
в Scopus (Sociology and Political Science, SJR Q2, Cite Score Q2), Web of Science (ESCI),
Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, ERIH PLUS.

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА
ПИ № ФС 77-73112 выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций 22 июня 2018 г.

©НП «Редакция журнала «Полис», 2020

POLIS.Political Studies
www.politstudies.ru
www.polismag.ru

ISSN 1026-9487

9 771026 948003 >

Polis. Political Studies 5'2020

Journal on Political Science, Political Sociology, International Relations, Political Philosophy

Published since 1991
Issued six times a year

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.00
<http://www.politstudies.ru>

CONTENTS

6 Presenting the Issue

8 A.V. Torkunov, D.V. Streltsov, E.V. Koldunova. Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects 22 S.V. Chugrov. Rethinking the Results of World War II in Contemporary Japan 46 A.V. Lukin. Russia and China in Greater Eurasia 60 E.Ya. Arapova, N.I. Khokhlova. Regionalization Models in the Asia-Pacific Region	THEME OF THE ISSUE: THE ATTRACTION OF THE EAST
75 P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov. The Evolution of Russian Citizens' Views on the Law: Law Abidance or Justice? 90 I.S. Palitay. The Young Generation of the Russian Political Elite: Status and Personal Characteristics 101 A.V. Selezneva, A.A. Azarnova. "Birth of a Citizen": Political and Psychological Analysis of Russian High School Students' Civic Consciousness	RUSSIA TODAY'S
114 K.D. Bugrov, A.V. Loginov. Back to the Subject: The Theory of Just War in Contemporary Political Thought 130 L.E. Grinin, A.L. Grinin. Revolutions of the 20th Century: A Theoretical-Quantitative Analysis	THEORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL STUDIES
148 I.M. Busygina, M.G. Filippov. Changing Incentives and Strategies of National Governments in Multilevel Governance across the European Union 164 M. Verlaine, A.V. Shashkova, E.V. Kudryashova. Amendments to Russian Constitution and International Institutions Decisions: EAEU Prospective (in English)	ORBIS TERRARUM
177 N.N. Gudalov. Political Practices: Problematising the Issue or Bowing to It? 186 M.S. Turchenko. The World Electoral Manipulation Practices	REFLECTING ON MATTERS IN PRINT
192 Information for Authors and Readers	

In the next issues: *Deconstruction of the System of Asymmetric Alliances in International Politics*
The Experience of Modern Reading of the Political Theory of Decolonization
Is Humanist Globolocal Biopolitics Possible?
Forming a Request for Change in Contemporary Russia
On the Development of the Project "Political Atlas of the Modern World"

Founders: Noncommercial Partnership "Editorial Board 'Polis' ('Political Studies)'"
Russian Public Organization "Russian Political Science Association"
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Noncommercial Foundation – Institute of Socio-economic and Political Researches (ISEPR Foundation)
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

Polis. Political Studies journal has a media registration certificate
PI No. FS 77-73112 issued on June 22, 2018,
by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media.

The Journal has been included in Scopus
(Sociology and Political Science,
SJR Q2, Cite Score Q2),
and in the Web of Science
(Emerging Sources Citation Index),
Russian Science Citation Index (RSCI)
on the Web of Science platform, ERIH PLUS.

Полис. Политические Исследования 5'2020

6 Представляю номер

8 А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов, Е.В. Колдунова
Российский поворот на Восток:
достижения, проблемы и перспективы

22 С.В. Чугров
Переосмысление итогов Второй мировой войны
в современной Японии

46 А.В. Лукин
Россия и Китай в Большой Евразии

60 Е.Я. Арапова, Н.И. Хохлова
Модели регионализации в АТР

**ТЕМА НОМЕРА:
ПРИТЯЖЕНИЕ
ВОСТОКА**

75 П.М. Козырева, А.И. Смирнов
Эволюция правовых представлений россиян:
законопослушность или справедливость?

90 И.С. Палитай
Молодое поколение российской политической элиты:
статусно-ролевые и личностные характеристики

**РОССИЯ
СЕГОДНЯ**

101 А.В. Селезнева, А.А. Азарнова
“Рождение гражданина”: политико-психологический
анализ гражданственности
российских старшеклассников

114 К.Д. Бугров, А.В. Логинов
Назад к субъекту: теории справедливой войны
в современной политической мысли

130 Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин
Революции XX века:
теоретический и количественный анализ

**ТЕОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

148 И.М. Бусыгина, М.Г. Филиппов
Изменение стимулов и стратегий
национальных правительств в условиях
многоуровневого управления в Европейском союзе

164 M. Verlaïne, A.V. Shashkova, E.V. Kudryashova
Amendments to Russian Constitution
and International Institutions Decisions:
EAEU Prospective

ORBIS TERRARUM

177 Н.Н. Гудалов
Политические практики:
проблематизация данности или поклонение ей?

186 М.С. Турченко
Мировые практики электоральных манипуляций

**РАЗМЫШЛЯЯ
НАД ПРОЧИТАННЫМ**

192 Информация для авторов журнала

Международный консультативный совет

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА (председатель), доктор политических наук, чл.-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (Россия)
Бьорн ВИТТРОК, заслуженный профессор, Уппсальский университет (Швеция)
Александр ГАЛКИН, доктор исторических наук, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Михаил ГОРШКОВ, доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Владимир ГУТОРОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики СПбГУ (Россия)
Петр ДУТКЕВИЧ, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Оттава (Канада)
Такаса ИНОГУТИ, президент, Университет префектуры Ниигата (Япония)
Борис КАПУСТИН, доктор философских наук, старший преподаватель Йельского университета (США)
Тимоти КОЛТОН, профессор, Гарвардский университет (США)
Стейн Угелвик ЛАРСЕН, заслуженный профессор Университета Бергена (Норвегия)
Мари МАНДРАС, профессор Школы международных отношений Института политических исследований, Париж (Франция)
Александр НИКИТИН, доктор политических наук, профессор, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России (Россия)
Игорь ПАНТИН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Россия)
Юрий ПИВОВАРОВ, доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН (Россия)
Ричард САКВА, профессор, Кентский Университет (Великобритания)
Нобуо СИМОТОМАИ, профессор, Университет Хосэй, Токио (Япония)
Анн де ТАНГИ, профессор, Институт политических исследований, Париж (Франция)
Филипп ШМИТТЕР, заслуженный профессор, Институт Европейского Университета, Флоренция (Италия)

Редакционная коллегия

Татьяна АЛЕКСЕЕВА, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России
Владимир ГЕЛЬМАН, кандидат политических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге
Андрей ДЕГТЯРЕВ, кандидат философских наук, профессор факультета политологии МГИМО МИД России
Михаил ИЛЬИН, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ
Полина КОЗЫРЕВА, доктор социологических наук, первый зам. директора ФНИСЦ РАН, зав. центром лонгитудных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ
Владимир ЛАПКИН, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, первый зам. главного редактора журнала "Политические исследования"
Марина ЛЕБЕДЕВА, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России
Ольга МАЛИНОВА, доктор философских наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ
Борис МЕЖУЕВ, кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Андрей МЕЛЬВИЛЬ, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ
Владимир ПАСТУХОВ, доктор политических наук, профессор Колледжа Св. Антония, Оксфорд
Сергей ПАТРУШЕВ, кандидат исторических наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Владимир ПЕТУХОВ, кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Яков ПЛЯИС, доктор исторических и политических наук, профессор, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ
Ирина СЕМЕНЕНКО, доктор политических наук, чл.-корр. РАН, зам. директора, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
Виктор СЕРГЕЕВ, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России
Леонид СМОРГУНОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления факультета политологии СПбГУ
Александр СОЛОВЬЕВ, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
Сергей ЧУТРОВ, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России
Елена ШЕСТОПАЛ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор:	С.В. ЧУТРОВ
Научный советник:	И.К. ПАНТИН
Редакция:	А.Л. БАРДИН, А.Н. КОКАРЕВА, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, В.В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора)
Организационная поддержка:	Е.В. РЫЖОВА
Компьютерная верстка:	И.М. СИТДИКОВ

International Editorial Council

Oksana GAMAN-GOLUTVINA (chairman), Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, President of the Russian Political Science Association (Russia)
Archie BROWN, Emeritus Prof., Oxford University (Great Britain)
Timothy COLTON, Prof., Head of the Department of Government, Harvard University (USA)
Piotr DUTKIEWICZ, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Carleton University, Ottawa (Canada)
Aleksandr GALKIN, Dr. Sci. (Hist.), Prof., honorary Dr. of Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Mikhail GORSHKOV, Dr. Sci. (Philos.), Academician, Director, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Vladimir GUTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Department for Theory and Philosophy of Political Science, Saint Petersburg State University (Russia)
Takashi INOUCHI, President, Niigata Prefecture University (Japan)
Boris KAPUSTIN, Dr. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Yale University (USA)
Stein Ugelvik LARSEN, Emeritus Prof., University of Bergen (Norway)
Marie MENDRAS, Prof., Sciences Po University's School of International Affairs, Paris (France)
Aleksandr NIKITIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Director, Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia)
Igor PANTIN, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)
Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Russia)
Richard SAKWA, Prof., University of Kent (Great Britain)
Philippe C. SCHMITTER, Emeritus Prof., European University Institute, Florence (Italy)
Nobuo SHIMOTOMAI, Prof., Hosei University, Tokyo (Japan)
Anne de TINGUY, Prof., Sciences Po Institute, Paris (France)
Björn WITTROCK, Emeritus Prof., Uppsala University (Sweden)

Editorial Board

Tatyana ALEKSEYEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Sergey CHUGROV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Andrey DEGTAREV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Vladimir GELMAN, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Faculty of Political Sciences and Sociology, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor in Ordinary of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Polina KOZYREVA, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Vladimir LAPKIN, Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, Polis. Political Studies, Moscow, Russia
Marina LEBEDEVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of World Political Processes Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Andrey MELVILLE, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dean, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Honored Scientist of Russia, Moscow, Russia
Boris MEZHUEV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Vladimir PASTUKHOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., St. Antony's College, Oxford, Great Britain
Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Vladimir PETUKHOV, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center of the Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yakov PLEIS, Dr. Sci. (Hist., Pol. Sci.), Prof., Prof. of Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Irina SEMENENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Viktor SERGEEV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Director, Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Yelena SHESTOPAL, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Leonid SMORGUNOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Governance Department, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Aleksandr SOLOVYOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor-in-Chief:	S.V. CHUGROV
Academic Adviser:	I.K. PANTIN
Editorial Staff:	A.L. BARDIN, A.N. KOKAREVA, L.N. KUZNETSOVA, V.V. LAPKIN (First Deputy Editor-in-Chief)
Organizational Support:	E.V. RYZHOVA
Computer Layout:	I.M. SITDIKOV

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Несмотря на все испытания, которые преподносит судьба, редакция работает споро и ритмично. Надеемся, что и Вы, дорогой читатель, пребываете в креативном состоянии духа и в ожидании добрых перемен.

Тема этого номера — **“Притяжение Востока”**. Рубрика открывается статьей **“Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы”**, с которой выступают **Анатолий Торкунов, Дмитрий Стрельцов и Екатерина Колдунова**. Но с какого же Востока “исходит свет” (*ex Oriente lux*)? Сразу оговорюсь, что речь в этом номере идет не обо всех восточных странах, а лишь о той громадной части Азии, которая прилегает к Тихому и Индийскому океанам. Мы привыкли ссылаться на АТР, не всегда задумываясь о пространственных параметрах региона, порой забывая о тех кричащих противоречиях, которые терзают включаемые в него страны. Многие из этих проблем восходят к наследию Войны на Тихом океане (ключевым переменам в военной памяти японцев посвящена моя статья **“Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии”**, подготовленная к 75-летию со дня окончания Второй мировой войны).

Сейчас российские исследователи стали чаще писать об Индо-Тихоокеанском регионе, относя термины АТР и ИТР к единому смысловому ряду, в котором ИТР — это вроде как “подросший АТР”. На самом деле ИТР — это не продолжение, а отрицание проекта АТР. Так, АТЭС как институциональное олицетворение азиатско-тихоокеанской идеи во главу угла всегда ставил инклюзивный экономический смысл проекта. А в мегапроекте ИТР, выдвинутом Вашингтоном, на переднем плане — вопросы безопасности, идея сдерживания главного конкурента (читай: врага) США, Китая через налаживание кооперации ряда государств в военно-стратегической сфере. То есть вектор становящегося малополезным для Вашингтона АТР Штаты намерены “по-тихому” подменить другим, предположительно антикитайским, вектором — ИТР. От реакции России тут многое зависит, и в этой рубрике о стратегических аспектах отношений наших стран рассказывает **Александр Лукин** в статье **“Россия и Китай в Большой Евразии”**.

Важная статья, венчающая эту рубрику, — **“Модели регионализации в АТР”** **Екатерины Араповой и Натальи Хохловой**, в которой регион представлен как полигон конкуренции Вашингтона и Пекина за доминирование, определяющей многоуровневость процессов параллельного складывания нескольких паттернов регионализации.

Впечатление от чтения статей рубрики для меня оказалось на общей волне с сомнением, выказанным на одном из последних семинаров Валдайского клуба Виктором Сумским, директором Центра АСЕАН МГИМО, что растущая мощь Китая заставляет думать про намерения США оказать противодействие планам инициативы “Один пояс — один путь”: “А не мираж ли это в условиях, когда США уже, похоже, не могут навязать свою власть, утекающую у них между пальцев?”. Удастся ли Трампу, почти развалившему атлантическое партнерство, создать что-то работающее в АТР, — это большой вопрос, учитывая его курс на внутренние преобразования и специфический подход к дипломатии. Что делать России? И что ждет регион — интеграция или новая фрагментация?

Из ключевых материалов номера мое внимание привлекла статья **Полины Козыревой и Александра Смирнова** “Эволюция правовых представлений россиян: законопослушность или справедливость?”, в которой показано, что все большее число наших сограждан разделяет мнение о ценности закона. Но, увы, правосознание россиян пока остается нечетким, размытым, а за готовностью следовать предписаниям не проглядывает уверенность в способности власти гарантировать надежный правопорядок и верховенство закона.

В рамках юбилея уникальной кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ мы публикуем статьи с политико-психологическим анализом представлений российской молодежи о статусно-ролевых и личностных характеристиках элиты (**Иван Палитай**) и становлении гражданственности российских старшеклассников (**Антонина Селезнева, Анна Азарнова**).

Все материалы номера, на мой взгляд, заслуживают вашего внимания, дорогие читатели. Но, прерывая рассказ о статьях номера, хочется сейчас поблагодарить и поздравить со славным юбилеем замечательного человека, сыгравшего более чем приметную роль в судьбе журнала — академика **Анатолия Торкунова**. В недавнем прошлом, когда журнал оказался в критической ситуации, он оперативно пришел на помощь, и мощная организационная поддержка с его стороны позволила спасти журнал от неминуемого исчезновения как научного издания. Его юбилей (26 августа) мы встречаем с самыми теплыми чувствами и искренними, сердечными поздравлениями. Многая лета!

Сергей Чугров
Университет Сока, Хатиодзи,
преф. Токио

7

От редакции

Редакция, преисполненная чувством глубокой благодарности, присоединяется к поздравлениям главного редактора журнала, адресованным **Анатолию Васильевичу Торкунову**! Мы помним и высоко ценим его неподдельный интерес, ответственное отношение и неоценимую помощь и поддержку, оказываемую им нашему журнальному проекту в ответственный период нашего становления в качестве полноценного журнала международного уровня. Здоровья, успехов, творческого долголетия!

В период между выходом этого и следующего выпусков журнала намечаются еще три значимых события, три больших юбилея наших товарищей и коллег по Редакции: **Игоря Константиновича Пантина, Сергея Владиславовича Чугрова и Бориса Вадимовича Межуева**. Не будем торопиться с поздравлениями, благо в следующем номере у нас будет возможность полноценно выразить свои самые добрые чувства и горячую благодарность юбилярам. Но в преддверии близящихся славных дат не можем не отметить выдающийся вклад этих по всем основаниям “людей Полиса” в благополучие и репутацию нашего журнала. Благодаря этим людям, их трудами и стараниями “Полис” выживал в тяжелые годы, развивается сегодня и строит планы на будущее: живет по своим законам, со своим взглядом на мир, со своей сверхзадачей...

Здоровья им, успехов, дерзаний и гармонии!

Спасибо за счастье совместной работы.

Редакция журнала

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

РОССИЙСКИЙ ПОВОРОТ НА ВОСТОК: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов, Е.В. Колдунова

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Москва, email: rectorat@inno.mgimo.ru; **СТРЕЛЬЦОВ Дмитрий Викторович**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, Москва, email: d.streltsov@inno.mgimo.ru; **КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, Москва, email: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8-21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00142 “Многофакторный анализ ‘азиатского поворота’ в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)”.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2020. Принята к публикации: 02.07.2020

Аннотация. Период, прошедший с момента официального провозглашения российского “поворота на Восток”, позволяет сделать предварительные выводы о его характере, достижениях, проблемах и перспективах. В настоящее время можно также отметить качественные отличия этого курса от российской внешней политики на восточном направлении на более ранних этапах. В частности, следует отметить структурно более сложный характер “поворота на Восток”, обусловленный четким выделением нескольких компонентов на стыке внутренней и внешней политики, а также региональных и глобальных измерений российской внешнеполитической стратегии. Первый компонент относится к сфере международного политэкономического взаимодействия и сочетает в себе мотивы поиска дополнительных источников экономического роста, технологий, а после 2014 г. и альтернативных рынков сбыта продукции российского топливно-энергетического комплекса, а также в целом внешнеполитических и внешнеэкономических альтернатив в условиях нарастающих санкций со стороны США и ЕС. Этому способствовал тот факт, что ключевые азиатские партнеры России (Китай, Индия, Республика Корея, страны Юго-Восточной Азии) отказались участвовать в антироссийских санкциях, а участие в них Японии изначально приобрело номинальный характер. Второй компонент может быть обозначен как носящий внутренний политико-институциональный характер. Он связан с попыткой переосмысления парадигмы и модели развития российских регионов Сибири и Дальнего Востока в контексте существенных трансформаций внешней среды и растущей экономической и демографической асимметрии между европейской и азиатской частями России. Третий компонент включает в себя разработку концептуальной рамки Большой Евразии, позволившей бы России сохранить, а в идеале и приумножить ее интеграционный потенциал в качестве одной из ведущих стран в мировой системе за счет институционализации различного рода экономических и политических партнерств в первую очередь со странами Азии. Если трансформации в рамках первой компоненты к настоящему времени являются очевидными и подвергаются качественной и количественной оценке, представленной в статье, контуры изменений в рамках второй и третьей лишь намечены и требуют серьезной дальнейшей проработки.

Ключевые слова: Россия, поворот на Восток, Китай, Япония, АСЕАН, Азия, внешняя политика, Большая Евразия.

Российская Федерация обладает уникальными региональными параметрами, позволяющими ей играть важную роль в экономике и политике Азии. К ним можно отнести ее географическую близость к экономически динамичному Азиатско-Тихоокеанскому региону, огромный транзитный потенциал и высокую насыщенность природными ресурсами. Она пользуется в регионе заслуженным авторитетом и имеет там статус одной из наиболее влиятельных держав. Проявляя заинтересованность в развитии региональных многосторонних форматов взаимодействия, Россия является членом большинства региональных организаций и форумов, как политических, так и экономических, и активно участвует в политических процессах в АТР.

Поворот России на Восток был задуман, во многом исходя из геостратегических и геоэкономических соображений. Очевидно, что баланс сил в мире сегодня в существенной степени зависит от ситуации в Азии, и России требуется опора на тот регион, где в концентрированном виде проявляются глобальные экономические и политические процессы. Поскольку Восточная Азия становится основным источником глобального экономического роста, статус России как одной из мировых держав будет в значительной степени зависеть от прочности ее позиций в регионе. При этом в геостратегическом плане не меньшее значение имеет для России и военно-политическая динамика на Ближнем и Среднем Востоке, а также ее отношения с Индией — ключевым партнером в Южноазиатском регионе. Иными словами, для того чтобы сохранить и приумножить свое влияние на глобальном уровне, России необходимо качественно улучшить свои отношения с западным миром в его расширенном понимании.

Провозглашенная российским руководством во второй половине 2000-х годов политика поворота на Восток связана с немалыми экономическими, технологическими, административными и политико-стратегическими вызовами. Следует признать, что экономические позиции России в АТР пока еще недостаточно сильны. Регионы Сибири и Дальнего Востока (РСиДВ) относятся к числу менее развитых, если не сказать депрессивных, районов Российской Федерации по сравнению с ее европейской частью: их экономика страдает от депопуляции, односторонней ориентации на китайский рынок, сырьевой специализации и отсутствия источников инновационного развития. Сумма этих обстоятельств по сути до недавнего времени определяла их потенциальную роль в экономических процессах в АТР в качестве топливно-сырьевого придатка экономик более развитых стран региона.

Между тем географическая близость этих территорий к динамично развивающимся восточноазиатским экономикам способствует развитию торгово-инвестиционных связей между ними. Иными словами, восточные территории России могут выступать “точками входа” для капитала, технологий, услуг и рабочей силы с динамично развивающегося Востока [Russia and East Asia... 2014: 10] в случае, если в полной мере будут решены внутренние структурные задачи их экономического развития.

Политика поворота на Восток сталкивается и с проблемами психологического характера. К их числу можно отнести ориентацию на Европу нескольких поколений значительной части российской элиты и деловых кругов, не рассматривавших азиатские страны на рубеже нового тысячелетия как серьезный и — самое главное — насущно необходимый объект приложения внешнеполитических и экономических усилий. Несмотря на то, что три чет-

верти территории России находятся к востоку от Урала, там проживает менее 30% населения, а для значительной части россиян проблемы азиатских регионов страны остаются “далекими” и не воспринимаются в качестве “своих”. Большинство жителей страны привычно полагают, что Россия все-таки ближе к Европе, чем к Азии (55% против 18%)¹. Структурные проблемы до недавнего времени усугубляло также отсутствие консенсуса о модели развития Сибири и Дальнего Востока и инструментах ее реализации.

На этом фоне основная цель такого поворота заключается в ликвидации дисбаланса в развитии восточных регионов, с одной стороны, и европейской части России, с другой, их встраивание в структуру экономических связей АТР с учетом современных политико-экономических трендов.

Политика России на этом направлении просматривается в трех плоскостях:

1) ускорение развития Дальнего Востока России за счет полной реализации заявленных государственных инвестиционных программ;

2) наращивание усилий по экономической интеграции РСиДВ в АТР;

3) качественное углубление стратегического двустороннего и многостороннего политического взаимодействия с партнерами по региону, а в идеале — разработка совместными усилиями практического и осязаемого воплощения идеи Большой Евразии с трезвым учетом специфики конкурирующих и сопрягающихся макрорегиональных проектов.

Речь идет о максимальной диверсификации экономических и геостратегических партнеров в Азии, в число которых необходимо включить ее крупные экономики — Китай, Японию, Южную Корею, Индию, интеграционный блок АСЕАН и ряд других. Если первая задача относится к числу внутренних, то вторая и третья, будучи глубоко взаимосвязанными, — к числу внешних. В силу ограниченности рамок данного исследования авторы намеренно дистанцировались от отношений России со странами мусульманского мира, хотя их активное развитие в последние годы, бесспорно, является значимой частью российской политики поворота на Восток.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА ПОЛИТИКИ ПОВОРОТА НА ВОСТОК

В историческом плане восточное направление внешней политики всегда занимало особое место в домене российской идентичности. На протяжении многих десятилетий в российской интеллектуальной элите идут споры о том, в какой мере судьба России связана с Востоком и в какой степени ее будущее будет зависеть от положения дел в Азии.

В XVIII-XIX вв. Россия проводила в Азии свою политику, ощущая себя, если говорить словами Ф.М. Достоевского, “европейцем в Азии”. Как писал русский классик, “Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе”². Россия продвигалась на Восток, опираясь на идею мессианства, согласно которой Российская империя выполняет в Азии великую цивилизаторскую миссию.

¹ Интерес россиян к Китаю. — *ФОМ*. 07.05.2015. URL: <https://fom.ru/Mir/12150> (accessed 31.05.2020).

² Достоевский Ф.М. *Собр. соч. в 15 тт. Т. 14*. Санкт-Петербург: Наука. 1995. С. 504.

В конце XIX в. многие русские мыслители утверждали, что будущее России будет связано с Востоком, под которым понимался контекст мусульманского мира и особенно Центральной Азии. Позднее, в 1920-1930-е годы, эта идея нашла отражение в деятельности отцов-основателей идеологии евразийства П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г.В. Вернадского и др. После образования СССР идеология ленинизма основывалась в числе прочего на солидарности с колонизированными и поработченными народами Азии. Проповедуя идеи “национального освобождения”, Россия должна была показать пример народам Азии в поиске путей продвижения к социализму.

В постсоветский период Россия стремилась к тому, чтобы оставаться ключевым региональным игроком в решении азиатских вопросов, оставаясь при этом державой глобального уровня. При этом поиск точек соприкосновения России со многими азиатскими странами главным образом строился на использовании недовольства ими западоцентричной институциональной архитектурой мирового управления, которая сформировалась в эпоху безусловного доминирования Запада в глобальной экономике.

Концептуальное оформление восточный вектор внешней политики России получил в конце 1990-х годов, в последние годы президентства Б.Н. Ельцина. Этот вектор имеет очевидную персонификацию, ассоциируясь с личностью Евгения Максимовича Примакова, министра иностранных дел России в 1996-1998 гг. и премьер-министра России в 1998-1999 гг. Е.М. Примаков выступил против доминантной роли США в решении мировых дел и за формирование миропорядка на основе принципа мультилатерализма. Линия Примакова заключалась в проведении сбалансированной внешней политики, направленной на поддержание дружественной атмосферы в отношениях с Западом, при одновременном развитии сотрудничества с азиатскими странами, и прежде всего с Китаем и Индией. Именно Примакову принадлежит идея создания стратегического треугольника Москва — Дели — Пекин. В своих выступлениях он настаивал на том, что Россия должна уделять первоочередное внимание развитию дружественных отношений с государствами Восточной Азии и Ближнего Востока, приняв многовекторную стратегию, отвергающую однополярность [Примаков 2011: 145-205].

С началом президентства В.В. Путина в 2000 г. Россия активизировала свою азиатскую дипломатию, главный акцент в которой был сделан на более тесных экономических связях с азиатскими странами — Китаем, Японией, Южной Кореей, а также странами АСЕАН. В начале 2000-х годов Москва выдвинула идею единого пространства между Лиссабоном и Владивостоком, в основе которой лежало представление о геостратегической роли России как трансконтинентального связующего звена между Атлантическим и Тихоокеанским “крыльями” Евразии. В ответ на прозвучавшее в 2001 г. предложение Председателя Еврокомиссии Р. Проди создать общее европейское экономическое пространство российские лидеры озвучили на саммитах Россия — ЕС свое стремление ускорить строительство Большой Европы от Лиссабона до Владивостока [Ильин 2015: 87].

Новая актуализация политики поворота на Восток произошла в конце 2000-х годов, когда в свете уроков финансового кризиса 2008-2009 гг. ключевое значение для России приобрели торгово-экономические отношения со странами Большой Восточной Азии [“Большая Восточная Азия”... 2010: 16-17]. В Кремле осознали необходимость поддерживать выгодные партнерские отношения в обоих направлениях — как на Западе, так и на Востоке.

Крупным событием в реализации политики поворота на Восток стал саммит АТЭС, проведенный в сентябре 2012 г. во Владивостоке, на котором Россия, выступив в качестве страны-хозяйки, позиционировала себя в качестве полноценного члена азиатско-тихоокеанского сообщества, способного задавать общерегиональную повестку дня на столь представительном форуме [Sumsky, Koldunova, Kanaev 2012: 8]. Накануне саммита в газете *The Wall Street Journal* была опубликована статья В.В. Путина, в которой российский президент следующим образом обозначил позицию России в АТР. «Наша страна исторически, географически — неотъемлемая часть АТР. Полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство мы рассматриваем как важнейший залог успешного будущего России, развития сибирских и дальневосточных регионов»³. А в декабре 2013 г., выступая с традиционным ежегодным посланием к Федеральному Собранию, Путин заявил, что развитие Сибири и Дальнего Востока — «наш национальный приоритет на весь XXI век»⁴.

Однако кризис в отношениях с Западом после воссоединения с Крымом весной 2014 г. заставил внести существенные коррективы в восточную политику Кремля. Если ранее поворот на Восток был больше связан с прогнозной оценкой Москвы, подразумевающей, что Азия будет главным источником будущего экономического роста, а потому с ней необходимо развивать взаимовыгодные торгово-экономические отношения, то теперь одним из основных мотивов России становилось стремление ослабить свою экономическую зависимость от Запада (и особенно Европы) в целом и добиться существенной диверсификации с точки зрения маршрутов поставок российских энергоресурсов [Савченко, Зуенко 2020: 111]. Свою роль в подобном переосмыслении сыграло и то обстоятельство, что основные азиатские партнеры России (Китай, Индия, РК, страны ЮВА) отказались участвовать в антироссийских санкциях, а участие в них Японии носило номинальный характер, не нанося большого ущерба российской экономике.

Одновременно с переоценкой внутреннего содержания внешнеполитических приоритетов после 2014 г. российский поворот на Восток приобрел еще одно измерение, выразившееся в запуске собственного интеграционного проекта в Евразии — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). К 2015 г. ЕАЭС объединил Россию, Беларусь, Армению, Казахстан и Киргизию, а ключевым партнерам в Азии было адресовано предложение о выработке форматов взаимовыгодного сотрудничества [Торкунов 2014].

В посткрымский период Россия стала прилагать усилия к привлечению иностранных инвестиций из азиатских стран, и в первую очередь из Китая, для освоения новых источников нефти и газа в Сибири и на Дальнем Востоке. Роль азиатского вектора во внешнеполитических приоритетах была акцентирована в публичных выступлениях российского президента. Например, в феврале 2019 г. В.В. Путин во внешнеполитической части президентского послания поставил азиатские страны на первое место — впереди Европы и США⁵.

³ Путин В.В. Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС. Статья Владимира Путина, размещенная в азиатском издании ведущей американской деловой газеты «Уолл-стрит джорнэл». — *Президент России*. 05.09.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16390> (accessed 31.05.2020).

⁴ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России*. 12.12.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed 31.05.2020).

⁵ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России*. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 31.05.2020).

Поворот России к Азии был очевиден не только в экономической, но и в финансовой сфере. В 2018 г. Центральный Банк России резко сократил долю своих активов, находящихся в США, с 29,9 до 9,7% и одновременно увеличил активы в Китае (с 2,6 до 14,1%) и в Японии (с 1,5 до 7,5%). Доля резервов Центрального Банка, деноминированных в долларах США, снизилась с 45,8 до 22,7%, а его китайские активы в юанях подскочили с 2,8 до 14,2%⁶.

Постепенно были скорректированы приоритеты в той части поворота на Восток, которая касается развития РСидВ. Традиционно этот поворот мыслился в категориях привлечения азиатских инвесторов к крупным инфраструктурным и энергетическим проектам, которые, как предполагалось, смогут помочь возрождению региона. Пришло понимание, что такие проекты имеют ограниченное влияние на региональную экономику, и прежде всего потому, что не затрагивают интересы большинства населения региона [Lubina 2016: 162]. Проблема этих проектов заключалась в том, что многие из них были изначально политизированными и переоценивали интерес к ним зарубежных партнеров. Особенно это касалось проектов инфраструктурного строительства (например, проектов строительства транскорейской железнодорожной магистрали или транскорейского газопровода, или газопровода и железнодорожного моста между Сахалином и Хоккайдо).

Такие проекты имели определенную коммерческую перспективу, они не учитывали в полном объеме политические риски, а потому не привлекли должного внимания потенциальных партнеров. Там же, где они были материализованы (как, например, нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий Океан или газопровод “Сила Сибири”), экономические выгоды от их реализации в основном шли в Москву, а выгоды для региона оставались ограниченными, не становясь основой для его возрождения. Теперь же основной упор предлагалось сделать на привлечение иностранных инвесторов к высокотехнологичным производствам с высокой добавленной стоимостью, используя для этого налоговые, визовые и административные льготы. С целью ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения российское правительство с 2015 г. приступило к созданию в Сибири и на Дальнем Востоке Территорий опережающего развития (ТОРов).

13

РОССИЙСКИЙ ПОВОРОТ НА ВОСТОК: ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР

Наиболее заметной частью поворота на Восток стало повышение роли и значения Китая в восточной политике Кремля. С момента вступления Путина в должность в 2000 г. в российско-китайских отношениях произошли качественные перемены к лучшему. В 2001 г. между странами был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Исчезла напряженность, унаследованная от периода китайско-советской конфронтации, к 2004 г. урегулированы все пограничные вопросы, в результате чего крупнейшая в мире сухопутная граница с Китаем протяженностью свыше 4 200 км стала зоной добрососедства и сотрудничества. Существенным достижением российско-китайских отношений этого периода стало формирование общего пространства безопасности по периметру российско-китайской границы [Voskressenski 2020], закрепленному на многостороннем уровне благодаря созданию в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

⁶ Годовой отчет Банка России за 2018 год. — *Официальный сайт Банка России*. С. 95. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19699/ar_2018.pdf (accessed 31.05.2020).

Сотрудничество между Россией и Китаем существенно интенсифицировалось после того, как кризис 2008 г. выявил неадекватность системы глобального управления, регулируемой преимущественно западными странами. Во время своей предвыборной кампании в 2011 г. В.В. Путин призывал ловить “китайские ветры” в “паруса” российской экономики. Курс на приоритетное развитие российско-китайского партнерства получил новый импульс после возвращения Путина в мае 2012 г. на президентский пост. В своих выступлениях российский лидер акцентировал, что экономическое и стратегическое партнерство России и Китая основано на общности подходов к преобразованию мирового порядка и международных институтов.

Это партнерство не замедлило принести плоды: Россия получила у Китая существенные средства для финансирования строительства нового нефтепровода на восточном направлении. В начале 2014 г. Россия сделала для Китая исключение, допустив его первым среди иностранных инвесторов к долевному участию в проектах по добыче нефти и других полезных ископаемых. В том же 2014 г., на фоне углублявшегося политико-экономического кризиса в отношениях с Западом, Россия подписала соглашение на 400 млрд долл. США о ежегодных поставках Китаю 38 млрд м³ газа в течение 30 лет с месторождений в Восточной Сибири. Построенный для реализации соглашения газопровод “Сила Сибири” был запущен в эксплуатацию в декабре 2019 г., а на проектную мощность он выйдет, как ожидается, к 2024 г. [Wishnick 2020]. Россия стала главным поставщиком сырой нефти, опередив по объемам поставок на китайский рынок Саудовскую Аравию.

Еще в 2011 г. Китай обогнал Германию, став крупнейшим торговым партнером России. В 2018 г. китайско-российская торговля достигла объема 100 млрд долл. США. Лидеры двух стран озвучили намерение удвоить эту цифру к 2024 г. При этом обращают на себя внимание качественные подвижки в структуре внешнеэкономических связей. Помимо традиционного предмета российского экспорта в Китай — вооружений, минеральных продуктов, древесины, машин и оборудования, Россия активизировала поставки в Поднебесную сельхозпродукции, закрепившись на китайском рынке в качестве одного из ключевых поставщиков соевых бобов [Wishnick 2020].

В России с участием китайских партнеров и китайского капитала реализуются в настоящее время порядка 30 инвестиционных проектов на общую сумму 22 млрд долл. США. Значительная часть китайских инвестиций — 3,5 млрд долл. США — вложена в проекты на российском Дальнем Востоке⁷.

Отдельным направлением сотрудничества России и Китая стал поиск договоренностей о координации усилий в рамках двух макрорегиональных проектов, инициированных ими — ЕАЭС и Инициативы “Один пояс — один путь”, о начале реализации которой председатель КНР Си Цзиньпин объявил в 2013 г. Результатом поиска стало соглашение 2015 г. о сопряжении обоих проектов. Сама терминология “сопряжения” стала компромиссной формулой, подразумевавшей, что Россия не является объектом или частью Инициативы “Один пояс — один путь”, однако ее мнение должно учитываться при реализации Инициативы.

Между президентом России В.В. Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином установились прочные личные взаимоотношения, которые стали важным фактором в продвижении проектов сотрудничества, особенно в таких политически значимых секторах, как энергетика и сфера националь-

⁷ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. — *Президент России*. 05.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60672> (accessed 31.05.2020).

ной обороны. Последнюю сферу можно отнести к числу наиболее динамично развивающихся областей двустороннего взаимодействия в последние годы. Например, в 2016–2017 гг. страны провели ряд совместных учений в области противоракетной обороны, в июле 2019 г. впервые выполнили совместное воздушное патрулирование над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей⁸. В октябре 2019 г. В.В. Путин заявил, что Россия поможет Китаю разработать систему раннего обнаружения ракетных пусков.

В настоящее время объективным фактором, подталкивающим Россию и Китай к поиску общих подходов к вопросам военной безопасности, становится также общее понимание необходимости сохранения стратегической стабильности в условиях одностороннего выхода США практически из всех основных договоров этой системы (ПРО, ДРСМД, Договор по открытому небу).

Символами российско-китайского сотрудничества стало открытие в марте 2019 г. первого железнодорожного моста через реку Амур, соединившего города Тунцзян китайской провинции Хэйлунцзян и Нижнеленинградский Еврейской автономной области России. В ноябре 2019 г. было завершено строительство автомобильного моста между городом Хэйхэ на северо-востоке Китая и Благовещенском. Открытие двух мостов имело символическое значение по той причине, что это были первые постоянные мосты через реку Амур, служившую на протяжении веков границей между двумя странами.

По итогам визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в июне 2019 г. было подписано Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в котором поставлены новые масштабные задачи и долгосрочные ориентиры сотрудничества⁹. С российских позиций эти отношения во многом вписываются в долгосрочную цель покончить с доминированием США и с ориентированным на Запад миропорядком, в котором Вашингтон играет ведущую роль. Нынешнее состояние двусторонних отношений стало, по сути, одним из проявлений многополярного миропорядка, о котором говорил президент Путин на Мюнхенской конференции по безопасности в начале 2007 г. [Шпангер 2016: 4]. Отношения между Москвой и Пекином находятся на историческом максимуме. Хотя эти отношения не зависят от внешней конъюнктуры, интенсивную динамику их развития в последнее время во многом можно считать отражением усилившейся с 2018 г. напряженности в американо-российских и американо-китайских отношениях.

Вместе с тем, смотря на эти отношения с позиций России, можно видеть и тенденции, дающие повод для размышлений. Например, это касается сложившейся структуры торгово-экономических связей, которая не отражает в полной мере заложенный в них потенциал. Поскольку около 70% российско-го экспорта в Китай составляют энергоносители (данные 2018 г.)¹⁰, в России

⁸ Петров И. РФ и Китай впервые провели совместное патрулирование в АТР. — *Российская газета*. 23.07.2019. URL: <https://rg.ru/2019/07/23/rf-i-kitaj-vpervye-proveli-sovmestnoe-vozdushnoe-patrulirovanie-v-atr.html> (accessed 31.05.2020).

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. — *Президент России*. 05.06.2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 31.05.2020).

¹⁰ Дробышева И. Масштабы сотрудничества расширяются. — *Российская газета*. №248 (8006). 04.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/04/rf-i-knr-uvelichili-investicii-v-proekty-na-dalнем-vostoке-i-v-arktike.html> (accessed 31.05.2020).

растет обеспокоенность в связи с тем, что она может со временем оказаться в сильной зависимости от китайского рынка, по сути превратившись в сырьевой придаток Китая, что делает Россию крайне уязвимой от колебаний спроса со стороны китайских предприятий и сказывается на объемах российского экспорта, в котором Китай уже занимает доминирующие позиции.

Расчеты показывают, что поставленная лидерами двух стран цель увеличения товарооборота может считаться реалистичной только в том случае, если его структура сохранится в неизменном виде, т.е. если одновременно будут наращиваться как российский сырьевой экспорт в Китай, так и китайский импорт оборудования в Россию. Однако такая перспектива по упомянутым выше причинам не устраивает ее, и поэтому Москва ставит на повестку дня вопрос о качественном повышении инновационной составляющей связей — ускорении интеграции в рамках производственных моделей внутрифирменной кооперации. При этом звенья производственного процесса, разбросанные по обе стороны границы, предполагают создание в рамках каждого из них существенной доли добавленной стоимости.

России также приходится учитывать, что структурные особенности ее экономики не обеспечивают достаточной основы для того, чтобы она играла ключевую роль в регионе в целом, особенно в контексте продолжающегося экономического и технологического развития Азии. В условиях глобальной конкуренции за китайские инвестиции России не приходится ожидать от Китая “легких денег”. Поэтому одной из ключевых задач остается поиск перспективных проектов, которые могли бы привлечь китайских инвесторов.

Другой вопрос — уважение национальных интересов друг друга, не всегда совпадающих применительно к насущным вопросам международно-политической повестки дня. В Москве хорошо понимают, что Китай не обязательно будет принимать сторону России по всем вопросам, касающимся ее конфликта с Западом. Принимая экономический и военно-политический подъем Китая как данность, Россия имеет собственные взгляды на формирующийся миропорядок и не хотела бы стать “младшим партнером” КНР в силу увеличивающегося разрыва в экономической мощи двух стран.

С учетом того, что Китай вовлечен в ряд пограничных конфликтов с соседями, Москве не хотелось бы оказаться перед необходимостью занять в таких конфликтах чью-либо сторону в силу ее особых отношений с Пекином. Речь, в частности, идет об Индии и Вьетнаме, являющихся проверенными временем партнерами России и крупными покупателями российских вооружений, а также Японии, с которой Россия пытается наладить взаимовыгодные отношения в сфере инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке. С этими странами Россия развивает связи на основе взаимного уважения позиций друг друга по ключевым вопросам региональной повестки дня, и не в ее интересах, чтобы их территориальные споры с Китаем наносили ущерб ее отношениям с этими государствами.

Чтобы не попасть в ловушку двусторонних отношений, в которых Китай “однажды” может стать доминирующей державой, Россия должна развивать прочные партнерские отношения со всеми азиатскими странами, обеспечивая им равный доступ к своим крупным внутренним рынкам и природно-ресурсным богатствам. Равенство возможностей и конкуренция между динамично развивающимися державами Азиатско-Тихоокеанского региона за такой доступ объективно выгодны России, так как позволяют ей чувствовать себя

более уверенно на рынках региона и иметь большее пространство для внешнеполитического маневра в своей азиатской дипломатии.

В данном контексте дополнительной геополитической опорой России в Азии должна оставаться Индия, которая уже включена во многие многосторонние форматы с участием России и Китая (ШОС, РИК, БРИКС). В экономическом плане важнейшими партнерами России в Восточной Азии являются Япония и Республика Корея, хотя оборот двусторонней торговли с ними — 21 млрд долл. с Японией и 25 млрд долл. с РК (2018 г.) — значительно отстает от товарооборота России с Китаем.

Хотя в геополитическом отношении Япония, заключившая Договор безопасности с США, является противником России, это не создает препятствий для развития с ней взаимовыгодных экономических и политических связей. В России рассматривают Японию в качестве важного партнера в Азии, стабильные отношения с которым имеют ключевое значение в контексте политики поворота на Восток. После возвращения В.В. Путина на пост президента в 2012 г. эти отношения находятся на подъеме.

В интересах России — привлечь Японию к проектам социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока в качестве потенциального источника технологий и инвестиций по развитию этих территорий. Стабильные партнерские отношения с Японией, которые в прошлом неоднократно давали России существенные выгоды, усиливают позиции России в мире и регионе, помогая избежать “китайского крена” в ее азиатской политике.

Немалое значение для двусторонних отношений имеют прочные личные отношения между лидерами — Путин и Абэ встречались уже 27 раз. По инициативе японской стороны в мае 2016 г. запущен к реализации план из восьми пунктов, касающийся экономического сотрудничества двух стран, в настоящее время успешно развивается около ста инвестиционных проектов.

Для России партнерство с Японией имеет в первую очередь экономическое значение. Россия активно закрепляется на японском энергетическом рынке, особенно в свете задачи восполнения дефицита энергоснабжения Японии после катастрофы на АЭС Фукусима в марте 2011 г. В 2019 г. японский бизнес получил 10-процентный пакет акций стоимостью более 2 млрд долл. США в проекте “Арктик СПГ-2”, достигнута договоренность об участии японских компаний в новом проекте по строительству завода производству СПГ мощностью в 6,2 млн т. СПГ в год на российском Дальнем Востоке. Согласно инвестиционным планам, проект обеспечит около 10% потребностей Японии в природном газе.

Стабильным отношениям с Японией по-прежнему препятствует нерешенный вопрос мирного договора, в основе которого лежат принципиальные различия в подходе сторон к итогам Второй мировой войны. Неслучайно российский президент назвал такую ситуацию “ненормальной”. Вместе с тем стороны продолжают конструктивный диалог по данному вопросу, а отсутствие конкретных договоренностей несколько не препятствует развитию двусторонних отношений в прочих областях.

Большое значение в политике поворота на Восток имеют для России экономические и политические связи с Республикой Корея. Особенно важно то, что провозглашенная администрацией Мун Чже Ина “Новая Северная политика”, которая является неотъемлемой частью концептуального видения

Сеулом сотрудничества с Россией, имеет большую перспективу “сопряжения” с политикой поворота на Восток [Rinna 2019: 166]. При этом, помимо взаимной выгоды, торгово-экономические связи двух стран способствуют снижению напряженности на Корейском полуострове и вносят свой вклад в укрепление региональной стабильности в Северо-Восточной Азии.

Отдельным перспективным направлением, сочетающим потенциал развития как двусторонних, так и многосторонних отношений, остается взаимодействие России с АСЕАН, в 2018 г. вышедшей на уровень стратегического партнерства. АСЕАН как коллективный партнер обеспечивает России возможность вовлечения на равноправной основе во все ключевые многосторонние форматы, для которых Ассоциация стала “центральной” звеном. В данном случае речь идет о Региональном форуме АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатском саммите и Совещании министров обороны стран АСЕАН с главными диалоговыми партнерами (СМОА+). С 2016 г. экономическими партнерами ЕАЭС по ЗСТ стали Вьетнам и Сингапур, начаты переговоры с Таиландом. Россию и АСЕАН объединяет также общность взглядов на идею Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Обе стороны воспринимают возможности ее реализации необыкновенно в политически и экономически инклюзивном, а не военно-стратегическом, ключе¹¹.

ВЫВОДЫ

Проводимая Россией с начала 2010-х годов политика поворота на Восток стала гораздо более длительным по времени и богатым по содержанию явлением, чем российская политика на восточном направлении на предыдущих исторических этапах. Эта политика в долгосрочном отношении основана на приоритете ее экономических интересов над политическими и на увязке ее дипломатии с внутренними потребностями. Особенностью ее реализации на нынешнем этапе можно считать ужесточающийся внешнеполитический фон, который проявляется в превалировании конфронтационных тенденций над кооперационными, усложнении динамики безопасности как в Евроатлантике, так и в АТР, перенимающем позиции основного генератора мирового экономического роста, обострении противостояния России с Западом по ключевым вопросам мироустройства.

На политику российского поворота на Восток свое влияние неизбежно оказывает пандемия COVID-19, которая стала серьезным вызовом для всей системы глобального управления. Пандемия вновь убедительно продемонстрировала миру опасность невоенных угроз, и прежде всего тех из них, которые связаны с риском возникновения новых вспышек инфекционных заболеваний, изменениями климата, стихийными бедствиями и иными непредвиденными чрезвычайными ситуациями природного характера.

Пандемия высветила слабость и неэффективность глобальных и региональных институтов, призванных противостоять этим угрозам и одновременно обострила чувство единства судьбы всего человечества. Новое подтверждение получили принципы неделимости безопасности, в реализации которой не может быть проигравших и победителей, недопустимости опоры

¹¹ Интервью заместителя Министра иностранных дел России И.В. Моргулова газете “Известия”. — *МИД России*. 04.05.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/3208456 (accessed 31.05.2020); ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. — *ASEAN*. 22.06.2019. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed 31.05.2020).

на блоковую стратегию в международной политике. Пандемия, от которой невозможно отгородиться национальными границами, несмотря на их закрытие, требует скоординированных усилий всего мирового сообщества, грамотной и инклюзивной системы управления глобальными взаимосвязями.

Между тем еще до начала пандемии обнаружилась тенденция к геополитическому противостоянию крупнейших мировых экономик — США и Китая, давшее основания говорить о формировании “новой биполярности”. В представленном администрацией Дональда Трампа докладе “Стратегический подход США к Китайской Народной Республике” проявился качественный и необратимый переход от сдерживания Китая к его неприятию. Велика вероятность того, что в “постковидную” эпоху произойдет дальнейшее обострение идеологического и военно-политического противостояния между ведомым Соединенными Штатами Западом и Китаем, на который США попытаются возложить основную ответственность за замалчивание информации о пандемии в начальный период ее возникновения. Для России важно не быть втянутой в эту конфронтацию. Российская стратегия должна заключаться в том, чтобы продвигать свое видение мирового порядка, базирующегося на накопленном позитивном опыте международного взаимодействия, и добиваться сохранения своих позиций в качестве независимого полюса международной системы. В Азии такая стратегия вызовет доверие к России со стороны стран, которые не устраивает перспектива присоединения к одному из центров этого противостояния.

Объективным фактом также остается, однако, и то, что наибольшие успехи российской политики поворота на Восток были достигнуты в первую очередь в сфере активного развития экономического сотрудничества с Китаем, который в 2010 г. превратился во вторую экономическую державу мира после США. Для России приоритетное развитие китайского направления ее внешней политики является ключевым элементом внешнеполитической части стратегии национальной безопасности, цель которой заключается в нейтрализации усилий стран Запада по международной изоляции России, а также смягчению последствий экономических санкций. Вместе с тем односторонняя ориентация экономических потоков на Китай чревата риском повышения зависимости от китайского рынка и усиления стратегической уязвимости российской экономики. Эта зависимость при желании может быть использована в политических целях, что сопряжено с угрозой национальной безопасности страны. На этом фоне Россия стоит перед необходимостью диверсификации экономических партнеров и подключения к многосторонним проектам взаимовыгодного экономического сотрудничества в АТР.

Имея в Азиатско-Тихоокеанском регионе ограниченные ресурсы, Россия заинтересована в стабильности политико-экономической среды и правил международного поведения. По этой причине Россия остается здесь в значительной степени державой статус-кво, проявляя оппозицию к любым попыткам пересмотреть сложившиеся правила. “Антиревизионизм” России выполняет балансирующую функцию в системе региональных отношений, позволяя ей играть в АТР гораздо более важную роль в безопасности и дипломатии. Для сохранения балансирующей функции России необходимо трезво оценить основную тенденцию региональной динамики последних лет, а именно — смещение акцентов повестки дня с Тихоокеанской Азии в сторону Индо-Тихоокеанского региона. Дистанцируясь от военно-геополитических трактовок этого конструкта, имеет смысл налаживать здесь более продуктивный диалог по вопросам развития с теми региональными си-

лами, которые действительно находятся в центре этого региона и выступают за его инклюзивный характер — это в первую очередь АСЕАН, Индия и Япония.

В июне 2016 г. президент В.В. Путин, выступая на Санкт-Петербургском экономическом форуме, озвучил концепцию партнерства Большой Евразии, видя в ней способ развития Евразийского интеграционного проекта и расширения геополитического влияния России на страны Азии. Партнерство призвано закрепить за Россией статус ключевого игрока на континенте, а не просто территории, географически соединяющей Азию и Европу. Смысл российской инициативы — обеспечить платформу для эффективного сотрудничества между всеми странами и регионами Евразийского континента, включая Россию, страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, а также страны европейского субконтинента и их организации, в той мере, в какой они будут настроены на конструктивное сотрудничество.

Учет ключевой роли Индии в ИТР, Китая в Тихоокеанской Азии и признание за АСЕАН центральной роли в институциональной организации этого огромного формирующегося политико-экономического пространства позволил бы России получить поддержку своих макрорегиональных проектов. Применительно к российско-китайским отношениям концепция Большой Евразии дает возможность партнерам избежать конкуренции и развивать сотрудничество в стратегически важном для них направлении, позволяя обеспечить гармонизацию между российскими и китайскими инициативами “Один пояс — один путь” и ЕАЭС. Обозначенная инициатива пока еще не вышла за концептуальные рамки, задающие вектор взаимодействия государств Евразии. Однако ставя своей целью превращение Евразии в один из центров мировой экономики и политики, она имеет большую привлекательность для менее развитых или менее крупных стран региона, позволяя им ускорить свое развитие, оставаясь в рамках неконфронтационной парадигмы.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

RUSSIA'S PIVOT TO THE EAST: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, AND PROSPECTS

A.V. Torkunov¹, D.V. Streltsov¹, E.V. Koldunova¹

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

TORKUNOV, Anatoly Vasilyevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of RAS; Rector, MGIMO University, email: rectorat@inno.mgimo.ru; **STRELTSOV, Dmitry Viktorovich**, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Asian and African Studies Department, MGIMO University, email: d.streltsov@inno.mgimo.ru; **KOLDUNOVA, Ekaterina Valer'evna**, Cand. Sc. (Pol. Sci.), Associate Professor, Asian and African Studies Department, MGIMO University, email: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Torkunov A.V. Streltsov D.V., Koldunova E.V. Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems and Prospects. — Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 8-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.02>

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation research project № 19-18-00142 “Multifactor analysis of the ‘Turn to the East’ in Russian foreign policy (achievements, problems, and prospects)”.

Received: 09.06.2020. Accepted: 02.07.2020

Abstract. The period that has passed since the official proclamation of the Russian ‘pivot to the East’ allows us to draw preliminary conclusions about its nature, achievements, problems, and prospects. At present, the qualitative differences between this current course and earlier stages of Russian foreign policy looking towards an eastern direction can also be noted. In particular, it is worth noting the more structurally complex profile of the ‘pivot to the East’, due to the clear identification of several components at the junction of domestic and foreign policy, as well as the regional and global dimensions of the Russian foreign policy strategy. The

first component regards political and economic interaction internationally, including the aggregated motives for searching for additional sources of economic growth and technology, and the search for alternative energy markets and political and economic alternatives which arose after 2014, under expanding sanctions by the US and the EU; Russia's key partners in Asia (China, India, the Republic of Korea, Southeast Asian states) refused to join anti-Russian sanctions, while Japan paid them only lip service. The second component regards internal political and institutional development, which is connected with the intention to reassess Russian Siberia and the Far East development against the background of external milieu's radical transformation and growing economic and demographic asymmetry between the European and Asian parts of Russia. The third component includes further development of the Greater Eurasia conceptual framework, which could have helped Russia to retain and ideally to raise its integrationist potential as one of the leading states in the international system, via institutionalized political and economic partnerships primarily with Asian states. While the first component's development is evident and can be subject to qualitative and quantitative assessment presented in this paper, the contours of the second and third are still in the making.

Keywords: Russia, pivot to the East, China, Japan, ASEAN, Asia, foreign policy, Greater Eurasia.

References

Lubina M. 2016. Between Reality and Dreams: Russia's Pivot to Asia. — *Building the Diverse Community. Beyond Regionalism in East Asia*. Ed. by D. Mierzejewski, G. Bywalec. Contemporary Asian Studies Series. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. P. 159-176.

Rinna A.V. 2019. Moscow's "Turn to the East" and Challenges to Russia-South Korea Economic Collaboration Under the New Northern Policy. — *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 159-168. <https://doi.org/10.1177%2F1879366519851984>

Russia and East Asia: Informal and Gradual Integration. 2014. Ed. by T. Akaha, A. Vassilieva. Abingdon, Oxon: Routledge. 320 p.

Sumsky V., Koldunova E., Kanaev E. 2012. *Russia's Interest in the Context of Asia-Pacific Regional Security and Development*. Moscow: RIAC. 32 p.

Voskressenski A.D. 2020. China's Relations with Russia. — *China and the World*. Ed. by D. Shambaugh. Oxford: Oxford University Press. P. 233-250.

Wishnick E. 2020. Sino-Russian Consolidation at a Time of Geopolitical Rivalry. — *Monitor*. 01.03. <https://www.prcleader.org/elizabeth-wishnick> (accessed 31.05.2020).

"*Bol'shaya Vostochnaya Aziya*": *mirovaya politika i regional'nye transformatsii* [Greater Eastern Asia: World Politics and Regional Transformations]. 2010. Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University. (In Russ.)
 Il'in E.Yu. 2015. The Concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: Problems and Perspectives. — *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 84-92. (In Russ.)

Primakov E.M. 2011. *Mysli vsluh* [Thinking out Loud]. Moscow: Rossiiskaya gazeta. 223 p. (In Russ.)
 Savchenko A.E., Zuenko I.Yu. 2020. The Driving Forces of Russia's Pivot to East. — *Comparative Politics Russia*. No. 11. P. 111-125. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009>

Shpanger Kh.-I. 2016. Povorot Russia's Pivot Eastward, China's Pivot Westward: Cooperation and Conflict along the New Silk Road. — *Russia in Global Affairs*. 14.06. (In Russ.) <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-rossii-na-vostok-povorot-kitaya-na-zapad-vzaimodejstvie-i-konflikty-na-shyolkovom-puti/> (accessed 31.05.2020).

Torkunov A.V. 2014. On the New Russian Eastern Policy. — *MGIMO Review of International Relations*. No. 1. P. 9-13. (In Russ.)

Литература на русском языке

"*Большая Восточная Азия*": *мировая политика и региональные трансформации*. 2010. Под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО Университет. 444 с.

Ильин Е.Ю. 2015. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 84-92.

Примаков Е.М. 2011. *Мысли вслух*. М.: Российская газета. 223 с.

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. 2020. Движущие силы российского поворота на Восток. — *Сравнительная политика*. № 11. С. 111-125. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009>

Торкунов А.В. 2014. К вопросу о новой восточной политике России. — *Вестник МГИМО Университета*. № 1. С. 9-13.

Шпангер Х.-И. 2016. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на шелковом пути. Валдайские записки. — *Россия в глобальной политике*. 14.06. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-rossii-na-vostok-povorot-kitaya-na-zapad-vzaimodejstvie-i-konflikty-na-shyolkovom-puti/> (accessed 31.05.2020).

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

С.В. Чугров

ЧУГРОВ Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала “Полис. Политические исследования”, Москва, email: new-polis@politstudies.ru

Чугров С.В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22-45. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.03>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31262 (“Современное переосмысление истории Второй мировой войны в Японии в контексте меняющегося политического ландшафта в Восточной Азии и национальных интересов России”).

Статья поступила в редакцию: 15.07.2020. Принята к печати: 10.08.2020

22

Аннотация. 75-летие со дня окончания Второй мировой войны — рубеж, характеризующийся приходом поколений, у которых отсутствует личный опыт переживания войны, а также кризисом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В фокусе этого исследования — процесс переосмысления итогов Второй мировой войны в Японии как часть наметившегося мирового тренда к разрушению общего, конвенционального понимания военного прошлого. Анализ нацелен на комплексное осмысление взаимовлияния смены модальности мышления и формирования новой конфигурации политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе с точки зрения перспективы российско-японских отношений. Актуальность темы исследования заключается в том, что изменение восприятия военной истории в разных странах, появление конфликтующих друг с другом национальных нарративов, является важным индикатором существующих и назревающих противоречий и кризисов в международных отношениях. В связи с этим особый интерес представляет изучение динамики восприятия проблемных моментов военного прошлого. Понимание существа этих метаморфоз может иметь прогностическую ценность и способствовать выстраиванию эффективного политического курса России на японском направлении в условиях усложняющейся геополитической реальности и нарастающей нестабильности в международных отношениях. Кроме того, существенно расширяется поле концептуализации политик фальсификации исторического прошлого за счет вовлечения в аналитический процесс восточноазиатских реалий. Результаты дискурс-анализа подтверждаются данными анкетирования 166 (146 + 20) студентов Университета Сока (Токио) по проблеме отношения к итогам войны, а также данными полевых наблюдений автора в период работы в течение семестра (апрель — июль 2020 г.) в качестве приглашенного профессора этого Университета. Автор приходит к выводу, что значительную часть молодых японцев, особенно когорты 20-летних, тяготит продолжающееся пребывание в “послевоенном периоде” в статусе “проигравшей нации”, который напоминает об ответственности за Войну на Тихом океане. В сознании нации произошел “взаимозачет Перл-Харбора и Хиросимы-Нагасаки”.

Ключевые слова: Россия, Вторая мировая война, Япония, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, историческая память, общественно-политическое сознание, миропорядок, мировая политика, российско-японские отношения.

Вторая мировая война завершилась 75 лет назад, когда 2 сентября 1945 г. на борту крейсера “Миссури” была подписана безоговорочная капитуляция Японии. Национальное сознание японцев претерпело с тех пор трансформации, на которые некоторым народам потребовались столетия.

Глубину психологической травмы предельно экспансивно отображают слова японского философа Танабэ Хадзимэ¹ в предисловии к книге “Философия как путь покаяния”: “Для меня очевидно, что вся наша страна, весь народ, ввергнутые в трагические и отталкивающие обстоятельства, должны вместе покаяться” [Танабэ 2019: 49]. Эта мысль о коллективной ответственности нации была высказана в апреле 1945 г., когда стало ясно, что Япония войну проиграла, но никто еще не мог и помыслить о разгроме советскими солдатами миллионной Квантунской армии и о том, что американские стратеги учинят над Хиросимой и Нагасаки. Вокруг понятия “покаяние” (яп. *дзангэ*) сломано немало академических и пропагандистских копий. Парадигма восприятия итогов войны, похоже, меняется на иную, которую, чуть спрямляя, можно обозначить так: “Да, часть вины за ее ужасы лежит на Японии. Но не меньше виноваты и державы-победительницы”.

Число трудов, выходящих в Японии по Второй мировой, поражает. Казалось, все уже сказано по узловым темам — освещению истории в школьных учебниках, визитам японских лидеров в храм Ясукуни, интерпретациям “нанкинской резни” и виктимной идентичности, но продолжается бум *memory studies*, и на фоне актуализации прошлого в глобальном публичном дискурсе² и использования большого нарратива Второй мировой в качестве ресурса психологического давления тускнеет перспектива окончания историографических войн в Восточной Азии.

Сравнение японского дискурса с китайским и корейским — это яркий пример “эффекта Расёмон” (*Rashomon effect*)³, или того, как в послевоенном дискурсе XXI в. “появились альтернативные версии истории, вступившие в активный и очень непростой диалог как друг с другом, так и с общепринятыми представлениями... Стало ясно, что та единая Истина, о которой трубили или о которой мечтали ведущие представители эпохи Модерна, не существует по определению. Вместо нее имеется много разных истин, а правильное — версий прошлого, которые необходимо учитывать для того, чтобы лучше понимать современность во всех ее проявлениях” [Шнирельман 2016: 102]. В том же ключе высказывается создательница концепта японской “культуры поражения” (*хайсэн-но бунка*) Хасимото Акико: “Я полагаю, что в Японии нет ‘коллективной’ памяти; скорее сосуществуют и соперничают за легитимность множественные воспоминания о войне и поражении в разных моральных матрицах” [Хасимото 2017: 5]. И тут хочется возразить на оба

23

¹ В статье соблюдается порядок (сначала фамилия, затем имя), принятый в советском и российском японоведении, а также транскрипция Е.Д. Поливанова, официально употребляемая и в российских вузах, и в дипломатических документах (*прим. ред.*).

² В основе моего подхода к исследованию лежит методология изучения исторической памяти М. Хальбвакса, “культурной памяти” А. Ассман, критического дискурс-анализа Н. Фэркло, культурных травм П. Штомпки и концепция Г. Тэджфела (*Fundamental attribution error*), а также методы, описанные в трудах по символической политике О.Ю. Малиновой и в монографии под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.Н. Никитина [Современная политическая наука... 2019]. Есть и ряд интересных работ японоведов по военной памяти [Стрельцов 2015; Батакова 2017].

³ *Rashomon effect* — феномен, получивший название по фильму Кurosавы Акиры (1950 г.) “Ворота Расёмон”, снятого по мотивам рассказа Акутагавы Рюноскэ “В чаше”. Пять персонажей излагают разные версии преступления, веря, что говорят чистую правду.

суждения российского и японского экспертов. Единого нарратива нет, но есть некий общий тренд, общий стержень, общий метанарратив, который скрепляет разные дискурсы и определяет коллективную идентичность.

Автору предстоит выяснить, имеют ли место попытки “обнулить итоги Второй мировой войны” в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) на примере японского кейса. В чем их специфика? Являются ли взаимоисключающие версии прошлого деконструкцией мировой системы, предшествующей началу следующего исторического цикла и образованию нового миропорядка?

Цель этого исследования — зафиксировать основные параметры трансформации исторической памяти японцев, опираясь на дискурс-анализ новейшей японской научной и публицистической литературы, а также онлайн-опрос студентов японского университета Сока по проблемам военной памяти, проведенный в мае-июле 2020 г.⁴

ПОЧЕМУ СЕЙЧАС? “ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ” В ЯПОНСКОЙ ОПТИКЕ

Начался обратный отсчет радикального пересмотра взгляда на войну и послевоенный период. Почему именно сейчас?

Во-первых, действуют закономерности отхода от глобализма к глокальному и далее к локальному мироустройству, мир “дробится” на государства-нации и регионы с расходящимися интересами и, соответственно, своими частными интерпретациями истории.

Во-вторых, в фокусе политических и идеологических противоречий “оказывается уже не будущее, мыслившееся ранее как вполне подвластное человеческому действию, но прошлое, которое сегодня мыслится как незавершенная, открытая для различных интерпретаций система, способная менять свой смысл” [Федорова 2020: 38].

В-третьих, повсеместно вспыхивают военные и гибридные конфликты, разрушая Ялтинско-Потсдамский миропорядок, на Западе появляются новые, подчас фейковые, военно-исторические нарративы, фальсифицирующие историю в откровенно русофобской тональности — к примеру, мимикрирующий под критику тоталитарных режимов миф о “равной вине” Гитлера и Сталина.

В-четвертых, мировая война становится явлением хрестоматийным и “историко-литературным”. Мир погружается в иную реальность и, что не менее важно, видится новым поколениям сквозь оптику совсем иной исторической памяти (об этом см. ниже анализ опроса студентов).

В японском дискурсе вокруг “военного прошлого” мое внимание привлекла книга писателя-документалиста Хосака Масаясу “Каково ‘отношение японцев к войне’”, который отмечает, что в Японии принято отмечать годовщины войны в годы, кратные десяти, — 50, 60, 70. Однако прошлый, 70-летний рубеж отличался от предыдущих: “Неизвестно, — вопрошает автор, удастся ли кому из ветеранов дожить до следующей юбилейной даты”, и не исключено, что, “когда наступит 80-летний рубеж, война окончательно превратится из события жизни нынешнего поколения в факт истории” [Хосака 2016: 8-9]. Редеют ряды и первого послевоенного поколения, пережившего тяготы

⁴ Мною был проведен анонимный онлайн-опрос 146 студентов Университета Сока (префектура Токио, г. Хатиодзи) в возрасте от 18 до 25 лет по интранет-сети, а также именное голосование 20 студентов в ходе одного из семинаров на платформе Zoom (действовал режим самоизоляции). Анкета была утверждена имеющимся у автора протоколом университетской Комиссии по этике научных исследований при Ученом совете и была открыта для студентов с 18 мая до 23:55 токийского времени 18 июля 2020 г. Результаты представлены в табл. 1-3.

послевоенной разрухи, которые помнят отголоски той войны по приметам детства и рассказам родителей. Им на смену пришло “поколение постпамяти”⁵ — потомков носителей травматического опыта, а военная память приобрела диахронический характер, что способствовало конструированию самоидентификации на базе символов, связанных с войной.

Концепт “понимания истории” (*рэкиси нинсики*) [Ямадзаки 2019; Хасимото 2017], в рамках которого обсуждаются проблемы, связанные с событиями 1931-1945 гг., пришел в Японию из корейского языка в 1990-х годах. Пионером была “Асахи”, которая начала публиковать статьи на эти темы, превратив их из исторических в политические. В 2000-2009 гг. дискуссии стали более драматичными из-за того, что, во-первых, с начала XXI в. в мире произошли кардинальные изменения в понимании сути войны, колониального правления, прав человека, а во-вторых, противоречия в регионе, связанные с войной и японским колониальным режимом, которые в 1970-х годах успешно решались в рамках Сан-Францисской системы, с 1980-х годов потребовали новых подходов [Онума 2015: iii-iv].

Нынешний накал споров “о вине” и ответственности за войну уходит корнями в период оккупации Японии. США и Великобритания, в отличие от германского кейса, максимально отстранив Советский Союз от принятия решений по демилитаризации, сосредоточили весь контроль в своих руках. Согласно рассекреченным документам, генштабисты США в деталях разработали “Информационную программу военной вины” (*War Guilt Information Program — WGIP*) [см. Камидзима 2019]. Приведем пару примеров из документа, формулирующего цели 3-го этапа программы (1948 г.): “Противодействовать нынешнему и/или предполагаемому отношению со стороны некоторых японцев, которые интерпретируют бомбардировки Хиросимы и Нагасаки как зверства и полагают, что американские реабилитационные проекты в Хиросиме должны осуществляться в виде искупления... Подчеркивать тему ‘военной вины’ в регулярно запланированных радиопрограммах”⁶.

Таким образом, массовое сознание в Японии было искусно доведено до посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), “синдрома проигравшей нации”, который в наше время также именуют “вьетнамским” или “афганским” синдромом. Перемены в массовом сознании последних двадцати лет связаны с желанием нынешнего “поколения постпамяти” избавиться от навязанного “синдрома проигравшей нации”.

ПОЧЕМУ ТОКИЙСКОМУ ТРИБУНАЛУ ОТКАЗЫВАЮТ В ОБЪЕКТИВНОСТИ

Симптомом нынешнего переформатирования исторической памяти японцев следует считать и переход к более открытой критике вердикта Международного военного трибунала для Дальнего Востока, проходившего с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. и известного как Токийский процесс.

Под критику подводится продуманная система аргументов. Во-первых, ведущее место в дискурсе занимает аргумент, что представители стран, подвергшихся японской агрессии, не были допущены в качестве обвинителей,

⁵ Термин был предложен экспертом в сфере memory studies Марианной Хирш в статье “Поколение постпамяти” [Hirsch 2008].

⁶ Proposed War Guilt Information Program — *Civil Information and Education Section*. 03.03.1948. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Proposed_War_Guilt_Information_Program_\(Third_Phase\)](https://en.wikisource.org/wiki/Proposed_War_Guilt_Information_Program_(Third_Phase)) (accessed 02.08.2020).

корпус которых состоял лишь из юристов союзных стран, а обвинения выносились на основании западного, в большей степени англо-американского, законодательства, особенно в части вменения коллективной ответственности, как принято, например, “в отношении мафии” [Онума 2015: 8-9].

Во-вторых, японцы, с одной стороны, смирились с унижением, но, с другой, — критиковали трибунал как “суд победителей”. Критики уточняют, что Япония признала приговор военного трибунала, подписав Сан-Францисский договор, но при этом не получила внятного ответа на вопрос, кто же несет ответственность за гибель более чем трех миллионов японцев, включая мирное население, тем паче, что она не может взять на себя всю вину за страдания более десяти миллионов жителей других стран [там же: 33].

В-третьих, многие японцы недоумевают, сколь справедливо квалифицировать деяния как преступные по законам, созданным постфактум, т.е. уже после совершения преступления. Важно, что критика легитимности трибунала стала официальной, когда к ней присоединился премьер-министр Абэ, указав в книге “К прекрасной стране” на то, что “преступники класса ‘А’ — это люди, осужденные высшим военным судом, Токийским трибуналом на основании понятий ‘преступление против мира’ и ‘преступление против человечества’, которые были сформированы уже после окончания войны. Существуют аргументы, что согласно международному праву судебный приговор, вынесенный на основании закона, принятого после преступного деяния, недействителен” [см. Абэ 2006: 69-70].

Наконец, не меньшее раздражение вызывает то, что “наказали не тех, кого надо”, как грустно иронизировали многие мои собеседники в ходе интервью: часть военных преступников понесла суровое наказание, а в не меньшей степени виновные в военных преступлениях не только ушли от наказания, но даже построили вполне благополучные карьеры. Такие настроения были подкреплены премьером Абэ, написавшим в книге, что независимо от тяжести содеянного, к преступникам класса “А” “для удобства” были причислены те, кто занимал руководящие позиции. Среди 28 человек, определенных как преступники класса “А”, отмечает премьер с интонацией, которую можно счесть за сочувствие, “Мацуока Ёсукэ умер в ходе суда, Окава Сюзэй сошел с ума, семерых осужденных казнили, еще пятеро скончались в процессе объявления приговора”. Однако среди них были и те, кто потом был амнистирован и стал членом парламента [там же: 70].

Историк Хосака Масуясу прибегает к более “лобовой” аргументации: “Если посмотреть на семь казненных через повешение, возникает вопрос, почему этих людей приговорили к смерти, когда другие, на которых лежит большая ответственность, живы. Реальность такова, что для таких, как мы, японцев, которые подходят к истории эпохи Сёва⁷ с точки зрения перепроверки доказательств, остается много непонятных моментов. В любом случае трибунал имел явную политическую подоплеку и, вероятно, отразил закулисные спекуляции и торги союзных держав” [Хосака 2016: 130].

Критика Токийского процесса, очевидно, заслуживает внимания. Но нельзя отрицать актуального значения этого судебного института, заклеившего агрессивные войны, которые вела Япония, а также расистскую идеологию и политику японского военного руководства.

⁷ Сёва (яп. 昭和 — “Просвещённый мир”) — девиз правления императора Хирохито; период в истории Японии с 25 декабря 1926 г. по 7 января 1989 г.

КТО ВИНОВАТ? “СГОВОР ДЕРЖАВ”

Были попытки подставлять в уравнение, характеризующее коллективную память японцев, самые разные индикаторы, но в качестве ключевой переменной, не раз менявшей оценочный знак, всякий раз выступала ответственность за войну [Отг 2001: 1-13]. Оказавшаяся в центре послевоенного дискурса концепция ответственности за войну, обозначаемая термином *сэнсо сэкинин*, включала не только признание вины за развязанные в Азии военные действия в ходе Второй мировой войны, но, особенно в последнее время, и колониальное господство над Тайванем и Кореей [Опима 2002: 600]. Тем не менее с той поры, как Секция гражданской информации и образования генштаба оккупационных войск перестала ежедневно “промывать мозги” с помощью информационной программы военной вины Японии (*WGIP*), центр тяжести японских представлений о том, кто виноват в развязывании войны, стал смещаться в сторону США.

В сегодняшнем японском дискурсе выделяется книга “Ответственность Америки за войну. Вызов самому большому послевоенному табу”. Ее автор, писатель-документалист Такэда Цунэясу, сообщает, что первым, кто заявил об ответственности Америки в войне, был генерал Исивара Кандзи (1889-1949), служивший в Манчжурии и отправленный в отставку перед самой войной из-за конфликта с командованием сухопутных сил [Такэда 2015: 15-16]. Когда Исивара был вызван Международным трибуналом в качестве свидетеля, на вопрос обвинителя, кого, как он считает, следует отнести к военным преступникам класса “А”, он ответил, что в первую очередь — президента Трумэна за бомбардировки ни в чем не повинного гражданского населения. Такэда считает, что “расследование действий Америки во время Великой войны с точки зрения дальнейшего развития японо-американских отношений — это тот путь, который когда-то надлежит пройти” [там же: 22].

Тема вины Америки долгое время была под запретом как в Японии, так и в самих США⁸. Доминировал нарратив, будто атомные бомбардировки “были вызваны военной необходимостью и поэтому оправданны — как с точки зрения гуманизма, так и нравственности, и к тому же, дескать, соответствовали международному праву того времени. Есть люди, которые придерживаются этого мнения и сейчас” [там же: 24]. Критические статьи, к примеру, в “Асахи” в 1945 г., привели к приостановке оккупационными властями ее выхода.

Послевоенная пропаганда под контролем оккупационных сил в рамках *WGIP* в японских, а также в американских учебниках истории оправдывала действия Америки, а ответственность за бомбардировки Хиросимы и Нагасаки перекладывала на японское командование [там же: 34]⁹.

В рамках обсуждаемых в последние годы сценариев капитуляции акцент делается также на сорвавшихся надеждах Токио на помощь Москвы. Как пишет Такэда, Япония не раз просила Советский Союз выступить с посредническими услугами через принца Каноэ, посланника императора, и Сато Наотакэ,

⁸ Показателен и успех в Японии перевода книги американского публициста Генри Стокса “Страной, совершившей военные преступления, была Америка!” [Сутокусу 2016].

⁹ Такэда вторит и американец Джеймс Опп в книге “Жертва как герой”: “В эпоху холодной войны Хиросима и Нагасаки ознаменовали эпохальный сдвиг в технологии ведения войны, породивший концептуальный разрыв между обычной и ядерной войной. Соответственно, именно в сфере антиядерного пацифизма японское военное жертвоприношение легче всего отделялось от японской агрессии военного времени. Уникальный опыт Японии в Хиросиме и Нагасаки дал японцам исключительную и соблазнительную возможность претендовать на лидерство в мировом антиядерном движении” [Отг 2001: 36-70].

бывшего посла Японии в СССР: “Однако Советский Союз уже условился в Ялте выступить против Японии, поэтому не собирался удовлетворять эти просьбы, — пишет Такэда. — Япония рассматривала СССР как своего союзника, а СССР готовился к нападению на Японию”, причем советские чиновники, по его словам, уклонялись от встреч с Коноэ [там же: 195]. Поэтому Такэда настаивает на версии, будто вступление СССР в войну было предрешиено тайным сговором под нажимом США, из чего следовало, что Москва уже не могла выступить посредником в переговорах о мире, как того желала Япония, видя в этом спасение нации¹⁰. В предлагаемой Такэдой весьма экзотической версии Америка и СССР хотели, чтобы Япония отказалась принять условия Потсдамской декларации: “С точки зрения Америки Потсдамская декларация была направлена не на то, чтобы заставить Японию капитулировать”, а на то, чтобы “вынудить ее не капитулировать”. В частности, для этого из декларации было убрано положение о статусе императора [там же: 167]. В этой большой игре Трумэн, подталкивая Москву к войне, якобы параллельно делал ставку на сдерживание и даже запугивание СССР. И тут мы уже вступаем на почву предположений, домыслов, граничащих с фейками. При этом авторы всех противоречивых версий апеллируют к пересмотру шаблонов.

Мои японские собеседники, историки и политологи, в один голос призывали не сводить войну на Тихом океане к схемам, стереотипам и победным реляциям. Она, и правда, была страшной по своей жестокости. Упомянутый выше Хосака, остерегая от упрощения реальности, отмечал, что, по рассказам солдат, прошедших войну, им приходилось и убивать целые семьи в Китае по подозрению в шпионаже, и воровать, чтобы добыть себе еду [Хосака 2016: 14-15]. Только в XXI в. стали выходить труды, признававшие, что борьба “с безликим противником в абсолютно враждебной среде” привела в войсках Великобритании и США к появлению “невроза джунглей” (*jungle neurosis*) [Harmsen 2020], и что солдаты императорской армии оказывались на грани шизофрении, разрываясь между логикой “яшмовой смерти” во славу императора (*гёкусай-но ронри*) и жадной жизни (*сэй-э-но кибо*) [Судзуки 2007: 94-95].

Четверть века назад, в 1995 г. к 50-летию окончания Второй мировой вышла книга Ёсиды Ютаки “Взгляд японцев на войну”, в которой впервые заявлялось, что Япония была не только виновником и агрессором, но и жертвой [цит. по: Онума 2015: 88]. Этот момент ознаменовал старт-ап уже не стихийного, а структурированного нарратива *виктимизации* японской нации (см. подробнее [Стрельцов 2015]). Дискуссии вокруг интерпретации ответственности за войну резко активизировались за последние пять-шесть лет. Вот что об этом думает Онума Ясуаки: “После войны Япония находилась в положении побежденной страны, критикуемой Китаем, Кореей и другими странами, и самокритично признала свою вину за войну и колониальное правление. Однако в сравнении с этим США и европейские страны, которые осудили Японию и Германию, тем не менее, практически не выражают сожаления по поводу собственной ответственности за колониальные режимы, империалистическую и агрессивную политику в отношении других стран. Классическим примером является использование Америкой дефолиантов в войне во Вьетнаме, в результате чего

¹⁰ Такэда подчеркивает [Такэда 2015: 127], что из мемуаров Гарри Трумэна, опубликованных в 1955 г., следует, что целью его участия в Потсдамской встрече было “вынудить Советский Союз как можно скорее начать войну против Японии” [Truman 1986: 322-323].

в большом количестве стали появляться дети с врожденными дефектами. Тем не менее никаких извинений Вьетнаму принесено не было” [Онума 2015: 192-193].

Но нас интересует в первую очередь, в чем заключается “понимание истории” молодым поколением японцев. Опрос студентов в мае-июле 2020 г. позволил сделать интересные выводы относительно атрибуции “военной ответственности” (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

**Кто в Японии несет “военную ответственность”
как за развязывание Войны на Тихом океане, так и за поражение в войне?**

(Можно дать несколько ответов)

*Who in Japan bears the “military responsibility” – both for unleashing the War
in the Pacific and for the defeat in the war? (It’s possible to choose several options) (%)*

Ответы	Анонимный опрос (n=146)	Открытое голосование (n=20)
Руководители армии и флота	73	88
Высшая бюрократия страны	61	88
Политики	69	75
Император	41	38
Журналисты	25	25
Бизнес	25	38
Широкая общественность	21	0
Никто в отдельности, так сложилось	3	0
Нет ответа	2	0

Источник: Опрос студентов Университета Сока, май-июль 2020, Хатиодзи (префектура Токио).

Примечание: Социологам известен такой японский специфический феномен, как стремление непропорционально большей части респондентов уходить от прямого ответа, прячась за формулировку “Нет ответа”. Однако в данном случае была прямая моя просьба отвечать по возможности определенно, а пожелания “сэнсэя” здесь принято выполнять неукоснительно.

Результаты анонимного опроса были вполне предсказуемы, поскольку они в принципе совпадают с господствующей точкой зрения по вопросу о “военной ответственности”, которую возлагают прежде всего на высшее командование армии и флота, политическое руководство милитаристской Японии и высокопоставленных бюрократов. Поскольку такой расклад уже как бы освящен многолетней традицией “больших опросов” с “апробированными” результатами, ответы в открытом поименном голосовании студентов продемонстрировали еще более высокие показатели. Таблица 1 с вопросом, имеющим запрограммированные ответы, провоцировала на откровенные ответы и на ключевой вопрос (см. табл. 2), касающийся готовности возлагать на свое поколение ответственность за давно минувшую агрессивную войну.

Полученная информация приближает нас к ответу на главный вопрос исследования: хочет ли молодежь чувствовать ответственность за действия (причем, по умолчанию, преступные действия) их дедов и прадедов в ходе агрессивной войны, которую развязали какие-то далекие им люди из “полумифического прошлого”. Действительно, анонимная часть опроса убедительно свидетельствует, что тех, кто не желает нести ответственность за “прегрешения” предков, вдвое больше, чем согласных разделять такую от-

ветственность¹¹. Вывод: значительная часть (две трети) молодежи не склонна ассоциировать себя с ответственностью за Вторую мировую войну, которую развязали те, чей души давно обрели вечный покой в храме Ясукуни.

Таблица 2 (Table 2)

Считаете ли Вы, что нынешнее поколение молодых японцев должно также нести ответственность за Вторую мировую войну? (%)

Do you think that the current generation of young Japanese should also be responsible for World War II? (%)

Ответы	Анонимный опрос (n=146)	Открытое голосование (n=20)
Я думаю, мы должны нести ответственность	30	38
Нет необходимости ощущать ответственность	59	63
Нет ответа	11	0

Источник: Опрос студентов Университета Сока, май-июль 2020, Хатиодзи (префектура Токио).

НЕЗАТИХАЮЩИЕ СПОРЫ ВОКРУГ ХРАМА ЯСУКУНИ

Отношение общества к регулярным посещениям храма Ясукуни¹² высшими должностными лицами Японии, которые тщательно отслеживаются медиа — и японскими, и сопредельных стран, остается в фокусе военного дискурса. В дискуссию вклад внес и премьер Абэ: “Считается, что проблема Ясукуни связана с отношениями с Китаем, однако в первую очередь это была внутренняя проблема разделения религии и политики”. Как считает Абэ, проблемой отношений между Японией и Китаем она стала 15 августа 1985 г. и поводом стало участие в официальной церемонии в храме премьер-министра Накасонэ” [Абэ 2006: 66-67]. Абэ Синдзо детально рассказывает, что за неделю до посещения храма в “Асахи” появилась статья “Китай с возмущением смотрит на проблему посещения храма Ясукуни”. Следившие ранее за реакцией общественного мнения в Японии китайские власти не могли не среагировать на сообщение. За день до предполагаемой церемонии представитель китайского МИД впервые заявил протест по поводу визита премьер-министра в храм. В его заявлении говорилось, что это “ранит чувства народов всех азиатских стран”. Именно в это время возникла тема поклонения в храме преступникам класса “А”. Абэ подчеркивает, что речь шла не о них, а о поминовении душ, начавшемся семью годами ранее в 1978 г. при кабинете Фукуды. Хотя после этого три следующих премьер-министра — Охира, Судзуки и Накасонэ — и посещали Ясукуни, Китай не заявлял протестов [там же: 68].

Накал международной критики этих визитов поднялся на новый уровень после того, как храм стал посещать премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро (2001–2006 гг.)¹³, утверждая, правда, что “его целью было не прославлять ми-

¹¹ Опять подчеркну, что в контрольной группе открытого голосования нет увильнувших от прямого ответа, поскольку студенты откликнулись на призыв высказать свое мнение откровенно, понимая, что в противном случае это косвенно могло отразиться на оценке.

¹² Храм Ясукуни, основанный в 1869 г. в память о погибших в ходе “реставрации Мэйдзи”, считается местом поминовения всех, кто отдал жизнь за Японию. В 1978 г. к почитаемым были причислены 14 преступников, приговоренных Токийским трибуналом.

¹³ Визит в Ясукуни Коидзуми в 2001 г. стал вторым официальным посещением храма лидером государства после премьера Накасонэ Ясухиро в 1985 г. И до Накасонэ, и после премьер-министры посещали Ясукуни как частные лица (консерваторы не всегда упоминают эту деталь). После Коидзуми в качестве действующего главы правительства визит в храм нанес только Абэ Синдзо в декабре 2013 г., что было расценено соседями как символический сдвиг в политике.

литаризм, а подтвердить верность клятве сохранять мир и почитать погибших” (цит. по [Fukuoka 2013: 27]). Однако Пекин и Сеул воспринимали эти визиты как нежелание Токио признать ответственность за войну. По оценке Фукуоки Кадзуя, профессора университета Св. Иосифа (США), нервирующим соседней Японии обстоятельством было то, что официальная историография описывает войну как “оборонительную”, а не агрессивную, поскольку “Япония боролась за освобождение Азии от европейского и американского колониализма” [ibidem]. Поэтому решение Коидзуми выбрать для посещения Ясукуни именно 15 августа, дату, которая в Корее отмечается как День независимости, а в Китае — как День победы над Японией, было воспринято там как оскорбление. С другой стороны, Коидзуми, в частности, предложил установить нерелигиозный мемориал почитания погибших и предложил “найти способ, чтобы люди и в Японии, и за ее пределами могли отдавать дань почтения, не испытывая дискомфорта” [ibid.: 34]. Тем не менее, его инициативы встретили яростную реакцию и со стороны его однопартийцев, и за пределами Японии.

Как показывают мониторинги, среди японцев в последние годы усиливается интерес к прошлому страны. Первые признаки изменений национального сознания в его отношении к коммеморативным практикам обозначились в середине 1990-х годов, но на протяжении последующих лет дискуссии заметно обострились на фоне регулярного принесения извинений странам-соседям, что начал делать Мураяма Томиити с 1995 г. Когда в ноябре 2004 г. на встрече в рамках АТЭС председатель КНР попросил Коидзуми не посещать Ясукуни, только 30% японцев выразили понимание просьбы китайского лидера [ibid.: 40]. Коидзуми, в частности, объявил, что сопредельные страны должны воздержаться от вмешательства в дела Японии там, где речь идет о сфере личной совести.

В 2004-2005 гг., когда по Китаю прокатилась волна антияпонских протестов, с Пекином и Сеулом установились напряженные дипломатические отношения. Рубежом стал 2005 г., когда резко выросло негативное отношение общественного мнения к Китаю в связи с очередным антияпонским выступлением, после которого председатель КНР не только не извинился, но и призвал, чтобы Токио принес извинения за военные преступления. Социологический “барометр” прослеживает вспышку недовольства общества: 71% японцев сочли эти претензии неприемлемыми, но при этом большинство опрошенных высказалось критически о самих визитах премьера в Ясукуни (49% против визитов, 36% — за) [ibid.: 39-40]. При этом большая часть японских респондентов считают Ясукуни местом поминовения погибших в войнах (66%), а не символом милитаризма (10%), как в Китае и Корее [ibid.: 41].

Дискурс вокруг храма Ясукуни и “душ преступников” наполнен порой казуистическими рассуждениями, апеллирующими к чувству сострадания. Так, Хосака Масаясу пишет: “Причина, по которой в храме Ясукуни продолжают чтить память военных преступников класса ‘А’, состоит в том, что они такие же жертвы войны, и потому было бы жестокосердно лишить их поминовения... Если, опираясь на этот аргумент, правомерно почитать военных преступников класса ‘А’ в храме, то тогда нужно аргументировать, почему официальным лицам не возбраняется совершать церемонии в храме Ясукуни. А раз есть такое основание, то руководствуясь этой логикой, премьер-министру следует официально посещать храм Ясукуни, как бы ни критиковали его за это за рубежом” [Хосака 2016: 91-92].

Кроме того, настоятель храма Ясукуни Мацудайра Нагаёси, который включил военных преступников класса “А” в число поминаемых воинов, исходил из того, что военные действия Второй мировой войны закончились 15 августа или 2 сентября 1945 г., но в юридическом смысле война продолжалась до под-

писания Сан-Францисского договора в 1951 г., поэтому наказанные военные преступники должны считаться пострадавшими во время войны. Хосака считает, что любая агрессивная война — преступление, причем преступники не только те, кто планировал войну и реализовывал военные планы, но и те, кто участвовал в их обсуждении [там же: 117].

Мне не раз довелось посетить храм Ясукуни. Интересно, что в экспозиции музея “Юсюкан”, посвященной началу войны на Тихом океане, установлена панель, на которой кратко изложена “концепция заговора”: “Большая стратегия Рузвельта. Путь, оставшийся Рузвельту, состоял в том, чтобы загнать в угол санкциями бедную ресурсами Японию и вынудить ее начать войну”, “Участие в войне полностью восстановило экономику США”.

В целом анализ дискурса вокруг Ясукуни показывает, что почитание погибших воинов можно было бы сделать символическим стержнем национального единения, как это получилось в России, но на Японских островах такого не происходит, так как согласия между обществом и элитами нет, а храм стал одним из самых политизированных мест в Азии, раздражающим соседей и мешающим наладить нормальные отношения.

ПРОБЛЕМА “ЖЕНЩИН ДЛЯ УТЕШЕНИЯ” В ПОСЛЕВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

В августе 2020 г. общественное мнение Японии прошло суровый стресс-тест на толерантность. В ботаническом саду в Пхёнчхане, одном из южнокорейских городов провинции Канвондо, поставили статую “Вечное искупление”, которую журналисты сходу окрестили “Премьер Абэ в низком поклоне перед ‘женщиной для утешения’”. Можно спорить, насколько фигура мужчины, распростертого перед сидящей на стуле девушкой, похожа на японского лидера, тем более что скульптор отрицает, что изваял именно Абэ. Все японцы, с которыми довелось обсудить эту тему, сочли памятник унижающим достоинство страны, а генеральный секретарь кабинета Суга Ёсихидэ заявил: “С точки зрения международного этикета это недопустимо... Это окажет решающее влияние на японо-южнокорейские отношения”¹⁴.

Нелицеприятный вопрос “женщин для утешения” (*comfort women*, яп. *ианфу*, кор. *вианбу*) возник в 1982 г., когда “Асахи” опубликовала показания бывшего солдата Ёсиды Сэйдзи о том, как он во время войны насильственно вовлекал молодых кореянок на острове Чеджу в сексуальное рабство. Информация о рекрутировании девушек превратилась в острейшую политическую и дипломатическую проблему¹⁵. В 1998 г. Япония выплатила компенсации корейским *вианбу*. Последней попыткой урегулировать вопрос компенсаций было соглашение 2015 г. между Абэ Синдзо и Пак Кынхе, в итоге не устроившее общественность Южной Кореи. Новый президент Мун Чжэин,

¹⁴ 韓国 “安倍首相土下座像”の植物園長「誰かを特定していない」 [Директор ботанического сада Южной Кореи со “статуей Абэ в низком поклоне”: “Я ни на кого не указал”]. — *Yahoo.com News*. 31.07.2020. URL: <https://news.yahoo.co.jp/articles/a71b78185bf3b6d46220e32042c7e92b153036ed> (accessed 11.08.2020).

¹⁵ Речь идет о сексуальной эксплуатации в 1932-1945 гг. женщин из Китая, Кореи, Тайваня и других территорий, оккупированных японской армией. Их на “станциях утешения” было сосредоточено более 400 тыс., причем к концу войны из них выжила лишь четверть. В 1965 г., когда встал вопрос о нормализации отношений между Токио и Сеулом, тогдашний президент Республики Корея Пак Чжон Хи согласился на тайную сделку и получил в виде “помощи” (но не репараций!) сумму, эквивалентную 500 млн долл., обещав не поднимать “неудобную проблему”. Впоследствии его обвинили в предательстве интересов страны. Но надо отметить, что эта сумма пошла на создание современной инфраструктуры Южной Кореи, став по сути одним из источников “корейского экономического чуда” [см. Стрельцов 2014: 11].

избранный в 2017 г., перешел к прессингу по смежным вопросам, например, настаивая на извинениях и компенсациях за принудительный труд корейцев на японских предприятиях в колониальную эпоху. Япония ввела санкции против южнокорейской экономики (формально под иным предлогом).

Масла в огонь добавила ретракция газетой “Асахи” 5 августа 2014 г. свидетельств Ёсиды Сэйдзи о глумлении над достоинством женщин, поскольку эта информация была признана журналистским вымыслом¹⁶. Власти же признают существование проблемы, но не считают, что женщины рекрутировались насильно. Так, Онума Ясуаки, объясняя, почему “в связи с современной ситуацией проблема секс-рабынь, которая должна была оставаться проблемой прошлого, начала обсуждаться как сегодняшний вызов” [Онума 2015: 126], акцентирует два момента: во-первых, с 1980-х годов начало набирать силу феминистское движение, а во-вторых, и корейцы, и тайваньцы, будучи подданными единой Японской империи, “участвовали в войне и также несут за это ответственность”. “Женщины для утешения”, — считает Онума, — как проблема выходит за рамки корейско-японских отношений, так как среди эксплуатируемых женщин были не только корейки, но и собственно японские, китайские, филиппинские женщины, женщины Тайваня, Индонезии, а также Голландии. Кроме того, во время Второй мировой войны и голландские военные, управлявшие Индонезией, насильно удерживали гражданское население и принуждали пополнять ряды женщин для утешения” [там же: 127–133]. Обратим внимание и на то, как трактует проблему японская Википедия, акцентируя то, что маркитантки во все времена сопровождали в походах армии и Франции, и Германии, и всех вообще государств¹⁷.

В среде интеллектуального класса Японии зреет убеждение, что проблема пострадавших корейских женщин сконструирована либеральными СМИ и общественными феминистскими организациями в Японии и за рубежом. Удивило единодушие в оценках, которые давали текущему моменту мои собеседники — коллеги из университетов и японские парламентарии в ходе серии интервью летом 2020 г. и которые можно кратко суммировать как критику стремления соседей Японии использовать наболевший вопрос в качестве инструмента внутренней и внешней политики. Например, Судзуки Мунэо, депутат парламента и советник премьер-министра Абэ видит несправедливость новых требований Сеула в том, что усиление прессинга на Токио началось в 1990-х годах, когда начался экономический кризис и страна оказалась в уязвимом положении с финансовой точки зрения, в то время как ее соседи по региону, напротив, развивались все более успешно¹⁸. Так видится многим японским политикам и политологам переоткрытие японской нацией глобальной социально-политической реальности, а на этом фоне в массовом сознании крепнет ощущение, будто китайцы и корейцы, возлагая вину за войну на Токио, стремятся получить финансово-экономические преимущества.

СКОЛЬКО ЕЩЕ ПРОДЛИТСЯ “МАРАФОН ИЗВИНЕНИЙ”?

Вопрос об ответственности связан с проблемой извинений за преступления, совершенные военными императорской армии в ходе войны

¹⁶ Tōgō Kazuhiko. Japan’s Foreign Policy Options Following Asahi’s “Comfort Women” Retraction. — *Nippon.com. Politics*, 09.10.2014 (accessed 11.08.2020).

¹⁷ 慰安婦[ианфу, маркитантки]. — *フリー百科事典『ウィキペディア』* URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/慰安婦> (accessed 22.07.2020).

¹⁸ Беседа с Судзуки Мунэо в его парламентском офисе 18 июня 2020 г.

и обращение с военнопленными. Процедура извинения в странах региона имеет ритуальное значения, будучи частью социокультурного кода.

Впервые от имени Японии искренние извинения народам Азии по случаю 50-летия капитуляции Японии принес в 1995 г. Мураяма Томиити, социалист, оказавшийся в премьерском кресле. Он признал, что его страна принесла мучения народам азиатских стран и озвучил намерение Токио избегать в будущем роковых ошибок такого рода. Десять лет спустя премьер Коидзуми Дзюньитиро по случаю 60-летия окончания войны сказал в целом те же слова об искренних извинениях, агрессии и о глубоком раскаянии. Настала очередь Абэ Синдзо. Продлится ли им эта складывающаяся традиция и будет ли прощение? В целом спичрайтеры тасуют несколько ключевых словосочетаний: “колониальное правление Японии”, на котором настаивает прежде всего Сеул, “агрессия” и “искренние извинения”.

Премьер-министр Абэ, выступая перед американскими законодателями во время визита в США в 2015 г., употребил выражение “глубокое раскаяние”, а также высказал “глубочайшее уважение” к погибшим американским военнослужащим¹⁹. До сих пор эффект от “политики извинений” был скромный, и в дальнейшем была сформулирована позиция, направлявшая дипломатию Токио в русло “исправления ошибок”. В дискурсе, в бытность премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006 гг.) и в ходе второго срока Абэ (с 2012 г.), обнаружилось очаги полемики по проблемам “понимания прошлого”. Но уже с начала XXI в. чувствуется наступление “усталости от извинений” (*apology fatigue*) [Onuma 2002: 601], что предвосхищает отход от “политики извинений” и, судя по высказываниям Абэ, о рациональности отказа от “бремени извинений”. В японском дискурсе укрепляет позиции мнение, что, желая привлечь компенсацию за реальный материальный и моральный ущерб, нанесенный Китаю и Корее операциями императорской армии и флота, часть властной элиты этих стран применяет манипулятивную стратегию для мобилизации мирового общественного мнения. Эти настроения в современном японском обществе подтверждает и проведенный автором опрос студентов (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Сменявшие друг друга японские премьер-министры извинялись перед Китаем и Кореей за ошибки прошлого. Думаете ли Вы, что эти извинения были нужны?

Если да, то достаточно ли принесено извинений на сегодняшний день?

Или Вы думаете, что сделанного еще не достаточно? (%)

Successive Japanese prime ministers have apologized to China and Korea for the mistakes of the past.

Do you think these apologies were necessary? If so, has the apology been sufficiently made to date?

Or do you think what's done isn't enough yet? (%)

Ответы	Анонимный опрос (n=146)	Открытое голосование (n=20)
Не было необходимости в извинениях	3	0
Извинения были нужны, но их уже достаточно	66	75
Считаю, что извинений принесено недостаточно	21	25
Нет ответа	10	0

Источник: Опрос студентов Университета Сока, май-июль 2020, Токио, Хатиодзи (префектура Токио).

¹⁹ Премьер Японии выразил в США глубокое раскаяние. — *Русская служба BBC. News*, 30.04.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150429_japan_us_abe_congress (accessed 02.07.2020).

СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ...

Нетрадиционный поворот японского дискурса о войне предложил Кураяма Мицуру, историк, политический аналитик, писатель и публицист, ведущий одного из каналов на *YouTube* по вопросам политики, истории, культуры, а также руководитель образовательного онлайн-портала. Принципиально важен этот поворот дискурса тем, что Кураяма в книге “Великая Восточноазиатская война правительственной канцелярии” предельно заостряет вопрос: “До каких пор Япония будет оставаться побежденной страной (*хайсэнкоку*)? Будет ли это состояние продолжаться вечно? Мы должны прекратить это состояние... Необходимо подвести черту под пониманием, что представляла собой ‘та война’. Левые определили ее как агрессивную со стороны Японии, правые, напротив, подавали робкий голос за то, что это была священная война. Попытаемся подвести итог. Об агрессии не может быть и речи. Священная война — это тоже ошибка. Если мы допустили ошибку, то мы не сможем объяснить всю картину. Однако какой же была ‘та война’, а именно Великая война в Восточной Азии? Это была война правительственной бюрократии” [Кураяма 2015: 2].

Судя по серии глубинных интервью с историками и политологами, взятых автором в 2020 г., сегодня вектор логики японцев таков: да, 75 лет назад Япония проиграла войну и получила статус побежденной страны. Но за 75 лет многое изменилось, и нужно ли теперь верить “пониманию истории”, односторонне навязанному победителями?

Чтобы пояснить эту логику, закрепившуюся в японском дискурсе, приведем в деталях доводы Кураямы: “Что сделала Япония с тех пор как потерпела поражение в ‘той войне’? По крайней мере она не совершала вооруженные нападения на другие страны... С другой стороны, чем занимаются соседние страны? Северная Корея является преступной страной, похищающей японцев, и это в современном прогрессивном мире. Россия бросила Японию прямо перед ее поражением и похитила Северные территории. Мужчины были сосланы в Сибирь на принудительные работы, а женщины подвергались насилию... После войны она насильственным путем подчинила страны Восточной Европы, а в настоящее время продолжает агрессию на Украине и в Грузии. Китай, даже не вдаваясь в подробности о зверствах в отношении тибетцев и уйгуров, нарушает Конвенцию о геноциде. В настоящее время это страна, которая имеет наибольшее число конфликтов с азиатскими странами. Южная Корея, идя на поводу у Китая, беспрестанно плодит провокации, поднимая вопросы истории. И наконец союзническое государство Америка также не выражает желания избавить Японию от статуса побежденной страны. Какая страна начала войну с Японией в связи с азиатскими проблемами, которые ее никак не касались? Какая страна убивала мирных жителей во время воздушных налетов и кроме того сбросила две атомные бомбы, наиболее антигуманное оружие?” [там же: 3].

Как видим, уже в предисловии к этой книге Кураяма предвзято расставляет точки над “i”. В этом высказывании есть правдивые исторические факты (ковровые бомбардировки японских городов, удары по Хиросиме и Нагасаки, которым нет прощения), переплетенные с сомнительными утверждениями, смещенными акцентами, более чем вольной интерпретацией (Корея “плодит провокации, поднимая вопросы истории”), предельно обобщенными частными случаями и откровенно бездоказательными фейками. Так, например, Кураяма ставит Китаю в вину “зверства в отношении тибетцев и уйгуров”,

забывая о бесчеловечных опытах “отряда 731” над пленными китайцами. Другими словами, мы имеем дело с откровенной “избирательной” историей.

В новой книге “Подлинная история начала войны между Японией и США. Скрытая военная ответственность Коноэ Фумимаро” Кураяма объясняет, как получилось, что Япония ввязалась в безрассудную войну с Америкой. Это, по его мнению, произошло из-за конспиративного сговора политиков²⁰ и становится более понятным также из анализа подспудных течений в деятельности японских медиа того периода, исследование которой для японских историков долгое время было табуировано. Кураяма подчеркивает: “На протяжении столетий Япония оставалась страной, которая ни разу не была захвачена другими странами. Однако, проиграв войну Америке, она уже более 70 лет остается захваченной страной...” [Кураяма 2017: 1-2]. В целом в японском дискурсе нередко можно услышать подобный лейтмотив “послевоенного периода проигравших” (*хайся-но сэngo*) [Камидзима 2019: 59-65].

НАРРАТИВ О “ПОБЕЖДЕННОЙ НАЦИИ”

Трактовка военного нарратива в учебниках истории появилась буквально сразу после окончания военных действий, когда пришлось решать, чему учить новое поколение. Однако около полувека проблема пребывала в тлеющем состоянии. Лишь около двух десятилетий назад она оказалась одной из ключевых частей дискурса, когда “Общество по составлению новых учебников истории” (*Атарасий рэкиси кёкасё-о цукуру кай*) подготовило к выпуску учебный материал, содержащий вопиющие искажения истории Второй мировой войны. Учебник представлял преступления императорской Квантунской армии как серию победных операций, причем летом 2001 г. это пособие успешно прошло апробацию в Министерстве образования. “Нет никаких сомнений в том, что визит Коидзуми в храм Ясукуни в сочетании с проблемой учебника стали прямыми причинами вспышки напряженности между Японией, Китаем и Кореей”, — считает не раз уже упомянутый выше историк Онума [Onuma 2002: 600]. Так дискуссия историков сдвинулась в плоскость поисков ответа на вопрос: кем были погибшие на фронтах солдаты — жертвами, героями или преступниками? Возник пласт литературы по виктимизации сознания японцев, формирующей их идентификационную матрицу [Орт 2001; Yoshida 2009; Стрельцов 2015; Танака 2019].

Важной особенностью нарратива о “послевоенном периоде в роли побежденной нации” можно считать то, что он уже давно стал элементом международных отношений в регионе. По-прежнему в японо-китайских отношениях болезненной темой остается “нанкинский инцидент” (по терминологии учебников). Немало историков утверждают, что численность погибших в ходе “нанкинской резни”²¹ была сфабрикована именно американской пропаган-

²⁰ Кураяма ссылается на явно псевдоисторическую поделку, в которой говорится, что тогдашний премьер-министр Японии принц Коноэ Фумимаро и Рузвельт были “советскими шпионами” и “спровоцировали войну, выгодную для СССР”; автор, надо отдать ему должное, подвергает сомнению истинность “шпионского” нарратива, находящегося на грани жанра фэнтези, но не отвергает его [Кураяма 2017: 213].

²¹ Эпизод японо-китайской войны, в ходе которого в Нанкине, столице Китайской республики, в декабре 1937 г., когда японские военные, захватив Нанкин, изощренными способами уничтожили до 300 тыс. невооруженных, включая женщин и детей, а также разоруженных солдат. См.: Война, о зверствах которой умалчивают. Нанкинская резня в Китае. — *Марафонец*. 14.12.2019. URL: <https://marafonec.livejournal.com/13146268.html> (accessed 11.08.2020).

дой, которая определяла цифры жертв в 300–400 тыс., а порой и 500 тыс. “Гипертрофированные” данные, как полагают японские авторы, должны были показать, что численность убитых в Нанкине перекрывала масштабы потерь от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, которые сразу после взрывов составляли “лишь” около 200 тыс. человек [Арима 2015: 21–22]. Японские историки, нашедшие сторонников в США, утверждали, что в Нанкине было умерщвлено около 20 тыс. [там же: 25], а вина возлагалась на националистов Гоминдана [там же: 4].

Приведем в подтверждение свидетельство американского исследователя Дж. Орра: “Образование было неотъемлемой частью усилий оккупационных властей по восстановлению Японии и воспитанию японцев как демократического, миролюбивого народа. Стратегия была проста: секция гражданской информации и образования (*CIE SCAP*) ликвидировала курсы по истории, географии и морали, которые прививали ультранационалистическое мышление; затем она поручила Министерству образования подготовить новые учебники для курсов по социогуманитарным дисциплинам, осуждавшие милитаризм и национализм и поощрявшие укоренение демократических навыков мышления” [Orr 2001: 71–205].

Как отмечают китайские исследователи, в издаваемых в Японии школьных учебниках по-прежнему карательные рейды императорской армии во время первой китайско-японской войны именуются “продвижением войск” (*бурёку синсюцу*) [Zou Yi 2019: 113] ²². Экспозиция музея “Юсюкан” при храме Ясукуни, который посещают школьники, “переворачивает представления о войне и рассматривает японских военных как ‘жертву’, а другие страны как ‘виноватых в преступлениях’” [Zou Yi 2019: 123]. Более того, “военный нарратив в ‘Юсюкане’ рассматривается как справедливый, причем справедливыми представлены и сама война, и поведение на войне” [ibid.: 125].

В то же время японское общественное мнение болезненно реагировало на бестактные оценки прошлого (видимо, это заслуга журналистов, выступавших с разоблачениями), заставляя политиков и чиновников, допустивших некорректные высказывания, немедленно уходить в отставку. Например, в 1994 г. Сакураи Арата, министр окружающей среды в кабинете Мураямы Томиити, опрометчиво заявил, что война в Большой Восточной Азии “не имела агрессивного характера”, после чего ушел в отставку. За несколько месяцев до этого министр юстиции Нагано Сигэто при премьер-министре Хата Цутому назвал “нанкинскую резню” мистификацией и тоже был вынужден подать в отставку [Koyama 2018: 3].

Надо упомянуть и позицию премьер-министра Абэ в отношении образования, который считает, что Японии необходима реформа образования, нацеленная на воспитание гордости за свою страну и самоуважения, подобная реформам, проведенным Маргарет Тэтчер. Британский опыт он рассматривает

²² Не полагаясь на труд китайского историка, я приобрел летом 2020 г. в обычном книжном магазине у станции Хатиодзи первый попавшийся учебник мировой истории для средней школы, в написании которого участвовали 47 историков. Действительно, масштабная агрессия против Китая в 1937 г. там называется “операциями по продвижению в Восточной Азии”, а атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки без комментариев обыденно упомянуты в перечислении событий в одном ряду с “разрывом Советским Союзом советско-японского пакта о нейтралитете” [新しい社会れきし歴史。五味 文彦 et al. [Атарасий сякай рэкиси (История нового общества. Гоми Фумихико (ред.) и др. Токио: Токио бунсэки кайся. 2012. С. 192, 195)].

как особо ценный, поскольку до того в Великобритании также было заметно самоуничижительное отношение к собственной истории. Абэ подчеркивает в книге “К красивой стране”: “В послевоенной Японии причину войны и поражения усматривали в национализме. В результате в послевоенном сознании японцев сложилось уравнение “государство = зло”. Люди не могут мыслить с позиции государства... Это — один из просчетов послевоенного образования” [Абэ 2006: 202-203]. В конце концов можно согласиться с Абэ, что школа ставит не задачу подготовки профессиональных исследователей-историков, а воспитание ответственных и лояльных граждан.

РЕКВИЕМ ПО СИБИРСКИМ ИНТЕРНИРОВАННЫМ

Проблему японских военнопленных, точнее, интернированных военнотружущих разбитой советскими войсками Квантунской армии и “гражданских лиц, захваченных на территории Китая”, можно считать самостоятельным сегментом японского военного дискурса, которому посвящен целый пласт исторической и пропагандистской литературы, и который постоянно пополняется новыми исследованиями и новыми деталями. Анализ текстов показывает, что тема “сибирского плена” — один из фрагментов общей картины “сговора союзников”.

Мое внимание привлекла книга профессора университета Сэйкэй Томиты Такаси²³ “Реквием по сибирским интернированным” [Томита 2019]. Он выяснил на основании архивных данных, что “значительная часть японских военных были осуждены по печально известной ст. 58 УК РСФСР (1926 г.), ч. 6 (шпионаж), ч. 9 (“причинение ущерба в контрреволюционных целях”), ч. 4 (“оказание помощи международной буржуазии”). По чч. 6, 4 и 8 (террористические акты, направленные против представителей советской власти) были осуждены гражданские лица, хотя распространение действия ст. 52 и, в частности, ч. 4 ст. 58, касающихся политических преступлений, совершенных внутри страны, на иностранных подданных, по сути означает, что любые жители капиталистических стран могут рассматриваться в качестве преступников. Томита подчеркивает, что Япония не вторгалась подобно германской армии на территорию СССР и не причиняла разрушений и человеческих жертв. Из 99 рассмотренных случаев в 73 на судебном заседании не было ни адвокатов, ни свидетелей [там же: 52-53]. СССР задерживал сотни тысяч людей для развития экономики на своей территории [там же: 185].

Некоторые историки (например, работающий в США политолог Хасэгава Цуёси) выступают с любопытной версией, что Трумэн, отвергнув претензию Сталина на оккупацию северной части Хоккайдо, в качестве компенсации согласился на использование Советским Союзом миллиона рабочих рук (т.е. полумиллиона интернированных) как бесплатной рабочей силы для восстановления Дальнего Востока. Регион встал на ноги к началу 1950-х годов, и большей части японцев удалось вернуться на родину [Хасэгава 2011: 468].

Нельзя закрывать глаза и на грубые выпады на грани подмены понятий. Например, публицист и переводчик Нагасэ Рёдзи пишет: “Интернирование

²³ Знаю профессора Томиту по нескольким годам совместной работы в проекте изучения параллельной истории российско-японских отношений как эксперта, склонного к дотошному анализу документов, при этом демонстрирующего непредвзятый подход — в отличие от ряда эмоциональных и дневниковых нарративов.

в Сибирь отнюдь не является делом прошлого. В Японии существует нерешенная проблема похищенных Северной Кореей японских граждан. Определенно обстоятельства интернирования Советской армией большого количества людей в Сибирь после окончания войны были другими, однако суть преступной деятельности, состоящая в незаконном насильственном захвате и интернировании японцев иностранным государством, одна и та же” [Нагасэ 2015: 435]. Этот пассаж весьма показателен для понимания истоков предвзятого отношения части японского общества к СССР и России. Принципиальный изъян, делающий высказывание Нагасэ некорректным, в том, что не только обстоятельства интернирования были иными, но и сама суть: интернирование было результатом военных действий, а тайные похищения спецслужбами Пхеньяна проходили в мирное время²⁴.

Все же в целом, несмотря на преобладание спокойного, конструктивного тона в обсуждении проблемы “сибирского плена”, она остается саднящей травмой, которая воспроизводится в социальной памяти японцев и время от времени подогревается вбросами искаженной информации.

“СЕВЕРНЫЕ ТЕРРИТОРИИ” КАК БАРОМЕТР СОСТОЯНИЯ ОТНОШЕНИЙ

Нельзя отрицать, что территориальная проблема наряду с проблемой военнопленных остается раздражающим фактором в японо-российских отношениях. Нельзя также забывать, что такая оценка распространяется в еще большей степени на отношения Японии с Китаем и Республикой Корея. Интересно, что доля новых книг и статей по “северным территориям” субъективно не столь велика, как можно было бы ожидать, и, более того, эта проблема все чаще рассматривается в контексте “сговора держав-победительниц” (см., например, [Арима 2016: 104]). Внимание привлекает возрождение увязки вопроса “северных территорий” с усложнившейся проблемой пребывания американских войск на Окинаве как выражением нерешенности проблем послевоенного урегулирования. У японских политологов входит в обиход указание на параллелизм в подходах к курильской и окинавской проблемам [Хонда 2013: 352-353].

Характерны ответы студентов Университета Сока (май-июль 2020 г.) на два вопроса анкеты. На мой вопрос о том, закончился ли послевоенный период для Японии, 21% студентов ответили “да, закончился” и 79% — “продолжается”. Но на следующий вопрос к ответившим, что он “продолжается”, почему они так считают, 58% связали это с наличием нерешенных территориальных проблем, а 36% — с продолжающимся пребывание военных баз США на японской земле.

Состояние “военной памяти” японцев крайне важно в связи с тем, что интерпретация итогов Второй мировой войны — это, несомненно, ключ к тому, что формирует взаимоотношения наших стран. Российским дипломатам и экспертам предстоит приложить дополнительные усилия, отслеживая вектор изменений в “понимании истории” японским обществом, особенно в таких

²⁴ В 1970-е и 1980-е годы случилась цепь исчезновений японских граждан при загадочных обстоятельствах. На первой встрече на высшем уровне в сентябре 2002 г. Северная Корея признала, что она похитила японских граждан, и принесла извинения. В октябре того же года пятеро похищенных вернулись из Северной Кореи в Японию спустя 24 года. Правительство Японии идентифицировало 17 японских граждан, включая пятерых, которые уже вернулись в Японию, как жертв похищения Северной Кореей. См. Abduction of Japanese Citizens by North Korea. — *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/index.html (accessed 19.08.2020).

его сегментах, как интеллектуальная и политическая элиты. На одной из сессий “Примаковских чтений”, проходившей в онлайн-режиме в июле 2020 г., руководитель российского МИДа С.В. Лавров подчеркнул, что Токио эти итоги признает, но не включает сюда итогов, затрагивающих южные Курилы, а “это неправовая позиция”. Министр сослался на то, что “правовая позиция Японии должна была бы определяться тем фактом, что Япония ратифицировала Устав ООН, а в нем есть ст. 107, которая гласит, что все, что было сделано державами-победительницами, не подлежит обсуждению”. При этом Лавров заявил, что Москва слышит “заявления наших японских соседей о том, что мы будем готовы мирный договор заключить, как только решим территориальную проблему. Это не то, о чем договаривались. Договаривались сконцентрироваться на заключении мирного договора. Как того и требует декларация 1956 г.”²⁵

Анализ японского официального дискурса последнего времени свидетельствует, что барьер непонимания между нашими странами, к сожалению, не снижается. Неприемлемым эксцессом выглядел, к примеру, демарш депутата палаты представителей Маруямы Ходаку, фактически предложившего “отбить” южные Курилы силой²⁶.

В моих интервью с японскими коллегами лейтмотивом звучало сдержанное недоумение, вызванное дискуссией вокруг поправок к Конституции РФ, а именно по поводу защиты территориальной целостности страны. Например, 19 мая 2020 г. Токио, очевидно, в качестве предупреждения, возвратил в “Синюю книгу по дипломатии” исключенное в предыдущем году упоминание о принадлежности южных Курил, с формулировкой “острова, на которые распространяется суверенитет Японии”²⁷. Кроме “игры” дипломатического ведомства, есть и более вызывающий дискурс поборников идеи немедленной передачи островов Японии, которые представляют собой маргинальную, но крикливую группу националистов, устраивающих немногочисленные, однако резонансные митинги у российского посольства в Токио²⁸. Сейчас, тем более на фоне принятия соответствующих поправок к Конституции РФ, не просматривается альтернативы продолжительным кропотливым усилиям работе по выведению российско-японских отношений из тупика.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Анализ дискурса дает возможность разложить на сегменты спектр “понимания военной истории” по принципу разделения оценочных нарративов

²⁵ В МИД прокомментировали вопрос заключения мирного договора с Японией. — *РИА Новости*. 10.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200710/1574162613.html> (accessed 11.08.2020).

²⁶ Кошкин А. Посол России в Токио извинения за поведение Маруямы принял, осадок остался. — *Regnum*. 30.05.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2638460.html> (accessed 11.08.2020).

²⁷ В МИД Японии заявили о неизменности своей позиции по Курилам и мирному договору с Россией. — *Итаp-ТАСС*. 22.05.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8537903> (accessed 11.08.2020).

²⁸ Такой была и акция протеста у дипмиссии России, привязанная к 75-й годовщине вступления СССР в войну против Японии. Чуть ранее в социальных сетях Японии активно осуждалась церемония открытия на Кунашире 5 августа 2020 г. российского аварийно-спасательного центра МЧС, у которого расположили каменную плиту со словами императора Николая I: “Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен”. См. “Верните Курилы!”: у российского посольства в Токио устроили “развязный” протест. — *Царьград*. 09.08.2020. URL: https://tsargrad.tv/news/vernite-kurily-u-rossijskogo-posolstva-v-tokio-ustroili-razvjaznyj-protest_272567 (accessed 11.08.2020).

“справедливой / несправедливой войны” и “справедливых / несправедливых актов войны” [Zou Yi 2019: 134]. Так, можно представить четыре ключевые сегмента носителей японских военных нарративов:

1) Левые либералы утверждают, что “война была несправедливой” и к тому же были “несправедливы военные действия”.

2) Либерально-ориентированный сегмент использует ту же комбинацию, но дает размытую интерпретацию японской ответственности за войну, фокусируясь главным образом на виктимности нации.

3) Умеренные консерваторы утверждают, “война была справедливой” (или точнее: “можно найти оправдания войне”), но признают военные действия “несправедливыми”

4) Националисты оправдывают и цели войны, и характер боевых действий.

Вместе с тем независимо от различий общих оценок войны в рассмотренном дискурсе преобладают убеждение в сговоре держав-победительниц против Японии, искусственном навязывании Японии стереотипа вины, о том, что ответственность за войну в Тихоокеанском регионе лежит не только на Японии, о необходимости выхода Японии из “послевоенного периода” и возвращении национальной гордости.

Судя по интервью с коллегами и дискуссиям в Токио летом 2020 г., все больше японцев исходит из того, что мир изменился, и что настала пора исправить “историческую несправедливость”, допущенную в отношении Японии, которая пострадала в результате совершенного за ее спиной “закулисного сговора” между союзными державами, частью которого была и “советская агрессия”. Начался переход к новым ценностно-смысловым кодам, которые национальное сознание использует для дешифровки нарративов прошлого. Провозглашенный Абэ и его окружением курс на подведение черты под послевоенной эпохой аргументируется необходимостью обретения статуса “обычной страны” и избавления от клейма “вражеского государства” (подробнее см. [Чугров, Карелова 2020]).

Для японцев пересмотр акцентов в историческом нарративе очень важен. Япония оказалась с начала 1990-х годов в состоянии экономического и идейного застоя. В то же время над ней все больше нависает тень растущего Китая. Чтобы обозначить вектор нового рывка в условиях угрозы китайской гегемонии, национальное сознание ищет новые точки опоры для уточнения идентификационной матрицы, которое позволило бы двигаться вперед..

Сегодня очевидна безуспешность попыток “перевоспитать” другие нации, подогнать чужую идентичность “под свой аршин”²⁹. Но остается возможность целенаправленно стремиться понять “другого”, понять его мотивы. Японские политологи озабочены поисками этих путей, что включает постоянные конструктивные усилия массмедиа, использование “мягкой силы” и все это — помноженное на заинтересованность сторон и взаимное признание ошибок прошлого в рамках того, что допускает собственная идентичность. В конце концов, если массовому сознанию японцев удалось примириться с бывшим архиврагом, Америкой, почему это не может стать прецедентом для примире-

²⁹ У Верховного командования союзных сил, заложивших в 1945-1946 гг. основы для кардинальных изменений в сознании японцев, такое “перевоспитание” частично удалось с помощью жесточайшего контроля. Но оккупационный режим имел дело с необычайно пластичным материалом и сломленной волей. В нынешней реальности такое уже невозможно.

ния с Китаем и Кореей? [Косугэ 2005: 210-211]. “Примирение” — это ключевое слово метанарратива для большого кластера историков.

На основе дискурс-анализа “военных нарративов” можно сделать и некоторые выводы для России:

1) В связи с тенденцией к переосмыслению истории Второй мировой войны сегодняшний японский дискурс не является частью антироссийской кампании, как это происходит в ряде западных стран. Россия в этом контексте выступает в массовом сознании как одна из стран-победительниц, участвовавших в “коллективном сговоре” против Японии.

2) Российским дипломатам и экспертам предстоит понять, что для японского общества крайне важно новое осмысление своей идентичности и формирование нового взгляда на итоги войны, исходя из интересов дальнейшего развития собственной страны. Для этого японцам необходимо преодоление внешнего имиджа страны, совершившей преступления против человечности и пораженной в правах, а также внутреннего комплекса коллективной вины, неуважения и недоверия к государству.

3) В принципе для России по большей части японский взгляд на многие военные события является относительно приемлемым, поскольку он не направлен на формирование стойкого русофобского консенсуса, как на Западе.

Если взглянуть на комплекс проблем в целом, то заметно, что в регионе (и в мире) сместилась точка пересечения осей реальных событий истории и политического восприятия результатов войны. Не имея моральных ориентиров в настоящем, мы не можем дать адекватную для данного момента оценку прошлому (в шутке, что СССР — это страна с непредсказуемым прошлым, доля шутки гораздо меньше, чем нам казалось раньше). Полностью могу согласиться с суждением историка Хосоя Юити, высказанном в монографии, вышедшей в июле 2020 г.: “Неосуждающее других понимание прошлого, настоящего и того, как они пересекаются, есть предпосылка надлежащего подхода к разрешению проблемы исторической памяти” [Hosoya 2020: 159]. Добавлю, что сложность (и подспорье) для политолога и историка заключаются в том, что оценки прошлого вовсе не обязательно должны упираться и жесткую дихотомию полюсов противоположных суждений, а их можно выбрать из множества точек непрерывного континуума между ними, опираясь на моральные или прагматические (политические) ориентиры.

Премьер Абэ предлагает преодолеть барьер инерции и перейти к политическому “активизму” на базе укрепления национальных символов (цит. по [Фукиура 2020]). Сейчас мы являемся свидетелями *нарастания в Японии националистических настроений* как естественного процесса уточнения идентичности. Можно предположить, что едва ли они смогут переродиться в нецивилизованные формы, учитывая систему сдержек и противовесов, существующих в структуре японской власти. Однако дрейф в сторону националистических идей сам по себе показателен.

Проблемы прошлого регулируются колебаниями процессов стабилизации/дестабилизации в настоящем. Но сейчас в массовой исторической памяти активирован режим “пацифизма”, и нация дисциплинированно реагирует на “мирные импульсы”, не пытаясь в массе проникнуть в сложную суть проблем и довольствуясь вектором, обозначенным массмедиа и соцсетями. Мы видим, как на наших глазах нарастает протест нового поколения — и в Японии,

и вообще на Западе — в виде уточнения идентичности, стремления выйти из текущего состояния усложняющегося социума. И это в целом нормальный процесс переформатирования системы ценностей и национального сознания.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03

RETHINKING THE RESULTS OF WORLD WAR II IN CONTEMPORARY JAPAN

S.V. Chugrov¹

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

CHUGROV, Sergey Vladislavovich, Dr. Sci. (Soc.), Professor, MGIMO University, email: new-polis@politstudies.ru

Chugrov S.V. Rethinking the Results of World War II in Contemporary Japan. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 22–45. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.03>

Acknowledgements. The study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31262 “Contemporary Reinterpretation of WWII History in Japan in the Context of the Changing Political Landscape in East Asia and Russia’s National Interests”.

Received: 15.07.2020. Accepted: 10.08.2020.

Abstract. The 75th anniversary of the termination of the WWII is a historic frontier marked by the coming of age of generations who had no personal experience of the war, as well as by the crisis of the Yalta-Potsdam system of international relations (IR). The focus of this study is the process of rethinking the outcome of the Second World War in Japan as a part of the emerging global trend towards the destruction of the common understanding of the military past. The analysis is aimed at a comprehensive understanding of the mutual influence of the change of modality of thinking and the formation of a new configuration of political forces in the Asia-Pacific region, including in terms of the perspective of Russian-Japanese relations. The relevance of the topic lies in the fact that the change in perception of military history in different countries, the conflicting narratives are an important indicator of existing and brewing contradictions and crises in IR. In this regard, the study of the perception dynamics of the military past is of a particular interest. Understanding the substance of these metamorphosis can have predictive value and contribute to the building of an effective Russian policy vis-à-vis Japan as a whole facing a complex geopolitical reality and growing instability in IR. In addition, the analysis of East Asian realities has expanded the conceptualization of the historical past falsification. The results of the discourse analysis are supported by the survey of 166 students on the problem of their attitude to the war outcomes during a semester (April — July 2020) as a visiting professor at Soka University (Tokyo) showing that in the national consciousness there was a “mutual settlement of Pearl Harbor and Hiroshima-Nagasaki”.

Keywords: Russia, World War II, Japan, USA, Asia-Pacific, historical memory, social and political consciousness, world order, world politics, Russia-Japan relations.

References

- Fukuoka K. 2013. Memory, Nation, and National Commemoration of War Dead: A Study of Japanese Public Opinion on the Yasukuni Controversy. — *Asian Politics & Policy*. Vol. 5. No. 1. P. 27–49. <https://doi.org/10.1111/aspp.12015>
- Harmen P. 2020. *War in the Far East. Vol. 2. Japan Runs Wild. 1942–1943*. London, Oxford: Casemate Publishers.
- Hirsch M. 2008. The Generation of Postmemory. — *Poetics Today*. Vol. 29. No. 1. P. 103–128.
- Hosoya Yu. 2020. Historical Memory and International History. A Guide for Further Reading. — *History, Memory and Politics in Postwar Japan*. Ed. by Iokibe Kaoru, Komiya Kazuo, Hosoya Yuichi, Miyagi Taizo. London: Lynne Rienner Publishers, Boulder. P. 149–160.
- Koyama H. 2018. *On the Persistence of the Japanese “History Problem.” Historicism and the International Politics of History*. London, New York: Routledge.
- Onuma Ya. 2002. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. — *Berkeley Journal of International Law*. Vol. 20. No. 3. P. 600–620.
- Orr J. 2001. *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*. Honolulu: University of Hawai’i Press.

Truman H. 1986. *Year of Decisions*. Boston: Da Capo Press
 Yoshida T. 2006. *The Making of the "Rape of Nanking": History and Memory in Japan, China, and the United States*. New York: Oxford University Press.
 Zou Yi. 2019. *Japanese War Memories and Sino-Japanese Relations from 1972 to 2017. Textbooks, Museums and the Debates over History*. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies.

Batakova A.A. 2017. *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii gosudarstvami Vostochnoi Azii* (konets 20 — nachalo 21 vv.). Dissertation. ... Moscow: MGIMO. (In Russ.)

Chugrov S.V., Karelova L.B. 2020. Japan as a "Normal Country": Metamorphoses of Political Identity (Review and Analysis of Public Opinion Polls). — *Sotsiologicheskii Zhurnal*. Vol. 26. No. 1. P. 87-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7054>

Fedorova M.M. 2020. Memorial Phenomenon and Crisis of Historical Consciousness of Modernity. — *Voprosy Filosofii*. No. 6. P. 38-42. (In Russ.)

Schnirelman V.A. 2016. Social Memory and Images of the Past. — *The New Past*. No. 1. P. 100-129. (In Russ.)

Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya. 2019. [Modern Political Science: Methodology]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.N. Nikitin. 2nd ed. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Strel'tsov D.V. 2015. Viktimnost' kak chast' poslevoennoi identichnosti Yaponii [Victimization as Part of Japan's Post-War Identity]. — *Rossiiskoe yaponovedenie segodnya: k 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanese Studies Today: To the 20th Anniversary of the Association of Japanese Studies]. Moscow: IDV RAN. P. 38-45. (In Russ.)

Литература на русском языке

Батакова А.А. 2017. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии государствами Восточной Азии (конец XX — начало XXI вв.)*. Дисс. ...к.и.н. М.

Федорова М.М. 2020. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна. — *Вопросы философии*. № 6. С. 38-42.

Современная политическая наука: Методология. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.Н. Никитина. 2019. 2-е изд. М.: Аспект Пресс.

Стрельцов Д.В. 2015. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии. — *Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов*. М.: ИДВ РАН. С. 38-45.

Чугров С.В. Карелова Л.Б. 2020. Япония как "обычная страна": метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения). — *Социологический журнал*. Т. 26. № 1. С. 87-108. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7054>

Шнирельман В.А. 2016. Социальная память и образы прошлого. — *Новое прошлое*. № 1. С. 100-129.

Литература на японском языке

安倍信三. 美しい国へ。 [Абэ Синдзо. Уцукусий кун-э (К красивой стране)]. Токио: Бунсюн синсё. 2006.

有馬哲夫. ヤルタ会議の闇. [Арима Тэцуо. Ярута кайги-но ями. Хоппо рёдо ва коситэ усинаварэта (Закулисный сговор на Ялтинской конференции. Как были потеряны северные территории)]. — *Синтё*. 2015. Т. 45. №. 2. С. 104-108.

有馬哲夫. 歴史問題の正解. [Арима Тэцуо. Рэкиси мондай-но сэйкай (Правильное понимание вопросов истории)]. Токио: синтёя. 2016.

上島嘉郎. 反日メディアの正体. [Камидзима Ёсиро. Ханнити мэдиа-но сётэй (Истинное лицо антияпонских СМИ)]. Токио: Кэйэй кагаку сюппан. 2019.

小菅信子. 戦後和解 — 日本は「過去」から解き放たれるのか。 [Косугэ Нобуко. Сэнго вакай — Нихон ва "како" кара токиханатарэру но ка (Послевоенное примирение — Освободилась ли Япония от прошлого?)]. Токио: Тюко синсё. 2005.

倉山満. お役所仕事の大東亜戦争。なぜ日本は敗戦国のままなのか。 [Кураяма Мицуру. О-якудзё ситого-но Дайтоа сэнсо. Надзэ Нихон ва хайсэнкоку-но мама на но ка (Великая восточноазиатская война бюрократии. Почему Япония остается побежденной страной?)]. Токио: Сансай буксу. 2015.

倉山満. 真実の日米開戦。隠蔽された近衛文麿の戦争責任。 [Кураяма Мицуру. Синдзицу-но нитибэй кайсэн. Импэйсарэта Коноэ Фумимаро-но сэнсо сэкинин (Правдивая история начала войны между Японией и США. Сокрытая военная ответственность Коноэ Фумимаро)]. Токио: Такарадзимаса. 2017.

長勢了治。シベリア抑留—日本人はどんな目に遭ったのか。[Нагасэ Рёдзи. *Сибэрия ёкүрю. Нихондзин ва донна мэ ни атта но ка* (Сибирский плен. С чем столкнулись японцы?)]. Токио: Синтёся. 2015.

大沼保昭、聞き手 江川紹子。「歴史認識」とは何か・対立の構図を超えて。[Онума Ясуаки, Эгава Сёко. “*Рэкиси нинсик*” *то ва нани ка? Тайрицу-но кодзу-о коэтэ* (Что такое “историческое сознание”? За рамками картины противоречий)]. Токио: Тюо корон синся. 2015.

鈴木智之。ある生存の記録。戦後日本における市民意識の形成。浜日出夫編 [Судзуки Токоюки. *Арусэйдзон-но кироку* (Хроники одной жизни). — *Сэнго Нихон-ни окэру исики-но кэйсэй* (Формирование гражданского сознания в послевоенной Японии). Хама Хидэо (ред.)]. Токио: Кэйо гидзюку дайгаку сюппанкай. 2007.

竹田恒靖。アメリカの戦争責任—戦後最大のタブーに挑む。[Такэда Цунэясу. *Амэрика-но сэно сэкинин. Сэнго сайдай-но табу-ни идому* (Ответственность Америки за войну. Вызов самому большому послевоенному табу)]. Токио: РНР синсё. 2015.

田辺はじめ。懺悔道としての哲学。[Танабэ Хадзимэ. *Дзангэ до то ситэ-но тэцугаку* (Философия как путь покаяния)]. Токио: Иванами бунко. 2019.

田中英道。新しい日本史観の教科書。[Танака Хидэмита. *Атарасий нихонсикан-но кёкасё* (Учебники с новым взглядом на историю)]. Токио: Бидзинэсуся. 2019.

富田武。シベリア抑留者への鎮魂歌。[Томиита Такэси. *Сибэрия ёкүрюся-э но синкон ута* (Реквием по сибирским интернированным)]. Киото: Дзинбун сёин. 2019.

吹浦忠正。日本の国旗、知らない話。[Фукиура Тадамаса. *Нихон-но кокки, сиранай ханаси* (Японский государственный флаг, неизвестная история)]. Токио: Сюфу-но томося. 2020.

橋本明子。日本の長い戦後。敗戦の記憶・トラウマはどう語り継がれているか。[Хасимото Акико. *Нихон-но нагай сэго. Хайсэн-но киоку-тораума ва до: катару цугарэтэиру ка* (Долгий послевоенный период в Японии. Как передается травматическая память о проигранной войне?)]. Токио: Мисудзу сёбо. 2017.

長谷川 毅。暗闘—スターリン、トルーマンと日本降伏 [Хасэгава Цуёси. *Анто — Сутарин, Труман то Нихон кофуку* (Закулисная борьба Сталина с Трумэнэ и поражение Японии)]. Токио: Тюокорон синся. 2011.

本田良一。日ロ現場史 — 北方領土—終わらない戦後 [Хонда Рюити. *Нитиро гэмба си — Хоппо рёдо оваранай сэго* (Нынешняя точка истории — Непрестанная послевоенная территория)]. Саппоро: Хоккайдо симбунся. 2013.

保阪正康。日本人の「戦争観」を問う。昭和歴史から遺言 [Хосака Масаясу. *Нихондзин-но “сэнсо-кан”-о тоу. Сёва рэкиси кара югон* (Каково “отношение японцев к войне”. Наследие истории эпохи Сёва)]. Токио: Ямакава сюппанся. 2016.

ヘンリ・S・ストークス / 藤田裕行 訳。戦争犯罪国はアメリカだった! [Сутокусу Хэнри С. (Stokes H.S.) / пер. Фудзита Хироюки. *Сэнсо хандзайкоку ва Амэрика датта!* (Страной, совершившей военные преступления, была Америка!)]. Токио: Хато сюппан. 2016.

山崎雅弘。歴史戦と思想戦 — 歴史問題の読み解き方。[Ямадзаки Масахиро. *Рэкиси сэн то сисо сэн — Рэкиси мондай-но ёмитокиката* (Историческая война и идейная война — Как понимать проблемы истории)]. Токио: Сюэйся синсё. 2019.

РОССИЯ И КИТАЙ В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

А.В. Лукин

ЛУКИН Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: avlukin@hse.ru

Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00038 “Архитектура безопасности в ‘Большой Евразии’: состояние, перспективы и возможности для России”.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2020. Принята к публикации: 23.06.2020

Аннотация. Китай и Россия — основные движущие силы евразийской интеграции. Россия продолжает политику “поворота на Восток”, в то время как Китай в русле своей инициативы “Один пояс — один путь” движется на Запад. Интересы России и Китая встретились в Евразии, и их дружеские отношения привели к формированию ряда проектов сотрудничества. Наиболее важными из них являются процесс интеграции между Евразийским экономическим союзом и Инициативой Экономического пояса Шелкового пути, а также план по созданию более широкого Евразийского экономического партнерства, или Большой Евразии. В данной статье рассматриваются причины, побудившие две страны активизировать сотрудничество в Евразии, его нынешнее состояние и перспективы.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, Китай, Центральная Азия, евразийская интеграция, инициатива “Один пояс — один путь”.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Россия и Китай являются главными движущими силами евразийской интеграции. Россия проводит политику “поворота на Восток”, что обусловлено не только объективной необходимостью развития собственных азиатских территорий и присоединения к новому центру мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и давлением со стороны Запада, отношения с которым значительно ухудшились после начала украинского кризиса в 2014 г. В то же время Китай запуском инициативы “Один пояс — один путь” (ОПОП) переместил фокус внимания на Запад. Это движение вызвано как экономическими, так и геополитическими интересами. Среди первых ключевой интерес — необходимость выхода на развивающиеся рынки Европы через богатую сырьевыми ресурсами Евразию, среди вторых — балансирование давления со стороны США, которые пытаются ограничить укрепление Китая и рост его влияния в мире. Эти тенденции проявились особенно отчетливо в период президентства Д. Трампа, провозгласившего открытую торговую войну против Пекина. Интересы России и Китая встретились в Евразии, и их дружественные отношения привели к нескольким проектам сотрудничества в данном регионе. В качестве наиболее важных можно выделить процесс сопряжения между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и китайской инициативой Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также идею создания более широкого Евразийского экономиче-

ского партнерства, или Большой Евразии. В данной статье рассматриваются причины, побудившие две страны активизировать сотрудничество в Евразии, его нынешнее состояние и перспективы.

ГЕОПОЛИТИКА ЕВРАЗИИ

В течение многих лет геополитическое мышление в США сосредоточивалось прежде всего на опасности, которая могла бы возникнуть, если бы на евразийском материке усилились и завоевали господство антиамериканский альянс, коалиция держав или одна антиамерикански настроенная держава. Это представление уходит своими корнями в труды основателей геополитической мысли Х. Маккиндера [Mackinder 1904] и Н. Спикмана [Spykman 1942]. Под влиянием их идей следующее поколение американских теоретиков делало все возможное, чтобы ни одна держава или коалиция стран не могла контролировать евразийский материк. В то же время практические геополитические интересы обычно господствовали над идеологией. Несмотря на правые, антикоммунистические убеждения, президент США Р. Никсон по рекомендации советника по национальной безопасности Г. Киссинджера пошел на улучшение отношений с коммунистическим Китаем. Аналогичным образом активный защитник прав человека президент Дж. Картер последовал предложению своего советника по национальной безопасности З. Бжезинского и установил дипломатические отношения с Пекином. Несмотря на то, что в Китае под руководством Мао Цзэдуна ситуация с защитой прав человека обстояла еще хуже, чем в Советском Союзе, геополитические соображения требовали, чтобы слабое коммунистическое государство было оторвано от своего более сильного союзника для недопущения их совместной гегемонии в Евразии.

Подобные геополитические подходы оказали значительное влияние на современную американскую и европейскую мысль по вопросу политики в Евразии. Серьезные опасения на Западе вызывал сценарий силового объединения Евразии враждебной континентальной державой силовым путем, причем такой сценарий рассматривался в качестве единственно возможного. В соответствии с этим видением фундаментом западной политики в данном регионе становилось стремление не допустить появления в Евразии какого-либо мощного государства и альянса таких государств, способных объединить ее на враждебной или даже просто альтернативной Западу основе. Влияние любых кандидатов на подобную роль, независимо от политической или экономической системы, следовало ограничивать. Эту идею выразил З. Бжезинский, написав вскоре после распада СССР: “Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание ‘антигегемонистской’ коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым” [Бжезинский 2016: 44]. О недопущении российско-китайского сближения, которое будет представлять угрозу национальным интересам США, писали и другие американские авторы – сторонники внешнеполитического реализма.

По мнению американских аналитиков, исчезновение СССР с политической карты мира создало неожиданную и уникальную для США возможность

стать гегемоном в этом регионе. Согласно Бжезинскому, “Главный геополитический приз для Америки — Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте” [там же].

Американские теоретики внешней политики сразу же обозначили строгие ограничения крупных евразийских держав с целью исключить их способность бросить вызов новому доминированию США в регионе. Даже в случае установления дружественных отношений с Россией (как и с Китаем или, скажем, с Германией) им нельзя было разрешить чрезмерно укрепиться в Евразии. Об этом прямо писал, например, Г. Киссинджер: “Геополитически Америка представляет собою остров между берегами гигантской Евразии, чьи ресурсы и население в огромной степени превосходят имеющиеся у Соединенных Штатов. Господство какой-либо одной державы над любым из составляющих Евразию континентов: Европой или Азией — все еще остается критерием стратегической опасности для Америки независимо от наличия или отсутствия холодной войны. Ибо такого рода перегруппировка стран способна превзойти Америку в экономическом, а в конечном счете и в военном отношении. Опасности этой придется противодействовать, даже если господствующая держава будет по отношению к Америке настроена благожелательно, ибо стоит ее намерениям перемениться, как Америка окажется лишенной значительной части возможностей, обеспечивающих эффективное сопротивление, и во все большей степени начнет утрачивать возможности оказывать решающее воздействие на события” [Киссинджер 1997: 740-741]. Опасностью для влияния США признавались не иные (например, недемократические) политические режимы, как это предполагает либеральная теория международных отношений, но все крупные и самостоятельные государства.

Однако после того, как Советский Союз исчез с карты мира, традиционный геополитический подход потерял влияние. Западные элиты восприняли это событие как триумф собственной идеологии. Это убеждение нашло наиболее радикальное выражение в экзотической теории Ф. Фукуямы о “конце истории”. Меры предосторожности и геополитические нюансы больше не нужны: зачем беспокоиться о реакции России, Китая и других стран, если “либеральный мировой порядок” находится на пороге полной победы и все страны стройными рядами, пусть и с разной скоростью, движутся к свободе, демократии и рыночной экономике?

В реальности распад Советского Союза не остановил коренных тенденций мирового развития, в частности, тенденции к созданию новых незападных центров силы мировой политики, о которой наиболее дальновидные эксперты начали говорить еще в 1970-1980-е годы [Фролов 2016]. Нежелание США принять этот процесс привело к тому, что эти новые центры стали координировать усилия по созданию противовеса стремлению Вашингтона сохранить безоговорочное господство над миром. Этот процесс выразился в создании различных незападных организаций и групп, в частности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Но главным последствием политики Вашингтона стало ускорение сближения России, постепенно восстанавливавшей собственное влияние,

с быстро развивающимся Китаем. Эти отношения переросли в глубокое и тесное стратегическое партнерство, которое, по мнению Д.В. Тренина, можно называть “антантой” (согласием). Оно представляет собой “гармоничное объединение двух крупных держав, базирующееся на общности некоторых ключевых интересов, общей неприязни к мировому гегемону — Соединенным Штатам, определенной координации действий во внешней политике и политике безопасности и определенной взаимной симпатии лидеров” [Тренин 2015: 23]. Таким образом, сама политика США создала условия возникновения опасности их могуществу, о которой предупреждали предыдущие несколько поколений американских и европейских стратегов, заключающейся в возможности потери Вашингтоном контроля над Евразией в результате углубляющегося сближения между двумя главными евразийскими державами: Россией и Китаем [Lukin, Torkunov 2020].

КОНЦЕПЦИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Российские экспертные круги разработали концепцию Большой Евразии в 2015 г., сделав вывод, что ухудшение отношений с Западом из-за украинского кризиса было необратимым¹ [Тренин 2015].

Эксперты международного дискуссионного клуба “Валдай” и Высшей школы экономики сформулировали эти идеи в нескольких отчетах и рекомендациях для руководства страны. В результате президент В.В. Путин включил их в свою речь и интервью на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. Он назвал возникающую систему “Евразийским партнерством” и разделил ее авторство с тогдашним президентом Казахстана Н. Назарбаевым, с которым обсудил ее накануне форума. Путин также упомянул, что более 40 стран и международных организаций выразили желание установить зону свободной торговли с Евразийским экономическим союзом, и предположил, что ЕАЭС может стать одним из центров формирующейся зоны интеграции. Исходя из этого, он предложил рассмотреть “перспективы более широкого евразийского партнерства с участием ЕАЭС и стран, с которыми у нас уже есть тесные партнерские отношения — Китай, Индия, Пакистан и Иран, — и, конечно, наши партнеры по СНГ, а также другие заинтересованные страны и ассоциации”².

Идея Путина вошла в российско-китайскую декларацию, которая была подписана лидерами двух стран в ходе визита президента России в Китай в июне 2016 г. В документе подчеркивается первостепенное значение, которое стороны придают выполнению российско-китайского соглашения о сопряжении формирования ЕАЭС с реализацией Экономического пояса Шелкового пути. В документе также содержится призыв к созданию “евразийского всеобъемлющего партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и учета взаимных интересов, в том числе с возможным подключением стран — членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН”. Правительствам двух стран было поручено разработать меры по реализации данной инициативы³.

¹ Lukin A. Russia, China and the Emerging Greater Eurasia. — *The Asan Forum*. 2015. URL: <http://www.theasanforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia/> (accessed 06.04.2020).

² Путин В.В. *Интервью китайскому информационному агентству “Синьхуа”*. 23.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52204> (accessed 06.04.2020).

³ *Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики*. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed 06.04.2020).

Во время визита китайского премьера Ли Кэцзяна в Москву в ноябре 2016 г. председатель российского правительства Д.А. Медведев сообщил, что Россия и Китай провели “совместное исследование того, на чем должно строиться партнерство”, результаты которого были обсуждены на встрече с китайским премьером. Экспертам двух стран было поручено приступить к разработке экономического обоснования проекта⁴.

В статье, написанной в ноябре 2017 г., президент Владимир Путин еще раз упомянул “нашу идею создания Большого Евразийского партнерства” на основе Евразийского экономического союза и инициативы Китая “Один пояс – один путь”⁵. Он охарактеризовал его как “гибкий современный проект, открытый для других участников”. На заседании Высшего Евразийского Совета в Ереване в начале октября 2019 г. Путин заявил о необходимости “налаживать тесные связи Евразийского союза с Шанхайской организацией сотрудничества и АСЕАН, работать в пользу Большого Евразийского партнерства”, отметив, что “особую роль в этом контексте играют торгово-экономические отношения Евразийского экономического союза с Китаем”⁶.

Средства массовой информации и экспертное сообщество стали называть данный проект Большой Евразией. По мнению авторов идеи, главными чертами Большой Евразии являются следующие:

1. Большая Евразия — это новое международное объединение, формирующееся на основе российско-китайского сближения и усилий по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

2. Другие незападные организации и группы, прежде всего ШОС, АСЕАН и БРИКС, будут играть значительную роль в этом процессе [Denisov et al. 2019].

3. Большая Евразия пока не является официальной организацией или даже группой. Это своего рода партнерство, базирующееся на общих интересах незападных государств.

4. Участвующие государства объединяются на базе общих политических и экономических интересов. Политическая заинтересованность проистекает из озабоченности по поводу однополярного мира, в котором США и их союзники пытаются играть диктаторскую роль и не уважают интересы, а зачастую и суверенитет других государств. Участники Большой Евразии разрабатывают принципиально иной подход к мировой политике, основанный на принятии системы международного права, как она сложилось после Второй мировой войны, признании ведущей роли Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности, уважении к различным культурным традициям и политическим системам, а также плюрализму и демократии в международных отношениях. Эти положения весьма сходны с принципами “мирного сосуществования”, которые развивающиеся страны впервые сформулировали еще на Бандунгской конференции в 1955 г., а также с так называемым шанхайским духом, продвигаемым ШОС.

⁴ Медведев: Россия формирует евразийское партнерство с Китаем. — *РИА Новости*. 16.11.2016. URL: <https://ria.ru/east/20161116/1481497327.html> (accessed 06.04.2020).

⁵ Путин В.В. *XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию*. 08.11.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023> (accessed 06.04.2020).

⁶ *Заседание Высшего Евразийского экономического совета*. 01.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61682> (accessed 06.04.2020).

5. Экономические интересы могут составлять базис широкого партнерства. Они включают в себя сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, а также усиление экономической составляющей ШОС после присоединения к ней Индии и Пакистана и, возможно, Ирана. Также в будущем представляется возможным формирование расширенной зоны свободной торговли (ЗСТ). Китай уже создал такие зоны с несколькими странами—участницами АСЕАН, и еще одна была учреждена в рамках ЕАЭС. Создание ЗСТ между ЕАЭС и Китаем провозглашено долгосрочной целью в совместном российско-китайском заявлении 2015 г.⁷ В перспективе эти зоны свободной торговли могут расширяться или даже объединяться, например на основе Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), предложенного Китаем и АСЕАН. Другим важным экономическим интересом является создание новых транспортных маршрутов через Центральную Азию в Европу в рамках связи с Экономическим поясом Шелкового пути и в рамках инициативы “Морской шелковый путь”, которая соединит Евразию со странами АСЕАН.

6. Большая Евразия будет открытым партнерством для всех, включая государства Европы, в том числе членов Европейского союза при условии, если они выразят согласие придерживаться ее плюралистических принципов. Интерес, который европейские государства проявили к предложенному Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АИВ), Экономическому поясу Шелкового пути и, в последнее время, ЕАЭС, указывает на то, что такая возможность существует. Однако новая евразийская система не будет ориентирована на Европу и не будет включать в себя условие, согласно которому все участники принимают так называемые европейские ценности. Система ценностей будет евразийской, базирующейся на принципах плюрализма и многополярности.

51

Концепция Большой Евразии все еще находится в стадии разработки, и ее точные границы остаются неопределенными. Эксперты из ряда стран, в первую очередь из России и Китая, работают над тем, чтобы решить эту проблему. На пути к созданию этой концепции они столкнулись с рядом трудностей: деструктивной политикой Соединенных Штатов, международным терроризмом, а также зачастую противоположными интересами и разногласиями между евразийскими игроками и организациями. Однако глобальные тенденции благоприятствуют созданию Большой Евразии, что указывает на то, что этот процесс необратим. Главной среди них является геополитическое сближение России и Китая [Lukin 2018].

РОССИЯ: ОТ МЛАДШЕГО ПАРТНЕРА ЗАПАДА ДО НЕЗАВИСИМОГО ЦЕНТРА СИЛЫ

В начале 1990-х годов, сразу после распада Советского Союза, новое российское правительство было полно надежд на сотрудничество с США и их союзниками и было готово присоединиться к так называемому цивилизованному миру, возглавляемому Западом, даже в качестве младшего партнера. Сегодня идея становления России как независимого мирового центра силы в Евразии пришла на смену стремлению подключиться к европейской системе

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 06.04.2020).

в качестве официального курса Москвы. Этот курс продвигается большей частью российских экспертов — политологов и международников. Если в 2000 г. В.В. Путин в разговоре с Б. Клинтонем зондировал возможность вступления России в НАТО, то спустя десятилетие с небольшим, в мае 2013 г., во время инаугурации он заявил, что “историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня... от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии”⁸. А в сентябре 2013 г. на заседании международного дискуссионного клуба “Валдай” он подчеркнул, что “Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии”⁹.

Считавшийся главным интеллектуалом президентской администрации В.Ю. Сурков всего десятилетие назад говорил о необходимости не “выпадать из Европы, держаться за Запад” как о важнейшем элементе построения России¹⁰. Но к 2018 г. он полностью изменил свой подход и заявил о необходимости прекращения “многократных и бесплодных попыток стать частью Западной цивилизации”, предсказав России сто, а может, и триста лет одиночества [Сурков 2018]. Известный теоретик внешней политики С.А. Караганов, ранее считавшийся западником, пишет об исчерпании Россией “европейской кладовой” [Караганов 2018], необходимости преодоления “остаточного западочентризма” и активно развивает целую школу внешнеполитической мысли, в рамках которой Россия рассматривается в качестве объединяющего центра Большой Евразии¹¹.

Эти изменения говорят о том, что разочарование элиты в либерально-европейском выборе, сделанном в конце советского и начале российского периода, и ее сегодняшняя евразийская ориентация явились результатом долгого и болезненного процесса мировоззренческой эволюции, ставшей ответом на ход международных процессов. Российская политическая элита вовсе не была изначально настроена “антизападно”, каждый московский лидер (и М.С. Горбачев, и Б.Н. Ельцин, и В.В. Путин) поначалу пытался наладить с Западом равноправное сотрудничество, и только когда убеждался в невозможности этого, переходил к более многовекторному курсу.

Таким образом, Запад своей политикой после распада СССР фактически завел Москву в безвыходную ситуацию. Руководство в Кремле было поставлено перед необходимостью выбора: либо полностью отказаться от собственной политики и подчиниться Вашингтону и его союзникам, либо принципиально изменить внешнеполитическую стратегию. Первый вариант противоречил бы российскому восприятию достойной роли страны и ее статуса в мировых делах как великой державы. “Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия — нет”, — подчеркнул

⁸ Сысоев Г. Путин не возражает против вступления России в НАТО. — *Коммерсантъ*. 07.03.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/142046> (accessed 06.04.2020); Владимир Путин вступил в должность Президента России. 07.05.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15224> (accessed 06.04.2020).

⁹ Заседание международного дискуссионного клуба “Валдай”. 19.09.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed 06.04.2020).

¹⁰ Сурков В. Национализация будущего: параграфы pro суверенную демократию. — *Эксперт*. 2006. № 43. URL: https://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/ (accessed 04.04.2020).

¹¹ Караганов С. Куда идти и с кем идти: внешняя политика на пороге нового десятилетия. — Российская газета. — *Федеральный выпуск*. 2019. № 294. URL: <https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatochnogo-zapadnocentrizma.html> (accessed 06.04.2020).

В.В. Путин в 2019 г.¹² Это понимание предопределило переход к новому курсу, выразившемуся в постепенном отказе от прозападной ориентации и стремлении превратить Россию в “независимый центр силы” в Евразии.

Разработанная в 1920-е годы российскими эмигрантами теория евразийства, целью которой было объяснить и частично оправдать победу большевиков и их укрепление во власти, имела лишь косвенное отношение к этому процессу. Эта теория первоначально получила популярность в Казахстане. Там особенно положительно было воспринято крайне спорное утверждение классических евразийцев о том, что различия русских и европейцев, в том числе даже других проживающих в Европе славян, являются качественными и обусловлены смешением с народами степи, а в результате этого смешения якобы возникла некая особая “туранская” цивилизация. Эта теория возвышала роль степных народов до уровня создателей уникальной цивилизации. Поэтому, например, классические евразийцы, в особенности их последний представитель — советский историк Л.Н. Гумилев — стали здесь культовыми фигурами (именем Л.Н. Гумилева в Казахстане назван Евразийский национальный университет, к его столетнему юбилею в 2012 г. выпущена специальная почтовая марка, а первый президент республики Н. Назарбаев использует цитаты из его работ в своих выступлениях и статьях). В России сторонники евразийства существовали всегда, однако в 90-е годы XX в. эта тенденция в политике была маргинальной. Широкую популярность теории евразийцев получили в результате ухудшения отношений с Западом и изменений в экономической политике. Политической элите позднепутинского периода особо импонируют такие положения евразийства, как идеал “идеократии” — государства, основанного не на меркантилизме, но имеющего некую идеологическую цель, а также модель ограниченно-рыночной экономики, регулируемой государством, при широком использовании частной инициативы главным образом в малом и среднем бизнесе и сельском хозяйстве. Подобная модель стала близка экономической политике Кремля после 2012 г., в особенности в части создания крупных государственных корпораций, а также большинству экономических моделей центрально-азиатских государств.

В целом евразийская ориентация России имеет явные преимущества перед чисто европейской. Во-первых, ее неотъемлемой частью является стремление стать независимым полюсом в формирующейся многополярной системе, а это в гораздо большей степени соответствует историческим представлениям россиян о роли и месте их страны в мире. Так было и в досоветский период, а опыт жизни в СССР, который продолжает непосредственно влиять на взгляды современных россиян, выработал у них понимание своей страны как великой державы. Во-вторых, представления большинства россиян об идеальной экономической системе и экономическая политика путинской России также в гораздо большей степени соответствуют евразийской модели. Не следует забывать и то, что все эффективные экономические реформы в России осуществлялись при активной роли государственной власти. В-третьих, активизация на азиатском направлении как внутри страны (по отношению к собственным азиатским регионам), так и в международной политике, безусловно, призвана способствовать решению важнейшей стратегической задачи — развитию Сибири и Дальнего Востока и их

¹² Путин В.В. *Послание Президента Федеральному Собранию*. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 06.04.2020).

подключению к международной интеграции в АТР. В геополитическом смысле превращение России в независимый центр влияния в Евразии, вокруг которого будут консолидироваться другие менее крупные региональные игроки, будет способствовать укреплению ее безопасности и формированию дружественного окружения, как следствие — мирному политическому и эффективному экономическому развитию страны. Важнейшую роль в этом процессе может сыграть укрепление и расширение Евразийского экономического союза и запущенный в 2015 г. процесс его сопряжения с китайской инициативой ЭПШП, а также повышение эффективности ШОС и развертывание в сотрудничестве с Китаем проекта Большого Евразийского партнерства. Однако способность России занять место независимого центра силы в Евразии не безусловна.

Ухудшение отношений с Западом стало ценой, которую Москва платит за собственную независимость, но ее экономический базис пока вряд ли достаточен для ее обеспечения. И здесь речь может идти не только о внутренних экономических проблемах. Вопрос экономической эффективности заставляет обратить внимание на то, как стимулировать торговлю с европейскими государствами в нынешних неблагоприятных обстоятельствах, а также и на то, как наладить более тесные экономические связи в Азии, способствующие ускоренному развитию России. Сбалансированные и стабильные связи с экономикой Китая обсуждаются в России с 2000-х годов. В последнее время одним из ключевых является вопрос о том, создаст ли ЕАЭС новые стимулы для ускорения Россией своего экономического развития или он станет экономическим придатком мощной китайской экономики. Пока что можно признать частичный успех России на пути использования ЕАЭС для утверждения ее независимой роли в Евразии как центрально-азиатскими государствами, так и Китаем, о чем свидетельствует согласие Пекина на запуск процесса сопряжения ЕАЭС с ЭПШП. Но недостаточные экономические успехи России оставляют будущее неопределенным.

КИТАЙ И БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ

Китай как на официальном, так и экспертном уровнях выражает заинтересованность в развитии Большого Евразийского партнерства. Неслучайно этот интерес возрос после того, как усилилась торговая война с США. Представляется, что, как и в России после 2014 г., в Китае после прихода к власти Д. Трампа поняли, что с Западом будет трудно иметь дело на равных, поскольку Соединенные Штаты были полны решимости ограничить рост Китая и не позволить ему бросить вызов западному господству.

Китайские международники в целом позитивно оценивают идею более тесного сотрудничества с Россией в Евразии, многие из них одобряют и проект Большого Евразийского партнерства. В статье, размещенной на портале Государственного информационного центра Китая, утверждается, что “практическая реализация идеи ‘всеобъемлющего евразийского партнерства’, выдвинутой российским президентом Путиным, имеет большое стратегическое значение для восстановления мировой системы, для соглашения по евразийскому континенту, а также для интенсивного вхождения Китая в мировую экономику”¹³. Первый вице-президент Китайской академии меж-

¹³ 张晓兰, 构建“欧亚全面伙伴关系”的意义及措施, 2018年1月26日 [Zhang Xiaolan. *The Significance and Measures of Constructing “Eurasian Comprehensive Partnership”*]. 26.01.2018. URL: <http://www.sic.gov.cn/News/456/8816.htm> (accessed 06.04.2020).

дународных проблем МИД КНР Жуань Цзунцзе отмечал: “Выдвижение инициативы ‘Один пояс — один путь’ оказало значительное влияние на Россию, в России также обдумывают, как осуществлять сопряжение. В выдвинутых недавно Путиным предложениях по созданию партнерства в Большой Евразии есть некоторые совпадения с данной инициативой. По сути, они создают возможность сотрудничества Китая и России в евразийском материковом регионе, расширяют пространство китайско-российского сотрудничества”. По мнению эксперта, концепцию Большого Евразийского партнерства надо рассматривать как результат неизменного российского стремления улучшать стратегическую среду путем постоянного совершенствования своей общей стратегии, что в разное время выразилось в выдвижении таких проектов, как “Транспортный коридор Север — Юг” и ЕАЭС¹⁴.

И.о. директора Института ШОС той же академии Ли Цзыго, поясняя мотивы действий России, соглашается с доминирующим российским подходом. Он пишет, что еще с 60-х годов XX в. московским руководством вынашивалась идея создания “большой европейской семьи”. В этой связи в 2010 г. президент Д.А. Медведев выдвинул идею нового договора о европейской безопасности, а премьер В.В. Путин предложил новую европейскую экономическую систему “от Лиссабона до Владивостока”. Однако “Запад считал себя победителем в холодной войне, постоянно сжимая российское пространство” и пытаясь сделать ее полностью проигравшей стороной в геополитическом противостоянии. “В конце концов Россия осознала, что стать частью Запада невозможно” [Li 2017]. Это стало причиной для России обратиться к Евразии.

По словам ученого, “Большое Евразийское партнерство — это инициатива общерегионального экономического сотрудничества, выдвинутая Россией в новой ситуации и имеющая некоторый геополитический оттенок. Ее центральный элемент — продвижение строительства ЕАЭС, однако в качестве важного партнера рассматривается Китай, а важнейшего направления — сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Большое евразийское партнерство может в какой-то степени наложиться на ‘Один пояс — один путь’, но его идеи открытого, инклюзивного и согласованного развития совпадают с духом китайской инициативы. Поэтому две инициативы могут двигаться навстречу друг другу, обеспечивая развитие и стабильность в евразийском регионе в ходе перестройки международного политического и экономического порядка, стать рычагом формирования будущего мира” [ibidem].

Председатель Китайской ассоциации восточноевропейских, российских и центрально-азиатских исследований Ли Юнцюань, признавая определенную сложность процесса стыковки Большого Евразийского партнерства с китайской инициативой “Один пояс — один путь”, тем не менее считает, что увязывание стратегий развития России и Китая “имеет решающее значение” не только для построения Евразийского экономического партнерства, но и, в некотором смысле, для будущих перспектив этой организации”. Он уверен, что АСЕАН может стать частью новой структуры, а также что “в будущем согласование стратегий развития Китая и ЕАЭС под руководством России будет способствовать построению Евразийского экономического партнерства” [Li 2018: 97-98].

¹⁴ 习近平, 习近平与俄罗斯总统普京举行会谈 打造大欧亚伙伴关系, CCTV, 2016年六月27日 [Xi Jinping Held Talks with Russian President Vladimir Putin to Build a Greater Eurasian Partnership. — CCTV: 27.06.2016]. URL: http://news.ifeng.com/a/20160627/49247845_0.shtml (accessed 06.04.2020).

Чжао Хуашэн, наиболее авторитетный китайский специалист по России и Центральной Азии из Фуданьского университета в Шанхае, в статье, опубликованной в 2017 г., отзывался о российском проекте Большого Евразийского партнерства несколько более осторожно. По его мнению, не совсем ясно, станет ли реализация этого проекта долгосрочной стратегией или лишь переходным этапом в российской внешней политике. Эксперт также высказал сомнения относительно того, хватит ли у России ресурсов для реализации проекта. Однако, согласно Чжао Хуашэну, в целом курс на развитие сотрудничества в области экономики, дипломатии и безопасности в регионе Большой Евразии является рациональным и необходимым. “Сотрудничество в Большой Евразии совпадает с национальными интересами Китая, в особенности в связи с тем, что оно способствует реализации инициативы ‘Один пояс — один путь’. Китай должен совместно с Россией и другими государствами продвигать сотрудничество в Большой Евразии”, — заключает он [Zhao 2018: 84].

В другой статье эксперт указывал, что в рамках Большой Евразии Китай является участником и движущей силой, здесь перед ним не стоит вопроса политического выбора [Чжао 2019: 44]. Он дает следующую рекомендацию: “Китай и Россия должны перевести процесс сопряжения инициативы ‘Один пояс — один путь’ на этап практической реализации, серьезно подумать о начале переговоров о зоне свободной торговли между Китаем и ЕАЭС, практически продвинуть региональную экономическую интеграцию в рамках ШОС, реализовать на практике соответствующие соглашения проекты сотрудничества, совместно реагировать на проблемы региональной экономики и развития. В процессе создания Большой Евразии у Китая, России и Индии имеются важнейшие особые интересы. Китай должен еще более творчески использовать механизм РИК (Россия, Китай, Индия), расширять его содержательные рамки, смягчать китайско-индийские противоречия, укреплять доверие, наращивать взаимодействие между Китаем, Россией и Индией по региональным вопросам” [ibid.: 40].

Совершенно ясно, что в Китае как на государственном, так и на экспертном уровне, поддерживают выдвигаемые Россией планы интенсификации взаимодействия в Большой Евразии. Правительство КНР уже подключилось к реализации проекта Большого Евразийского партнерства и рассматривает различные варианты его реализации. Как явствует из двусторонних документов, этот проект вполне закономерно называть не российским, а российско-китайским.

ИНЫЕ ПАРТНЕРЫ В ЕВРАЗИИ

Отношение к евразийской интеграции в других странах региона также в целом довольно позитивно. В то же время еще не во всех из них по этому вопросу выработали официальную позицию. Казахстан с самого начала был одним из ее инициаторов, а Н.А. Назарбаев — большим поклонником этой идеи. Однако у казахстанского подхода есть и некоторые особенности: в Астане первостепенное внимание уделяют экономической составляющей евразийских проектов и выступают против их политизации.

Эта позиция сохранилась и после смены власти в стране: новый президент Казахстана К.К. Токаев в интервью “Российской газете” подчеркнул: “Мы считаем, что идея Большой Евразии — в широком понимании этого термина —

открывает горизонты для активизации экономических связей Азии и Европы, может стать и фундаментом формирования новой системы международных отношений на евразийском пространстве. Процессы, происходящие на нашем мегаконтиненте, на мой взгляд, формируют новые геополитические реалии...”¹⁵. Токаев, говоря о Центральной Азии, отметил: “Тесное взаимодействие стран региона, связанных узами стратегического партнерства с Россией, является серьезным фактором обеспечения мира, стабильности, безопасности в Евразии. Другими словами, достижение данной цели невозможно без России”. Он заключил, что “мы хотели бы видеть Большую Евразию единым евразийским пространством безопасности и процветания”¹⁶.

Киргизия как член ЕАЭС, так же, как и Казахстан, подключена к процессам создания Большой Евразии через механизм сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Таджикистан, являясь членом ШОС и активным партнером китайской инициативы ЭПШП, тоже не останется в стороне. Это же касается и других членов ШОС, ЕАЭС и партнеров ЭПШП. В Узбекистане, который в последнее время стал активно открываться для внешнего мира, также проявляют интерес к Большой Евразии [Denisov, Safranchuk 2016; Khaydarov, Mirkasymov 2019]. Хотя официальная позиция крупнейшего евразийского игрока — Индии — пока не сформулирована, многие индийские специалисты высказывают позитивное отношение к идее активного сотрудничества с Россией в Евразии. Не последнюю роль здесь играет мысль о необходимости сбалансировать растущее влияние Китая.

Так, Радж Кумар, как и его китайские коллеги, признает, что Большое Евразийское партнерство “означает разочарование России в ее усилиях по интеграции в Европу, что подтолкнуло Москву к повороту на Восток”. Он утверждает: “Поскольку экономические ресурсы Китая могут влиять на регион больше, чем ресурсы России, у нее есть широкие возможности для сотрудничества с Индией на региональном уровне, чтобы избежать слишком большой зависимости от Китая. Это также укрепит экономические связи между Индией и Россией, которые были слабыми с момента распада Советского Союза. Обе страны могут сотрудничать в таких регионах, как Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Афганистан, Дальний Восток России и Арктика, чтобы еще больше укрепить свои отношения в рамках инициативы Большого Евразийского партнерства. Ослабление России не пойдет на пользу Индии, поэтому Нью-Дели должен помочь инициативе своего стратегического партнера укрепиться в регионе в период, когда Индия открыто критикует китайский проект ‘Один пояс — один путь’”¹⁷. Нандан Унникришнан и Ума Пурушотаман даже предлагают, чтобы Индия присоединилась к ЕАЭС, поскольку это “даст доступ к ее товарам во все географическое пространство по единому тарифу. Присоединение к нему также позволило бы Индии использовать и вносить вклад во внутреннюю железнодорожную и автомобильную сеть, связывающую членов ЕАЭС” [Purushothaman, Unnikrishnan 2019].

¹⁵ Токаев К. Мы всегда будем вместе. — *Российская газета*. 02.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/02/nakanune-vizita-v-moskvu-novyy-prezident-kazahstana-otvetil-na-voprosy-rg.html> (accessed 04.06.2020).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Kumar S. Russia's Greater Eurasian Partnership is an opportunity for India. — *The Economic Times*. 06.10.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/russias-greater-eurasian-partnership-is-an-opportunity-for-india/> (accessed 06.04.2020).

ВЫВОДЫ

Возникновение и развитие сообщества Большой Евразии не является исключительно российским планом или стремлением. Это объективный процесс, базирующийся на основных мировых геополитических тенденциях. Его фундаментом является российско-китайское сближение, обусловленное ростом Китая, распадом СССР и укреплением новой России, а также активными попытками США и их союзников сдерживать развитие обоих государств в рамках установления западного господства в международной политике. Другие государства региона имеют свои собственные интересы, что побуждает их к более активному участию в создании новой евразийской системы, свободной от вмешательства сил извне.

В некоторой степени Большая Евразия заполняет вакуум, возникший после распада СССР, в результате чего в 1990-е годы в течение определенного времени возникла иллюзия однополярности. Тем не менее основные государства Евразии чувствуют себя некомфортно в однополярном мире, ощущая себя незащищенными от постоянно растущих требований США и их союзников. Спрос на многополярный мир вырос, а затем принял реальные черты. Большая Евразия стала частью этого многополярного мира. Ее фундамент — начавшееся во второй половине 90-х годов XX в. сближение России и Китая, базирующееся на внутренних процессах в обеих странах, на которое в значительной степени повлияли враждебная политика Запада и изменения в мировой системе.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04

RUSSIA AND CHINA IN GREATER EURASIA

A.V. Lukin¹

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

LUKIN, Aleksandr Vladimirovich, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head, International Laboratory for World Order Research and New Regionalism, National Research University Higher School of Economics, email: avlukin@hse.ru

Lukin A.V. Russia and China in Greater Eurasia. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 46-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.04>

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-014-00038 “Security Architecture in Greater Eurasia: State, Prospects and Opportunities for Russia”.

Received: 05.05.2020. Accepted: 23.06.2020

Abstract. China and Russia are the main driving forces of Eurasian integration. Russia pursues its “pivot to Asia” while China by its Belt and Road Initiative (BRI) is moving to the West. The interests of Russia and China met in Eurasia and their friendly relations led to several projects of cooperation there. The most important of these are the process of linkage between Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt Initiative and the plan to create a broader Eurasian Economic Partnership or Greater Eurasia. The Eurasian orientation was a result of a long and painful process of intellectual evolution of the Russian elite caused by realization that the West will never accept Russia as an equal and independent partner. No Moscow leader after Mikhail Gorbachev was originally anti-Western. Gorbachev, Yeltsin and Putin all tried a Western oriented policy first and at a later stage became disillusioned in it. This article studies the reasons which led the two countries to intensify their cooperation in Eurasia, its current state and prospects for the future.

Keywords: Greater Eurasia, Russia, China, Central Asia, Eurasian Integration, One Belt One Road Initiative.

References

Denisov I., Kazantsev A., Lukyanov F., Safranchuk I. 2019. Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition. — *Strategic Analysis*. Vol. 43. No. 6. P. 487-498. <https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1669888>

- Denisov I., Safranchuk I. 2016. Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement. — *Russian Politics and Law*. Vol. 54. P. 5-6, 494-515. <https://doi.org/10.1080/10611940.2016.1296304>
- Khaydarov A., Mirkasymov S. 2019. Uzbek Perspectives on Eurasia. — *India Quarterly*. Vol. 75. No. 1. P. 94-99. <https://doi.org/10.1177/0974928418821469>
- Li Y. 2018. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? — *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 94-99. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004>
- Li Z. 2017. The Greater Eurasian Partnership: Remodeling the Eurasian Order? — *China International Studies*. March 20. P. 46-65.
- Lukin A. 2018. *China and Russia: The New Rapprochement*. Polity: Cambridge.
- Lukin A., Torkunov A. 2020. Trump's Policies and the Sino-Russian Entente. — *Survival: Global Politics and Strategy*. Vol. 62. No. 2. P. 27-36. <https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1739946>
- Mackinder H. 1904. The Geographical Pivot of History. — *The Geographical Journal*. Vol. 23. No. 4. P. 421-437. <https://doi.org/10.2307/1775498>
- Purushothaman U., Unnikrishnan N. 2019. A Tale of Many Roads: India's Approach to Connectivity Projects in Eurasia. — *India Quarterly*. Vol. 75. No. 1. P. 69-86. <https://doi.org/10.1177/0974928418821488>
- Spykman N. 1942. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York, Harcourt: Brace and Company.
- Zhao H. 2018. Greater Eurasian Partnership: China's Perspective. — *China International Studies*. No. 68. P. 68-84.
- Brzezinski Z. 2016. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. (Russ. ed.: Brzezinski Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: gosподство Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy*. Moscow: AST. 702 p.)
- Frolov A. 2016. "Centers of Power" and Multipolarity: a Look through Time. — *The International Affairs*. No. 11. P. 106-121. (In Russ.)
- Karaganov S. 2018. We Have Exhausted the European Pantry. — *Russia in Global Affairs*. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/my-ischerpali-evropejskuyu-kladovuyu/> (accessed 06.04.2020).
- Kissinger H. 2018. Diplomacy. (Russ. ed.: Kissinger H. *Diplomatiya*. Moscow: Ladimir).
- Surkov V. 2018. Loneliness of the Half-Blood. — *Russia in Global Affairs*. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14/> (accessed 06.04.2020)
- Trenin D. 2015. *От Bol'shoi Evropy k Bol'shoi Azii? Kitaisko-rossiiskaya Antanta* [From Greater Europe to Greater Asia? Sino-Russian Entente]. Moscow: Moscow Carnegie Center.
- Zhao Huasheng. 2019. Indo-Pacific Strategy and Greater Eurasia: Understanding and Response. — *Guojiwenti yanjiu*. No. 2. P. 27-46. (In Chinese).

Литература на русском языке

- Бжезинский З. 2016. *Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы*. Москва: Издательство АСТ. 702 с.
- Караганов С. 2018. Мы исчерпали европейскую кладовую. — *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/my-ischerpali-evropejskuyu-kladovuyu/> (accessed 06.04.2020).
- Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. М.: Ладомир. 848 с.
- Сурков В. 2018. Одиночество полукровки. — *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14/> (accessed 06.04.2020).
- Тренин Д. 2015. *От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта*. М.: Московский Центр Карнеги.
- Фролов А. 2016. "Центры силы" и многополярность: взгляд сквозь время. — *Международная жизнь*. № 11. С. 106-121.

Литература на китайском языке

- 赵华胜 · 印台战略与大欧亚：分析与应对 · 国际问题研究 · 2, 2019年, 27-46. [Чжао Хуашэн 2019. Иньтай чжаньлюэ юй Даоуя: фэньси юй индуй. — *Гоцзи вэньти яньцзю* (Инд-тихоокеанская стратегия и Большая Евразия: анализ и ответ. — *Международные исследования*. № 2. С. 27-46)].

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В АТР

Е.Я. Арапова, Н.И. Хохлова

АРАПОВА Екатерина Яковлевна, кандидат экономических наук, директор центра экспертизы санкционной политики, ведущий научный сотрудник, начальник отдела, МГИМО МИД России, Москва, email: arapova_katrin@mail.ru; ХОХЛОВА Наталья Ивановна, кандидат исторических наук, начальник отдела, МГИМО МИД России, Москва, email: nataliamgimo@inbox.ru

Арапова Е.Я., Хохлова Н.И. Модели регионализации в АТР. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 60–74. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.05>

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-06.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2020. Принята к публикации: 22.06.2020

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей процессов регионализации в АТР в рамках теории формирования в регионе мегапартнерств. Регион становится полем конкуренции двух супердержав — США и Китая — за глобальное и региональное лидерство, и это обуславливает сложность и многоуровневость региональных процессов, формирование сразу нескольких моделей регионализации, которые идут параллельно друг другу. Цель статьи состоит в том, чтобы сопоставить подходы США и Китая к формированию в АТР региональных мегапартнерств и выявить особенности каждого подхода, а также обозначить позицию АСЕАН. Авторы приходят к выводу, что в основе американского подхода к формированию мегапартнерств лежат более жесткие формы институционализации, их противопоставление существующей системе глобального торгового регулирования во главе с ВТО и принцип закрытости, тогда как китайский подход заключается в сочетании формальной интеграции с гибкими формами сотрудничества по отдельным направлениям, опоре на принципы ВТО, открытости к вовлечению новых членов. Конкуренция двух супердержав ведет к усложнению и фрагментации процессов и тенденций регионализации в АТР и стимулирует региональных игроков к поиску новых форм стратегического взаимодействия.

Ключевые слова: глобализация, Азиатско-Тихоокеанский регион, региональная интеграция, АТЭС, открытый регионализм, АСЕАН, Китай, Транстихоокеанское партнерство, США, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (РВЭП).

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в один из наиболее динамично развивающихся регионов мира, чему в немалой степени способствовали глобализационные процессы и твердое стремление большей части стран региона к усилению регионального и трансрегионального взаимодействия, направленного на повышение устойчивости, некоторой самодостаточности и коллективного реагирования на региональные и глобальные вызовы. Углубление глобализационных процессов, распространение интеграционных практик и тренд демократизации мира — три ключевых мегатренда современности — обусловили совокупность условий для расширения трансрегионального сотрудничества [Лебедева, Кузнецов 2019].

Современные процессы регионализации в АТР в значительной степени развиваются в условиях сращивания понятий “региональная экономическая

интеграция” и “региональное сотрудничество” в рамках новой теории интеграции, позволяющей рассматривать в качестве интеграционных процессов не только формально созданные объединения, предполагающие сближение национальных экономических систем по уровню развития рынков и характеру регулирования, но и реальные процессы сближения по отдельным направлениям [Арапова 2016]. АТР является ярким примером отхода от классической теории экономической интеграции Б. Балаши, усложнения процессов и тенденций регионализации, их фрагментации и одновременно формирования новых механизмов, основанных на сочетании элементов различных стадий интеграции в рамках классической интеграции и направлений сотрудничества.

Под влиянием новых тенденций и стирания границ между формальной интеграцией, разнотемпным и разнонаправленным сотрудничеством и реальным сращиванием рынков сформировалось понятие “мегапартнерство” [Хейфец 2019], предполагающее различное содержание, интенсивность и формы институционализации.

При этом характер партнерства в значительной степени зависит от того, кто выступает его движущей силой, предопределяющей содержание многосторонней повестки. Регион объединяет два противоборствующих государства — Китай и США, а также Японию и Индию, стремящихся оказывать влияние на региональную архитектуру, что предопределяет сложность и противоречивость тенденций трансрегиональной институционализации.

Возникают два вопроса: каковы основные подходы к формированию в АТР региональных и трансрегиональных мегапартнерств, используемые ключевыми региональными игроками, в первую очередь Китаем и США? Как следует интерпретировать многоуровневую и разнотемпную модель трансрегионализации: в качестве наглядной демонстрации развития “деглобализации” и общей фрагментации АТР или как следствие возрастающей значимости интеграции и ее все более активного использования ключевыми региональными игроками в качестве инструментов укрепления собственного влияния?

61

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ МЕГАПАРТНЕРСТВ

Российские исследователи различают несколько типов современных экономических мегапартнерств. В частности, Б. Хейфец выделяет так называемый американо-европейский, азиатский и “гибридный” типы мегапартнерств. К первому типу применительно к АТР он относит Транстихоокеанское партнерство (ТТП), характеризуя его как тип либерального торгово-инвестиционного соглашения по модели “ВТО плюс”, предполагающего принятие на себя каждым участником партнерства обязательств по условиям торговли и другим сферам экономического взаимодействия сверх обязательств, вытекающих из членства в ВТО [Хейфец 2019]. К азиатскому типу можно отнести Региональное всестороннее экономическое партнерство (РВЭП), локомотивами которого выступают АСЕАН и Китай, а содержание в большей степени отвечает приоритетам китайской внешнеэкономической политики и является его альтернативным ответом на ТТП. “Гибридный” же тип распространяется на Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и Морской Шелковый путь (МШП) XXI в., являющиеся наиболее гибкими современными мегапартнерствами, которые предполагают “последовательную реализацию конкретных

региональных и континентальных проектов ‘снизу’ с максимально гибкими форматами подключения потенциальных участников”¹.

Новая реальность обуславливает и трансформацию подходов к определению географических рамок региона.

На сегодняшний день существуют два основных подхода к очерчиванию географических границ Азиатско-Тихоокеанского региона. Согласно узкому определению, к АТР следует относить все страны, омываемые Тихим океаном, т.е. государства Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки, а также Австралию и Океанию. Согласно широкой трактовке, к данному региону следует относить не только так называемую Тихоокеанскую Азию, но и страны, экономически и политически связанные с происходящими в регионе процессами (например, Индию с ее колоссальным экономическим потенциалом).

Во многом расширение географических рамок связано с формированием в геополитическом и экономическом дискурсе понятия “Индо-Тихоокеанский регион” [Kai 2018]. Впервые эта концепция была предложена еще Карлом Хаусхофером в 1920-е годы в работе “Индо-Тихоокеанское пространство”, что впоследствии подтолкнуло многих ученых к изучению геоэкономических взаимосвязей между Индийским и Тихим океаном². Начиная с 2000-х годов, аналитики начали обращать внимание на наличие связи между Индийским и Тихим океанами с точки зрения аспекта безопасности. Впервые об этом было сказано в статье Г. Курана “Безопасность морских границ: перспективы сотрудничества Индии и Японии”. По мнению автора, понятие “Индо-Тихоокеанский регион” относится к морской территории, простирающейся от побережья Восточной Африки и Западной Азии через Индийский океан до тихоокеанского побережья Восточной Азии [Khurana 2007]. Впоследствии подобное определение региона не раз встречалось в выступлениях действующих политиков региональных держав, а затем и в официальных документах. Так, в 2006–2007 гг. идею о появлении “большой Азии” активно пропагандировал премьер-министр Японии Синдзо Абэ³.

Новое понятие закрепилось и в концептуальных документах США: опубликованные в 2017–2018 гг. “Стратегия национальной безопасности” и “Стратегия национальной обороны” говорят о построении “свободного и открытого ИТР” как о приоритетной цели американской внешней политики⁴. Администрация Дональда Трампа взяла на вооружение понятие “Индо-Тихоокеанский регион”, используя его в качестве основы своей внешнеполитической стратегии в регионе, направленной на военно-политическое сдерживание Китая путем укрепления двусторонних и многосторонних отношений со странами АТР. “Ядром” этой

¹ Иванов И. “Один пояс — один путь” ведет к новому мировому порядку. — *РСМД*. 05.07.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-vedet-k-novomu-mirovomu-poryadku/> (accessed 14.07.2020).

² Sempa F.P. Karl Haushofer and the Rise of the Monsoon Countries. — *The Diplomat*. 10.03.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/03/karl-haushofer-and-the-rise-of-the-monsoon-countries/> (accessed 14.07.2020).

³ *Confluence of the Two Seas*. 22.08.2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed 14.07.2020).

⁴ Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? — *Московский центр Карнеги*. 22.03.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75706> (accessed 14.07.2020).

стратегии является формирование так называемого *Quad* (четырёхугольника)⁵, объединяющего четыре наиболее развитые “демократии региона — США, Японию, Индию и Австралию” [Lunev, Shavlay 2018], разделяющие либеральные ценности, поскольку, по замыслу американских стратегов, “свободный и открытый ИТР” должен базироваться на идее свободы судоходства вдоль морских торговых путей, связывающих Европу с Восточной Азией. Таким образом, концепция Индо-Тихоокеанского региона является прикладным отражением трансформации АТР, происходящей в результате включения государств Индийского океана в орбиту экономических процессов в Восточной Азии, пролегания транспортно-логистических путей из Европы в Восточную Азию через Индийский океан, а также превращения Тихоокеанской Азии и Индийского океана в арену геополитической борьбы между США и Китаем [Стрельцов 2018]. При этом военно-стратегическая кооперация нескольких держав, ставящая своей главной целью экономическое и политическое сдерживание Китая и фактически составляющая основу концепции ИТР, бросает вызов сложившейся системе региональных интеграционных связей, а концептуализация и стратегическое оформление ИТР обостряют поляризацию отношений в расширенном АТР, усиливают его фрагментацию и предопределяют стратегические изменения регионального интеграционного ландшафта.

В то же время настоящее исследование исходит из традиционного более узкого понимания Азиатско-Тихоокеанского региона, оставляя ИТР за рамками рассмотрения. В значительной степени ориентируясь на концепцию мегапартнерств Б. Хейфеца, мы, однако, попытались не столько предложить классификацию трансрегиональных партнерств в АТР, сколько выявить концептуальные различия в принципах и подходах к формированию трансрегиональной институционализации, используемых США, с одной стороны, и Китаем и странами АСЕАН — с другой. Мы склонны рассматривать тенденции регионализации с вовлечением более широкого круга участников, включая Индию.

63

РАЗВИТИЕ АСЕАНОЦЕНТРИЧНОЙ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Бурный экономический рост и интенсивное региональное экономическое сотрудничество в АТР были достигнуты не столько за счет деятельности региональных институтов, сколько благодаря стремлению стран региона, используя опыт АСЕАН и “асеаноцентричных” структур, обеспечить мирное экономическое взаимодействие между разными по своему политико-экономическому потенциалу государствами без формирования наднациональных структур [Колдунова 2014]. Именно опыт АСЕАН до сих пор составляет основу экономической либерализации в регионе, где практически все страны подписали хотя бы одно соглашение о зоне свободной торговли [Костюнина 2014: 244]. Этот факт наглядно демонстрирует одну из важнейших специфик интеграционных процессов в АТР — ее асинхронность и многоуровневость, проявляющуюся с различной степенью глубины и интенсивности на разных уровнях [Байков 2012: 231]. При этом уровень субрегиональной интеграции значительно выше многостороннего экономического сотрудничества в макрорегиональном масштабе. Во многом это объясняется давней историей субрегиональной интеграции в рамках АСЕАН, гомогенностью экономик стран Юго-Восточной

⁵ Кортунов А. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? — *РМД*. 28.05.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/> (accessed 14.07.2020).

Азии, а также неспособностью стран добиться формирования общей зоны свободной торговли в рамках АТЭС из-за конкуренции США и Китая.

Экономическое сотрудничество на основе консенсуса и суверенного равенства стало главным принципом в развитии АСЕАН [Keling et al. 2011]. Одновременно успеху интеграции в значительной степени способствовала довольно высокая гомогенность политических систем — доминирование “мягкого авторитаризма” в большинстве стран на момент создания АСЕАН [Байков 2012: 231].

Появившись в 1967 г. на базе “пятерки” стран (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины), позиционировавших себя как антикоммунистический и “антикитайский” блок [Малетин 2007: 23], Ассоциация пережила лишь одну “волну” расширения, когда в 1980-1990-х годах помимо Брунея в нее вступили бывшие коммунистические страны — Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма, после чего АСЕАН развивала сотрудничество с не входящими в нее государствами через механизмы диалогового партнерства и путем развития асеаноцентричных структур.

Являясь воплощением так называемого функционального расширения, механизм диалогового партнерства позволяет АСЕАН привлекать к сотрудничеству наиболее значимые для государств Юго-Восточной Азии региональные и внерегиональные страны без необходимости расширения Ассоциации. На данный момент полноценными диалоговыми партнерами АСЕАН являются Австралия, Индия, Канада, КНР, Новая Зеландия, Россия, США, Республика Корея, Япония и ЕС, в то время как Норвегия, Турция, Пакистан и Швейцария имеют статус “секторальных” диалоговых партнеров, а ФРГ — “партнера по развитию”. В рамках традиционного подхода к интеграционной институционализации функционируют пять объединений формата АСЕАН+1.

Более того, диалоговое партнерство стало базисом для более сложных механизмов сотрудничества. Например, в 1999 г. лидеры АСЕАН, Китая, Республики Корея и Японии договорились о создании формата АСЕАН+3, главным достижением которого стало выдвижение так называемой Чиангмайской инициативы, предполагавшей создание системы валютно-финансовой поддержки государств региона (на базе своп-соглашений, а затем путем создания резервного фонда валют), а в 2005 г. страны Ассоциации и шесть ключевых диалоговых партнеров (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония) начали практику проведения Восточноазиатских саммитов (ВАС), окончательно сформировавшуюся в 2010 г. после присоединения России и США. Протокольная особенность ВАС заключается в том, что встречи на высшем уровне проходят ежегодно в привязке к саммитам АСЕАН.

В последние десятилетия АСЕАН развивалась не только сквозь призму внешних связей, обеспечивая вовлечение в экономическое сотрудничество с Юго-Восточной Азией других региональных и внерегиональных государств, но и с точки зрения внутреннего интеграционного развития. Так, новым этапом развития Ассоциации стало принятие решения в 1992 г. о создании к 2003 г. зоны свободной торговли АФТА (*ASEAN Free Trade Area*). Достигнув этой цели к установленной дате, главы государств АСЕАН на саммите в Бали выдвинули новую амбициозную инициативу — создание к 2020 г. Сообщества АСЕАН, предполагавшее реализацию трех стратегических целей: создание Экономического сообщества, Сообщества безопасности и Социально-культурного сообщества. Конечной целью Экономического сообщества АСЕАН являлось построение единого рынка.

Экономическое сообщество АСЕАН, сформированное в конце 2015 г. — на пять лет раньше изначально запланированного срока, — позволило добиться целого ряда практических результатов: почти полное обнуление тарифов во внутрирегиональной торговле, унификация стандартов, строительство сети автодорог АСЕАН, ревитализация проектов трансрегионального газопровода и Единой энергосистемы АСЕАН [АСЕАН... 2019]. Принятая впоследствии программа Экономического сообщества АСЕАН-2025 была сконцентрирована на внутренней либерализации и устранении барьеров во внутрирегиональной торговле товарами и услугами, а также улучшении инвестиционного климата и интеграции финансового сектора⁶. Кроме того, достижения в рамках построения Экономического сообщества АСЕАН позволили приступить к реализации не менее грандиозного проекта — созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

Важный урок азиатским странам преподал Азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг., который начался в Таиланде, а затем быстро распространился на соседние экономики. Кризис повлек за собой девальвацию национальных валют от 45% до 80% и стремительный отток капитала (в размере более 100 млрд долл. для группы наиболее пострадавших стран в течение первого года) [Колосюк 2003]. Азиатский финансовый кризис дал сильный импульс становлению закрытой модели восточно-азиатского регионализма [Севастьянов 2009], по окончании кризиса страны АТР осознали необходимость не только наращивания регионального сотрудничества в целях поддержания экономического роста и стабильности, но и создания собственных вспомогательных механизмов для экономического регулирования.

Наконец, важнейшим следствием экономического кризиса стало оформление концепции азиатизации Азии, предполагающее сближение стран АСЕАН с Китаем, Японией и Республикой Корея, фактическое формирование блока АСЕАН+3 и укрепление финансового вектора регионального взаимодействия. Интеграционные тенденции в формате 13 государств фактически предопределили трансформацию региональной интеграционной архитектуры в АТР. Опасения Японии относительно возможного доминирования Китая в формате АСЕАН+3 простимулировали, с одной стороны, оформление идеи формирования блока АСЕАН+6 и Всестороннего регионального экономического партнерства, с другой — формирование сети двусторонних соглашений о свободной торговле внутри Азиатского региона. Параллельно начала формироваться устойчивая сеть многосторонних соглашений о свободной торговле в формате АСЕАН+1 с партнерами как внутри Азиатского региона (Китаем, Японией и Индией), так и с Австралией и Новой Зеландией, а также Индией.

Институциональным воплощением многоуровневого характера процессов регионализации в АТР стала идея подписания соглашения об общерегиональной зоне свободной торговли на базе созданного еще в конце 1980-х годов Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

КИТАЙСКИЙ ПОДХОД

Китайский подход сводится к постепенному переходу от формальной интеграции к более гибким механизмам взаимодействия в качестве инструментов продвижения собственных внешнеполитических и внешнеэкономических

⁶ ASEAN Economic Community Blueprint 2025. 31.12.2015. URL: https://www.asean.org/storage/2016/03/AECBP_2025r_FINAL.pdf (accessed 12.07.2019).

интересов. На фоне параллельного продвижения нескольких трансрегиональных мегапроектов — Всестороннего регионального экономического партнерства, Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли и инициативы многостороннего партнерства “Один пояс — один путь” — наиболее важен во внешнеполитическом дискурсе Пекина последний. При сохранении значимости двусторонних соглашений о свободной торговле важность классических соглашений об экономической интеграции в многостороннем формате постепенно снижается: создание Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли рассматривается как отдаленная перспектива, будущее Регионального всестороннего экономического партнерства тоже весьма туманно, особенно после выхода Индии в конце 2019 г.

В 1994 г. на саммите в Богоре лидерами АТЭС был принят один из основополагающих документов организации — Богорская декларация, в которой была сформулирована главная цель участников сообщества — формирование к 2010 г. зоны свободной торговли для развитых экономик, а к 2020 г. — для развивающихся. Кроме того, АТЭС взяла на себя инициативу по развитию системы многосторонней торговли, либерализации торговли и инвестиционных потоков в АТР, а также сотрудничеству в целях всеобъемлющего экономического развития АТР⁷.

Руководители стран региона неоднократно предпринимали попытки достичь поставленных в 1994 г. целей. Так, официально о создании ЗСТ было сказано в 2006 г. на встрече лидеров АТЭС в Ханое. Заявление в основном опиралось на рекомендации Делового консультативного совета (ДКС) при организации, опубликованные в 2004 г. В частности, речь шла о введении стандартов контроля, либерализации инвестиционной политики, развитии региональных рынков ценных бумаг и выполнении программ по наращиванию экономического потенциала. Для этих целей финансовые эксперты ДКС разработали перечень мер, необходимых для либерализации финансовых услуг, а также список препятствующих либерализации элементов. Однако существенных результатов на данном направлении достичь не удавалось: с каждым годом появлялись новые вопросы, препятствующие, по мнению лидеров АТЭС, созданию зоны свободной торговли.

В 2010 г. лидеры стран-участниц форума АТЭС предложили дальнейший план действий, назвав его “Пути к созданию АТЗСТ”. Учитывая, что благодаря предыдущей работе многие вопросы уже были урегулированы, лидеры согласились предпринимать конкретные шаги на пути к оформлению ЗСТ. Так, согласно их заявлению, АТЗСТ должна представлять собой всеобъемлющую зону свободной торговли, сформировать которую необходимо “на основе таких существующих региональных форматов, как АСЕАН+3, АСЕАН+6 и ТТП”⁸. В дальнейшем на форумах АТЭС не раз говорилось о необходимости перехода от слов к делу, однако конкретных результатов достичь так и не удалось.

До недавнего времени именно Китай был одним из самых активных сторонников создания АТЗСТ. Политические цели сотрудничества в рамках АТЭС для Китая: закрепление за собой статуса экономического лидера стран АТЭС, обладающего потенциалом для сплочения вокруг себя азиатских экономик,

⁷ APEC Economic Leaders' Declaration of Common Resolve. Bogor, Indonesia. 1994.

⁸ Pathways to FTAAP, Yokohama, Japan. 14.11.2010. URL: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2010/2010_aelm/pathways-to-ftaap (accessed 14.07.2020).

являющихся его членами, а также снижение геополитического влияния США в регионе. Благодаря инициативности Китая (проведение саммита АТЭС в Пекине в 2014 г., написание Коллективного стратегического исследования АТЭС и многих других) на саммите АТЭС в Лиме в 2016 г. была принята Декларация об Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли⁹.

Тем не менее вплоть до сегодняшнего дня участвующим экономикам АТЭС так и не удалось создать общерегиональную зону свободной торговли. Значительные различия в уровне экономического развития и характере государственного регулирования экономических систем стран региона значительно снижают вероятность формирования в регионе полноценной зоны свободной торговли в кратко- и среднесрочной перспективе [Arapova 2015].

Процесс по образованию РВЭП был запущен на Восточноазиатском саммите в ноябре 2012 г. в столице Камбоджи Пномпень. Цель Партнерства заключается в том, чтобы объединить страны—члены АСЕАН и их партнеров по диалогу, имеющих с Ассоциацией соглашения о ЗСТ — Австралию, Индию, Китай, Новую Зеландию, Республику Корея и Японию. Закрепляя за АСЕАН роль хаба экономической интеграции АТР, РВЭП как экономическая инициатива обладает целым рядом уникальных особенностей: отказ от жесткого регулирования аспектов взаимодействия, выходящих за рамки обязательств по ВТО, учет разного уровня развития экономик государств партнерства, необходимость укрепления региональной взаимозависимости и встраивания в глобальные инвестиционные, торгово-экономические и технологические цепочки путем развития инфраструктурных проектов в государствах партнерства.

Фактически РВЭП стало воплощением двух идей: “инклюзивности” и “центральной роли АСЕАН”. Так, государства—члены РВЭП разработали “облегченную” процедуру вступления, предполагающую, что любая страна, имеющая зону свободной торговли с АСЕАН, могла войти в структуру. Подобная схема позволяет учитывать интересы малых экономик АСЕАН [Wignaraja 2014]. Наконец, создатели РВЭП исходили из необходимости построения модели интеграции, которая бы отвечала идее “открытого регионализма” с возможностью поэтапного присоединения к проекту в противовес радикальной либерализации в рамках ТТП в формате “ВТО++”.

Сотрудничество в рамках РВЭП весьма перспективно для Китая, так как, во-первых, отвечает его внешнеполитическим и внешнеэкономическим интересам в сфере региональной интеграции, укрепления своих позиций и ослабления позиций США, а во-вторых, позволяет придать дополнительный стимул осуществлению других проектов, таких как Экономический пояс Шелкового пути, Морской Шелковый путь, Экономический коридор Китай — Индия — Мьянма — Бангладеш.

В 2013 г. глава КНР Си Цзиньпин впервые представил общественности идею проекта “Один пояс — один путь” и заявил о необходимости “нового” Шелкового пути для развития сухопутного сообщения внутри азиатского региона. Чуть позже была представлена вторая “морская” часть пути, которая была призвана связать весь АТР с Африкой и Европой [Yilmaz, Changming 2018]. Спустя два года началась реализация программы: от приобретения портов в Европе и строительства новых линий железных дорог в Восточной Европе

⁹ *Leaders Declaration. Annex A. Lima Declaration on FTAAP*. 20.11.2016. URL: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2016/2016_aelm/2016_Annex%20A.aspx (accessed 14.07.2020).

до проведения газовых труб и возведения атомных электростанций. Ключевое преимущество проекта заключается в его гибкости и адаптивности. По предварительным подсчетам, инициатива Пекина затронет более 60 стран мира и является наиболее масштабной и амбициозной, затмевающей и РВЭП, и тем более АТЗСТ.

Ввиду того, что грандиозный проект Китая включает также морской компонент пути [Wuthnow 2017], его следствием может стать перестройка всего сектора морских перевозок. Морской путь должен соединить берег Китая с Европой через Южно-Китайское море и Индийский океан, что предполагает построение интегрированной сети портов. На сегодняшний день с учетом возможных объемов продаж морская часть проекта кажется более привлекательной, нежели сухопутная, ввиду вовлеченности большего количества стран. Маршрут затрагивает и быстро развивающиеся экономики АСЕАН.

За последнее время ведущие политики Китая и других стран, развивающие проект “Один пояс — один путь”, запустили несколько стратегических инициатив, касающихся сферы морского судоходства. Так, Китай заинтересован в контроле над теми портами, которые в будущем войдут в интегрированную сеть проекта. Недавно китайская судоходная компания *COSCO* приобрела 67% акций греческого порта г. Пирей. В Пакистане китайскими инвесторами был построен глубоководный морской порт. Наконец, Австралии также выгоден проект морского пути: для возведения инфраструктуры региону необходимо большое количество сырья, одним из главных поставщиков которого и является Австралия.

Среди стран АСЕАН также разрабатываются инфраструктурные проекты, которые обеспечат большую эффективность китайской инициативы. Так, в Индонезии разработан план по ускоренному развитию экономики региона, в частности в сферах транспорта, телекоммуникации и энергетики. Джакарта признает преимущества международной торговли и поставила целью добиться максимальной открытости экономики через строительство дорог, портов и аэропортов. Малайзийские власти, запустившие еще в 2010 г. программу экономической трансформации, концентрируют свое внимание на торговле с Китаем [Roos 2018], а проект нового Шелкового пути станет дополнительным источником развития государства. Важным партнером Китая является и Мьянма, учитывая намерения Пекина провести путь в Индийский океан через Юньнань, провинцию, граничащую с Мьянмой. Уже запущено строительство глубоководного морского порта на берегу Бенгальского залива. Вьетнам разработал программу улучшения инфраструктуры портов и аэропортов. Наконец, Таиланд также занимает стратегически важную позицию в проекте Китая: по его завершении страна будет связана с Китаем и по сухопутной части пути через железную дорогу, и по морской — через порт Лаем Чабанг.

Несмотря на то, что китайское руководство и экспертное сообщество намеренно избегают политических определений инициативы “Один пояс — один путь”, наличие в ней не только экономического, но и геополитического содержания совершенно очевидно. Китай стремится стать второй глобальной державой, наращивая свое политическое влияние за счет увеличения зависимости экономик стран, включенных в данную инициативу, от его собственной. Кроме того, реализация этого проекта открывает перед КНР перспективы создания альтернативных существующим институтам глобального управления, подобных формату G20, но в китайской версии. Прообразом такого института является Форум глав государств, входящих в проект “Один пояс — один путь”, обеспечивающий в перспективе благоприятный для Китая

внешнеполитический фон. Первый из них, прошедший в мае 2017 г. в Пекине, посетили 29 глав иностранных государств, а также ряд руководителей международных организаций, включая Генерального секретаря ООН.

Анализ сделок, заключенных в рамках реализации проекта “Экономический пояс Шелкового пути” показывает, что строительство инфраструктурных объектов для Пекина единственный приоритетный, так как Китай инвестирует существенные средства и в такие сферы, как энергетика, сырье, сфера услуг, телекоммуникации и др.

РЕАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПОДХОДА

Ключевым проектом регионализации в АТР, продвигаемым Соединенными Штатами, стало Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Подготовка к его созданию началась в 2008 г. [Novikov, Shumkova 2018], когда США предложили запустить переговоры по новому масштабному соглашению о зоне свободной торговли своим региональным партнерам — Австралии, Брунею, Вьетнаму, Новой Зеландии, Сингапуру, Перу и Чили. Впоследствии к переговорному процессу присоединились другие страны региона — Малайзия (2010), Канада (2012), Мексика (2012), Япония (2013). Финальные раунды переговоров были назначены на конец 2015 г. В феврале 2016 г. состоялась встреча министров стран—членов ТТП, по результатам которой было заключено соглашение о партнерстве. По предварительным подсчетам, рынок ТТП охватывает практически 805,4 млн человек, а ВВП составляет 28,04 трлн долл. Наряду с традиционными вопросами, затрагиваемыми в соглашениях о преференциальной торговле обычного типа, ТТП охватывает принципиально новые задачи: всеобъемлющий доступ к рынкам, региональный подход к обязательствам, инклюзивную торговлю, платформу для региональной интеграции. При этом, что важно, в 2015 г. на момент подписания Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве президент США Б. Обама официально заявил, что соглашение устанавливает “новые стандарты глобальной торговли, раскрывая вопросы нового поколения”, противопоставляя новое соглашение существующей системе мировой торговли¹⁰.

ТТП включало в себя восточных членов АТЭС — США, их партнеров по USMCA Канаду и Мексику, страны Латинской Америки — Чили и Перу, а также членов РВЭП — Австралию, Японию, Бруней, Малайзию, Сингапур и Вьетнам. Однако в состав нового объединения не входят Китай, Индонезия, Индия и многие страны—члены АСЕАН [Park 2017]. Несмотря на формально декларируемую открытость регионального формата, его ключевая особенность состоит в том, что беспрецедентные требования по либерализации рынков опираются исключительно на нормы американской законодательной системы, главным образом в отношении защиты прав интеллектуальной собственности, экологических стандартов и охраны окружающей среды, механизмов разрешения споров и прочее.

В ближайшее время Китай и Индия не планируют добиваться вступления в ТТП, ввиду чего Пекин и Нью-Дели намерены продолжать развитие РВЭП как платформы для интеграции всего Азиатско-Тихоокеанского региона. С определенной дилеммой столкнутся и оставшиеся вне ТТП страны АСЕАН, которым придется либо добиваться вступления в ТТП, либо ограничиться участием в РВЭП. Таким образом, уже сейчас можно констатировать, что

¹⁰ Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement. 2015. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2015/october/summary-trans-pacific-partnership> (accessed 15.07.2020).

РВЭП и ТТП становятся двумя конкурирующими интеграционными проектами в АТР [Wilson 2014].

Многие эксперты полагают, что ТТП является соглашением более “высокого качества” ввиду того, что оно затрагивает такие принципиально новые вопросы, как защита прав интеллектуальной собственности, либерализация потоков информации и новые условия урегулирования споров. Некоторые из этих аспектов помогут экономикам открыться и придадут импульс для эффективного развития¹¹. Однако новые возможности сопряжены и со значительными рисками: предусмотренные соглашением правила защиты прав интеллектуальной собственности и механизм разрешения споров между инвестором и государством (*ISDS*), предоставляющий иностранному инвестору право инициировать разбирательство с участием принимающей страны в специальном арбитраже *ad hoc*, минуя национальные суды, фактически закрепляют верховенство американской системы права.

В январе 2017 г. президент США Д. Трамп принял решение выйти из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, заявив о своем намерении положить конец многосторонним торговым соглашениям. Трамп дал явный сигнал о том, что планирует и дальше следовать своим обещаниям и принимать более агрессивную позицию по отношению к иностранным конкурентам. Тем самым он продемонстрировал, что США не собираются играть по старым правилам, а должны сами прописать новые правила международной торговли [Noland 2018].

Как ни парадоксально, даже после смены администрации, выхода из ТТП и кардинального пересмотра приоритетов в пользу усиления протекционизма как на национальном, так и на региональном уровнях, США продолжают опираться на прежние принципы и подходы к регионализации, действовать в рамках более жестких форм институционализации, противопоставляя собственную внешнеторговую политику принципам ВТО.

Более того, усиление протекционизма приобрело принципиально новые формы. США теперь не только делают ставку в большей степени на реализацию двусторонних, а не многосторонних соглашений, но и предлагают принципиально новый подход заключения не классических интеграционных соглашений, проходящих нотификацию в ВТО и подпадающих под действие 24 статьи ГАТТ (изъятия из режима наибольшего благоприятствования), а новой системы торговых сделок, которую Д. Трамп в ходе Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2020 г. назвал новой “моделью торговли в XXI веке”.

Первый и наиболее яркий пример — заключение двусторонней торговой сделки с Китаем, в результате подписания которой Китай фактически вынужден нарушить требования режима наибольшего благоприятствования и недискриминации в рамках ВТО.

Жесткость американского подхода проявилась и в пересмотре условий функционирования НАФТА и выработке нового “модернизированного” соглашения *USMCA*. “Высокие стандарты” соглашения отвечают в первую очередь национальным интересам США. Благодаря взятому на себя Мексикой обещанию нарастить закупки продовольствия в США и облегчению доступа на канадский рынок значительно расширились выгоды американских сельхозпроизводителей, а удовлетворение требования США о повышении в автопроме до 75% доли

¹¹ Barfield C. TPP Keeps the Internet’s Rules Liberal. — *East Asia Forum*. 29.02.2016. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2016/02/29/tpp-keeps-the-internets-rules-liberal/> (accessed 12.07.2020).

продукции, произведенной внутри страны, для беспошлинного ввоза укрепило национальную автомобилестроительную отрасль.

Основным инструментом “продавливания” собственных национальных интересов является усиление или угрозы усиления протекционизма со стороны США в нарушение действующих многосторонних соглашений и обход принципов международного торгового права (режима наибольшего благоприятствования), гарантом которого выступает ВТО. При этом, по всей видимости, США настроены на тиражирование опыта заключения двусторонних сделок не только в рамках АТР, но и за его пределами, в частности на текущий момент обсуждается достижение соглашения с ЕС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АТР становится не просто ареной борьбы двух супердержав за региональное и глобальное лидерство, но и полем противостояния двух принципиально разных подходов к выстраиванию экономических мегапартнерств.

Особенности китайского подхода к формированию трансрегиональной архитектуры:

1) сочетание механизмов формальной интеграции, предполагающих подписание обязательного для стран-членов регионального соглашения с последующей нотификацией в ВТО, с гибкими формами сотрудничества и развития диалоговых партнерств по отдельным наиболее узким направлениям взаимодействия;

2) опора на принципы ВТО и сложившуюся систему глобального торгового регулирования;

3) принцип открытости к вовлечению новых членов.

Отраслевыми приоритетами при реализации китайского подхода являются развитие инфраструктуры и транспортной связанности, расширение инвестиционного сотрудничества и взаимодействие в валютной сфере, направленное на снижение зависимости от американского доллара, в том числе посредством заключения валютных своп-соглашений.

В основе современного американского подхода лежат:

1) более жесткие формы институционализации;

2) стремление сформировать альтернативу уже сложившимся экономическим альянсам и интеграционным объединениям в АТР и, что особенно важно, противопоставление многосторонних форматов, опирающихся на принципы американской правовой модели, существующей системе глобального торгового регулирования во главе с ВТО;

3) принцип закрытости.

К числу отраслевых приоритетов можно отнести поддержание конкурентоспособности американских сельхозпроизводителей, защиту прав интеллектуальной собственности и трудящихся на принципах американской правовой системы.

Асеаноцентричный подход по своему содержанию тяготеет к китайскому, базируется на принципах гибкости и открытости, признании норм ВТО, однако предполагает развитие региональной архитектуры в большей степени в традиционной институциональной плоскости посредством заключения полноценных соглашений об экономической интеграции. В свою очередь, форматы многостороннего сотрудничества предполагают относительно меньший географический охват, а центральное место в многосторонней по-

вестке отведено вопросам финансового сотрудничества и развитию внутри-региональной связанности.

При этом различия китайского и американского подходов тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В значительной степени они проистекают из противостояния двух супердержав — США и Китая. Фактически АТР становится “полем битвы” двух экономических и политических гигантов за географические и отраслевые сферы влияния. Конкурентная борьба приводит к возникновению новых типов мегапартнерств, различающихся по инструментам, сферам охвата, подходам и характеру членства. “Гибкость” китайского подхода во многом предопределяется “жесткостью” американского, а “закрытость” последнего подталкивает Китай к географической сбалансированности собственного внешнеэкономического курса, расширению направлений и диверсификации партнерских форматов.

Параллельно с оформлением концепции ТТП в 2014–2016 гг. Пекин приступил к реализации собственного глобального экономического проекта “Один пояс — один путь”, в рамках которого именно КНР будет определять характер и глубину экономического сотрудничества. После прихода к власти в 2016 г. Д. Трампа США, ведущая экономика мира и один из активнейших “драйверов” общерегионального экономического сотрудничества, приняли решение о выходе из Транстихоокеанского партнерства и формировании “Индо-Тихоокеанского региона”, которое, по мнению многих исследователей, направлено против Китая [Стрельцов 2018]. При этом усиление и углубление “стратегического разрыва” между США и Китаем усиливает поляризацию и ставит под сомнение успешность развития АТР как инклюзивного региона.

Фрагментация и усложнение процессов и тенденций регионализации — логическое следствие стремления региональных участников к поиску новых форм стратегического взаимодействия. Значимость мегапартнерств не снижается, но формы и подходы к региональной и трансрегиональной институционализации эволюционируют в ответ на новые вызовы: (1) снижение эффективности ВТО и ее неспособность обеспечивать единые правила торговли; (2) интенсивное развитие и сращивание финансовых систем, их усложнение и отрыв от реального сектора, предопределившие возрастающие риски кризисных эпидемий; (3) сохраняющийся разрыв в уровне инфраструктурной связанности внутри региона.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.05

REGIONALIZATION MODELS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

E.Ya. Arapova¹, N.I. Khokhlova¹

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

ARAPOVA, Ekaterina Yakovlevna, Cand. Sci. (Econ.), Director of Center of Sanction Policy Expertise, Leading Research Fellow, MGIMO University, email: arapova_katrin@mail.ru; KHOKHLOVA, Natalia Ivanovna, Cand. Sci. (Hist.), Head of Department, MGIMO University, email: nataliamgimo@inbox.ru

Arapova E.Ya., Khokhlova N.I. Regionalization Models in the Asia-Pacific Region. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 60–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.05>

Acknowledgements. The study was supported by Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), project No. 1921-01-06.

Received: 05.05.2020. Accepted: 22.06.2020

Abstract. The article is devoted to the regionalization processes in the Asia-Pacific region through the prism of the theory of the formation of mega-regional blocs. In terms of global and regional

leadership, this region is becoming a competitive area between two superpowers: the USA and China; this determines the complexity and multiples levels of regional processes, as well as the formation of several regionalization models that run parallel to each other. The purpose of the article is to compare the approaches taken by the United States and China to the formation of mega-regional blocs in the Asia-Pacific region, as well as to outline the ASEAN approach. As a result, the authors conclude that the US approach to the formation of mega-regional blocs is based on more stringent forms of institutionalization, their opposition to the existing system of global trade regulation led by the WTO, and closed principles; the Chinese approach, however, involves combining formal integration with flexible forms of cooperation in certain areas, reliance on the principles of the WTO, and openness to the involvement of new members. The competition between the two superpowers results in fragmentation and sophistication of regionalization trends, and pushes regional actors to search for new forms of strategic collaboration.

Keywords: globalization, Asia-Pacific region, regional integration, APEC, open regionalism, ASEAN, China, Trans-Pacific Partnership, USA, Regional Comprehensive economic partnership.

References

- Arapova E. 2015. Measuring "Integration Potential" of the Free Trade Area of the Asia Pacific. — *Malaysian Journal of Economic Studies*. No. 2. P. 157-185.
- Kai He. 2018. Three faces of the Indo-Pacific: Understanding the "Indo-Pacific" from an IR Theory Perspective. — *East Asia*. Vol. 35. No. 2. P. 149-161. <https://doi.org/10.1007/s12140-018-9286-5>
- Keling M.F., Som H.M., Saludin M.N., Shuib M.S., Na'iem Ajis M. 2011. The Development of ASEAN from Historical Approach. — *Asian Social Science*. Vol. 7. No. 7. <https://doi.org/10.5539/ass.v7n7p169>
- Khurana G.S. 2007. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation. — *Strategic Analysis*. Vol. 31. No. 1. <https://doi.org/10.1080/09700160701355485>
- Lunev S., Shavlay E. 2018. Russia and India in the Indo-Pacific. — *Asian Politics and Policy*. Vol. 10. No. 4. P. 713-731. <https://doi.org/10.1111/aspp.12430>
- Noland M. 2018. US Trade Policy in the Trump Administration. — *Asian Economic Policy Review*. Vol. 13. No. 2. P. 262-278. <https://doi.org/10.1111/aep.12226>
- Novikov D., Shumkova V. 2018. Mega-Regional Agreements and the Struggle for Economic Order in the Asia-Pacific Region. — *Asian Economic Policy Review*. Vol. 10. No. 4. P. 791-811. <https://doi.org/10.1111/aspp.12429>
- Park S.C. 2017. RCEP versus TPP with the Trump Administration in the USA and Implications for East Asian Economic Cooperation. — *Entrepreneurial Business and Economics Review*. Vol. 5. No. 4. P. 135-152. <http://doi.org/10.15678/EBER.2017.050406>
- Roos R.S. 2018. On the fungibility of economic power: China's economic rise and the East Asian Security. — *European Journal of International Relations*. Vol. 25. No. 1. P. 302-327. <https://doi.org/10.1177%2F1354066118757854>
- Wignaraja G. 2014. The Regional Comprehensive Economic Partnership: An Initial Assessment. — *The Regional Comprehensive Economic Partnership Negotiation*. P. 93-159.
- Wilson J.D. 2014. Mega-Regional Trade Deals in the Asia-Pacific: Choosing between the TTP and RCEP? — *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 45. No. 2. P. 345-353. <https://doi.org/10.1080/00472336.2014.956138>
- Wuthnow J. 2017. Asian Security without the United States? Examining China's Security Strategy in Maritime and Continental Asia. — *Asian Security*. Vol. 14. No. 3. P. 230-245. <https://doi.org/10.1080/14799855.2017.1378181>
- Yilmaz S., Changming L. 2018. China's 'Belt and Road' Strategy in Eurasia and Euro-Atlanticism. — *Europe-Asia Studies*. Vol. 70. No. 2. P. 252-276. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1435777>
- Arapova E.Ya. 2016. *Regionalizatsiya v Vostochnoi Azii v usloviyakh diversifikatsii istochnikov ekonomicheskogo rosta* [Regionalization in East Asia under the Diversification of Sources of Economic Growth]. Moscow: Prospekt. 232 p. (In Russ.)
- ASEAN. *Novyi vitok integratsii i pozitsii Rossii*. 2019. Doklad RSMD. Pod ruk. E. Kanaeva [ASEAN. A New Round of Integration and Russia's Position. Report of the RIAC. Under the Leadership of E. Kanaev]. (In Russ.) URL: <https://russiancouncil.ru/asean-russia> (accessed 07.14.2020).
- Baikov A.A. 2012. *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli zarubezhnoi integratsii v zarubezhnoi Evrope i tikhookeanskoi Azii* [Comparative Integration. Practice and Models of Foreign Integration in Foreign Europe and Pacific Asia]. Moscow: Aspect Press. 256 p. (In Russ.)
- Kheifets B. 2019. *Novye ekonomicheskie megapartnerstva i Rossiya* [New Economic Megapartnerships and Russia]. Saint Petersburg: Aletheia. 288 p. (In Russ.)
- Koldunova E.V. 2014. Formirovanie novoi mezhdunarodno-politicheskoi situatsii v ATR [The Formation of a New International Political Situation in the Asia-Pacific Region]. — *Tikhookeanskoe obozrenie 2012-2013*.

Pod red. N.P. Maletina, O.V. Novakovoi, V.V. Sumskogo [Pacific Review 2012-2013. Ed. by N.P. Maletin, O.V. Novakova, V.V. Sumskiy]. Moscow: International Relations Publ. P. 59-72. (In Russ.)

Kolosyuk N.A. 2003. The Reasons of the Asian Financial Crisis. — *Oriental Institute Journal*. No. 7. P. 42-47. (In Russ.)

Kostyunina G.M. 2014. Ekonomicheskoe razvitiye ATR i regional'naya integratsiya [Asia-Pacific Economic Development and Regional Integration]. — *Aziatsko-Tikhoookeanskii region: regional'nye problemy, mnogostoronnie organizatsii i ekonomicheskie gruppировки* [Asia Pacific: Regional Issues, Multilateral Organizations, and Economic Groups]. Moscow: Vostok-Zapad. P. 239-256. (In Russ.)

Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. 2019. Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 71-84. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06>

Maletin N.P. 2007. ASEAN: chetyre desyatiletiya razvitiya [Asean: Four Decades of Development]. Moscow: MGIMO University. 312 p. (In Russ.)

Sevastyanov S.V. 2009. The "New Regionalism" of East Asia: Theoretical and Practical Aspects. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 111-122. (In Russ.)

Streltsov D.V. 2018. Indo-Pacific Region as a New Reality of the Global System of International Relations. — *The International Affairs*. No. 9. P. 65-74. (In Russ.)

Литература на русском языке

Арапова Е.Я. 2016. Регионализация в Восточной Азии в условиях диверсификации источников экономического роста. М.: Проспект. 232 с.

Байков А.А. 2012. Сравнительная интеграция. Практика и модели зарубежной интеграции в зарубежной Европе и тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс. 256 с.

АСЕАН. Новый виток интеграции и позиции России. 2019. Доклад РСМД. Под рук.Е. Канаева. URL: <https://russiancouncil.ru/asean-russia> (accessed 14.07.2020).

Колдунова Е.В. 2014. Формирование новой международно-политической ситуации в АТР. — *Тихоокеанское обозрение 2012-2013*. Под ред. Н.П. Малетина, О.В. Новаковой, В.В. Сумского. М.: Международные отношения. С. 59-72.

Колосюк Н.А. 2003. Причины азиатского финансового кризиса. — *Известия восточного института*. № 7. С. 42-47.

Костюнина Г.М. 2014. Экономическое развитие АТР и региональная интеграция. — *Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, многосторонние организации и экономические группировки*. М.: Восток-Запад. С. 239-256.

Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. 2019. Трансрегионализм — новый феномен мировой политики. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 71-84. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.06>

Малетин Н.П. 2007. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет. 312 с.

Севастьянов С.В. 2009. "Новый регионализм" Восточной Азии: теоретические и практические аспекты. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 111-122.

Стрельцов Д.В. 2018. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. — *Международная жизнь*. № 9. С. 65-74.

Хейфец Б. 2019. Новые экономические мегартнерства и Россия. СПб.: Алетейя. 288 с.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.06

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЯН: ЗАКОНОПОСЛУШНОСТЬ ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

П.М. Козырева, А.И. Смирнов

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна, доктор социологических наук, первый зам. директора, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; зав. Центром лонгитюдных обследований, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: pkozyreva@isras.ru; **СМИРНОВ Александр Ильич**, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, email: smir_al@bk.ru

Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция правовых представлений россиян: законопослушность или справедливость? — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 75–89. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.06>

В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Статья является продолжением предыдущих публикаций авторов: Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия. — Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.06>; Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие в нестабильном российском обществе. — Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134–147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>

Статья поступила в редакцию: 10.05.2020. Принята к публикации: 15.06.2020

Аннотация. В статье анализируются характер и тенденции изменения отношения россиян к исполнению требований законов. Исследуется эволюция представлений граждан разных возрастов, в которых отражаются особенности их правосознания, с акцентом на молодежь, о верховенстве закона, законопослушности, справедливости. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Результаты исследования свидетельствуют о признании все большим числом россиян подлинной ценности закона и повышении готовности законопослушной части населения выполнять правовые предписания. Но, несмотря на эти позитивные изменения, правосознание россиян остается нечетким, размытым, а законопослушное поведение еще не превратилось в лично значимую, жизненно необходимую ценность, разделяемую большинством граждан. Молодежь готова скорее поддерживать справедливость, являющуюся для нее весомой моральной ценностью, чем законопослушность и защиту порядка. Эволюция представлений российских граждан о верховенстве закона и законопослушности в течение последнего кризисного десятилетия демонстрирует существенное влияние внешнего контекста на развитие их правового сознания, тогда как возраст, образование, гендерные различия оказываются гораздо менее значимыми факторами. Соблюдение требований законов как важный принцип социального общежития встречает растущее понимание граждан, но эта позитивная тенденция не подкрепляется повышением доверия россиян к способности государства обеспечить верховенство закона и единый правопорядок.

Ключевые слова: законопослушность, правовое сознание, социальная справедливость, социальное самочувствие, мониторинг, ценности.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее важных и сложных тем, расположенных на пересечении разных научных дисциплин, значимость которых не ослабевает на протяже-

нии всего постсоветского периода, является тема правового сознания. Эта проблематика достаточно широка, многоаспектна и тесно связана с поисками эффективных путей построения правового государства, что является одним из приоритетов развития российского общества. Продвижение этой цели во многом связывается с утверждением верховенства закона во всех сферах жизни общества, формированием у граждан глубоко осознанного, мотивирующего правомерное поведение уважения к закону, преодолением правового нигилизма в сознании россиян. Все это относится и к представителям власти, многие из которых привыкли не утруждать себя строгим выполнением требований законов, а игнорировать или обходить их, интерпретировать и использовать их нормы в собственных интересах. Речь идет о формировании законопослушных граждан, чье социальное поведение основано не столько на страхе наказания, сколько на действительно глубоко осознанном уважении к закону.

Формирование в обществе уважительного отношения к закону, усиление поддержки поведения, соответствующего нормативным предписаниям, тесно связано с трансформацией представлений граждан о социальной справедливости, которая остается для большинства россиян наиболее значимой ценностью и мечтой. Наблюдая, как рушатся надежды на построение действительно правового государства, создание эффективной экономики всеобщего благосостояния, какими быстрыми темпами растет неравенство, люди в своих мыслях все чаще обращаются к идее социальной справедливости. При этом, как показывает анализ научной литературы по данной проблематике, спектр представлений о социальной справедливости в российском обществе чрезвычайно широк. Во многом это обусловлено плачевным положением дел со справедливостью в различных сферах общественной жизни [Попова 2016], но наиболее распространенным является ее понимание как “равенства всех перед законом” [Межнациональное согласие... 2016: 208].

По мнению Г.Ю. Семигина, социальную справедливость можно представить как совокупность универсальных принципов, обосновывающих такое общественное устройство, которое отвечает социальному идеалу и обеспечивает право граждан на юридическое равенство и политические свободы, высокое качество жизни, возможность самореализации и социального партнерства [Семигин 2008: 191-192]. Однако, если граждане постоянно сталкиваются с нарушениями этих принципов, они теряют к ним уважение. Исследования показывают, что большинство россиян считают несправедливость одним из самых распространенных и опасных явлений в российском обществе. И полагая, что добиться справедливости законным путем очень трудно или невозможно, они демонстрируют готовность решать свои проблемы в обход закона [Гражданское и политическое... 2013: 40-51]. Причем нередко массовый правовой нигилизм объясняется тем, что люди отрицают или стараются обойти именно те нормы закона, которые или не работают на практике, или применяются избирательно.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ГИПОТЕЗЫ

Проблема взаимоотношений правового сознания и представлений о справедливости в современную эпоху оказалась в фокусе внимания многих ученых, принадлежащих к разным научным направлениям, как у нас в стране, так и за рубежом. Но наиболее основательную теоретическую разработку она получила в рамках концепции правосознания И.А. Ильина [Ильин 1993], “чистой теории права” Г. Кельзена [Кельзен 2015], философско-правовой

концепции В.С. Нерсисянца [Нерсисянц 2001], теории либертарной справедливости Р. Нозика [Nozick 1974], социологически и психологически ориентированной правовой концепции Л.И. Петражицкого [Петражицкий 2019], леволиберальной теории справедливости (*justice as fairness*) Дж. Роулза [Rawls 1971], концепции справедливости О. Хёффе [Höffe 2010] и некоторых других.

Несмотря на разнообразие и широту подходов в качестве центральных элементов правосознания, при его изучении практически всегда рассматриваются те из них, которые позволяют судить о признании гражданами подлинной ценности закона, об их отношении к исполнению правовых предписаний, готовности подчиняться законам. Причем в ряде эмпирических исследований правосознание практически отождествляется с законопослушностью, что при решении некоторых конкретных исследовательских задач вполне допустимо. В западной науке на рубеже 1960–1970-х годов появилось даже направление, рассматривающее правовую социализацию как один из аспектов общей социализации, касающейся интериоризации правовых норм, следования правилам и законам, т.е. правовая социализация стала сводиться к социализации подчинения закону, а развитие правового сознания – к формированию законопослушного поведения (см., например, [Tapp 1971]). Акцентируя внимание на том, что люди должны учиться использовать в собственных интересах возможность действовать в рамках права, исследователи в то же время фокусировали внимание на растущей роли закона как основного социализирующего агента, важности признания верховенства закона, необходимости его уважения, на законопослушании (*compliance*) [Friedman 1971; Tapp, Levine 1977; Tapp, Melton 1983].

Как показывает практика, сложно установить непосредственную связь между абстрактной поддержкой законопослушного поведения и реальным индивидуальным поведением, поскольку непросто учесть всевозможные эмоциональные, ситуативные и иные факторы, которые воздействуют на поведение людей в конкретных случаях. Но несмотря на это, изучение данных проблем помогает лучше понять природу отношений, которые складываются между индивидом и правом, уяснить, как граждане понимают и насколько серьезно и глубоко принимают необходимость неукоснительного соблюдения закона, обеспечивающего, как подчеркивают правоведы, функционирование организованной, т.е. предсказуемой социальной жизни [Kantorowicz 2014]. Выяснение характера отношения граждан к исполнению правовых предписаний позволяет глубже проникнуть в механизмы формирования правовых установок, определяющих особенности правового поведения.

Социологические исследования показывают, что для современного состояния правосознания россиян характерны противоречивость, определенная размытость и неустойчивость. Г.А. Сатаров, Ю.Н. Благовещенский и В.Л. Римский, анализируя результаты изучения социологическими методами группового правосознания населения, судей и предпринимателей, характеризуют это состояние как переходное [Социологический анализ... 2016: 8]. Несмотря на то, что большинство граждан относится к закону как к важной ценности, в обществе давно фиксируется высокий уровень одобрения неправомερных действий [Общие результаты... 2003], прочно закрепилось благодушное отношение к рутинным практикам нарушения законов [Покида, Зыбуновская 2020: 94–97].

Учитывая, что подавляющее большинство подобных исследований дают статичную картину, раскрывают и анализируют только определенный срез

правового сознания, в данной статье мы попытались проследить, — на примере изменения поддержки законопослушного поведения в противовесе со справедливостью, — как в обществе утверждается уважительное отношение к закону, как меняется понимание необходимости соблюдения его требований всеми гражданами. Анализ результатов предыдущих наших исследований позволяет в качестве главной гипотезы выдвинуть предположение, что, несмотря на огромные трудности кризисного периода, для все большего числа россиян законопослушное поведение становится ведущей ценностью, во многом определяющей уклад их жизни.

Особое внимание уделяется анализу того, насколько глубоко и какими темпами проникают в сознание молодежи представления, характеризующие “уважение к закону”, что в итоге в немалой степени определяет результаты демократической консолидации общества. С одной стороны, от молодежи, которая “ближе к ‘современным’ проблемам” [Мангейм 2000: 34], всегда хочется ожидать более сильной поддержки демократических ценностей и институтов, чем от старших поколений. С другой стороны, защита этих ценностей сочетается с бунтарством молодежи и ее скептицизмом в отношении традиционного порядка и признанных авторитетов [Луков 2002: 80], большей склонностью менять свои ценностные ориентиры [Abramson, Inglehart 1992], прагматизмом современных молодых людей, признающих только то, что может дать практические результаты [Зубок, Чупров 2006: 40]. Другой гипотезой, таким образом, является то, что молодые россияне могут скорее поддерживать справедливость (в своем понимании), чем законопослушность и защиту порядка в обществе.

78 ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Анализ, представленный в этой работе, основан на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Собранная за длительный период информация дает уникальную возможность получать достоверную и многомерную картину жизни населения нашей страны. Широта и междисциплинарность, заложенные в RLMS-HSE, позволяют не только вести анализ по отдельным исследовательским направлениям, но и строить интегральные, междисциплинарные объяснительные модели, повышая тем самым уровень и глубину анализа. Но при этом существует объяснимая ограниченность поиска, обусловленная структурой и содержанием инструментария (подробнее об этом обследовании см. [Kozyreva, Kosolapov, Popkin 2016]¹).

Для решения задач исследования использовались данные трех волн мониторинга, содержащие интересующие нас сведения: 15-я волна (2006 г.), 21 волна (2012 г.) и 27 волна (2018 г.). В ходе опросов, проведенных в эти годы, респондентам предлагалось, наряду с другими вопросами, во-первых, высказать свое отношение к следующим суждениям, формирующим мировоззренческий конфликт, в основе которого лежит противоречие между законом и справедливостью:

---

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом “Высшая школа экономики” и ООО “Демоскоп” при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rf/ms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms>).

- если человек считает закон несправедливым, он имеет право “обойти его”;
- в России нельзя жить, не нарушая законы;
- если высшие государственные или политические деятели не соблюдают законы, то и простые люди могут не соблюдать законы.

Шкалы включали следующие позиции: “полностью согласны”, “скорее согласны”, “и да, и нет”, “скорее не согласны”, “совсем не согласны”. В ходе анализа ответов респондентов мы исходили из того, что чем ниже оценка, характеризующая степень согласия респондента с данными высказываниями, тем в большей степени он поддерживает законопослушное поведение. Это очень важно помнить, рассматривая в дальнейшем связи между анализируемыми переменными.

Ответы на вышеуказанные суждения послужили основанием для распределения респондентов по трем уровням поддержки законопослушности. Высокий уровень означает, что респондент выразил несогласие со всеми тремя суждениями. Те, кто были отнесены к группе со средним уровнем поддержки, выразили несогласие по одному или двум пунктам. И, наконец, низкий уровень означает, что респондент не дал отрицательного ответа ни по одному пункту.

Во-вторых, респондентам предлагалось определить важность ряда ценностей, необходимых для утверждения демократического порядка в нашей стране (“Насколько для Вас лично важно, чтобы в нашей стране сегодня были...”), включая такие, как “закон и порядок” и “справедливые суды”. Сравнительный анализ этих оценок позволил ответить на вопрос, насколько сильно россияне ценят верховенство закона. Ответы респондентов на другие вопросы обследования явились также источником ценной информации о восприятии состояния общества, в котором они живут, о том, что их тревожит в настоящее время.

79

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ ЗАКОНОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Большинство россиян понимают, по крайней мере, на интуитивном уровне, важность и необходимость соблюдения законов. Пройдя сквозь горнило проблемных 1990-х годов и обретя опыт непростого восстановительного строительства начала 2000-х годов, россияне стали гораздо яснее воспринимать действительность и понимать перспективы дальнейшего развития общества. При этом они, в подавляющем своем большинстве, сохранили приверженность одной из базовых ценностей предыдущего периода развития нашего общества — идее социальной справедливости [Двадцать пять лет... 2018: 332]. Отнюдь не желая отказываться от обретенной личной свободы, многие россияне выработали некий консенсус между важностью отстаивания идеи социальной справедливости, так как они ее понимают, и необходимостью соблюдения действующих законов.

Из табл. 1 хорошо видно, что за 2006-2018 гг. доля респондентов, допускающих возможность нарушения гражданами “несправедливого” закона, сократилась почти в полтора раза — с 23,1 до 16,0%, тогда как доля придерживающихся противоположного мнения выросла с 53,4 до 60,2%. Выявилось, кроме того, заметное сокращение удельного веса респондентов, полагающих, что в нынешней России нельзя жить, не нарушая законы (соответственно с 41,0 до 33,5%), и существенное увеличение доли лиц, замечающих улучшение правового порядка в стране, охватывающего отношения, находящиеся под государственной и судебной защитой (с 28,5 до 34,1%).

Но наиболее интересен иной результат. Как показывают исследования, в России очень широко распространено мнение, что, поскольку высшие государственные чины нарушают законы, не следует возражать и против того, что “простые люди” тоже нарушают требования закона. Подобное отношение к закону объясняется сохраняющейся остротой проблемы коррупции в высших эшелонах власти, которая становится для многих граждан оправданием собственного противоправного поведения [Покида, Зыбуновская 2020: 94]. Так вот, за анализируемый период доля опрошенных, которые склонны оправдывать противоправные действия “простых людей”, поскольку “наверху” тоже нарушают закон, сократилась почти в полтора раза — с 31,6 до 23,2%, в то время как удельный вес респондентов, не согласных с таким мнением, увеличился с 43,4 до 51,4%.

Именно поэтому отмеченные позитивные сдвиги можно рассматривать как одно из важных свидетельств роста в обществе поддержки ответственного поведения, когда безнравственные, аморальные и откровенно преступные поступки и действия представителей властных кругов находят осуждение, а следование таким “примерам” перестает восприниматься как восстановление справедливости.

Таблица 1 (Table 1)

**Оценка суждений, характеризующих отношение россиян
к необходимости соблюдения законов, 2006–2018 гг.**

*Assessment of Judgments Characterizing the Attitude of Russians
to the Need to Comply with Laws, 2006–2018*

Год	Ценят справедливость больше	Не уверены	Ценят законопослушность больше	Mean*	Std. Dev.*	N
Если человек считает закон несправедливым, он имеет право “обойти его”						
2006	23,1	23,5	53,4	3,45	1,18	9 285
2012	19,1	20,9	60,0	3,60	1,13	14 405
2018	16,0	23,8	60,2	3,63	1,07	10 280
В России нельзя жить, не нарушая законы						
2006	41,0	30,5	28,5	2,86	1,16	9 276
2012	38,5	28,6	32,9	2,91	1,15	14 406
2018	33,5	32,4	34,1	3,01	1,10	10 259
Если высшие государственные или политические деятели не соблюдают законы, то и простые люди могут не соблюдать законы						
2006	31,6	25,0	43,4	3,19	1,22	9 274
2012	27,5	23,1	49,4	3,30	1,21	14 404
2018	23,2	25,4	51,4	3,38	1,14	10 257

*Средние и стандартные отклонения подсчитаны на основе несокращенных ответов на эти пункты с помощью 5-балльной шкалы: от 1 — “полностью согласен” до 5 — “совсем не согласен”.

Выявленные тенденции свидетельствуют о повышении статуса права в обществе и росте поддержки россиянами правомерного поведения, которое наблюдается при сопоставлении ответов респондентов на все предложенные для оценки суждения. Несмотря на трудности переходного периода, все больше россиян привыкают к признанию верховенства закона и его роли как

регулятора социальной жизни. Признание этой роли нередко оказывается существенно богаче, чем обычное уважение к закону, характерное для обыденных представлений. Но в то же время нельзя не признать, что поддержка законопослушности не является доминирующей, и она далеко не бесспорна. От четверти до трети опрошенных занимают по всем пунктам неоднозначную позицию, и еще от одной шестой до трети — выражают готовность пожертвовать соблюдением закона ради справедливости. Безусловную поддержку (“совсем не согласны”) по первому пункту выразили только 22,5%, по второму — 7,3% и по третьему — 17,1% опрошенных.

Сопоставление изложенных данных показывает, что когда речь идет о нарушении законов политическими и государственными руководителями, поддержка законопослушного поведения оказывается ниже, чем когда люди считают тот или иной закон несправедливым. При этом в 2018 г. связность между показателями поддержки утверждений по этим пунктам была сильнее, чем между показателями, измеряющими поддержку первого и второго утверждений, но слабее, чем между показателями поддержки второго и третьего утверждений (коэффициент корреляции Пирсона составил соответственно 0,63; 0,59 и 0,71; при $p < 0,01$). Эти различия во многом обусловлены тем, что утверждение “В России нельзя жить, не нарушая законы” является для российских граждан наиболее весомым (из перечисленных) основанием для того, чтобы самим не соблюдать законы. Подобная картина наблюдалась и в предыдущие годы.

В соответствии с методикой исследования респонденты были распределены по группам, объединяющим лиц с высоким, средним и низким уровнями осознания важности выполнения требований действующих законов. Как видно из рис. 1, доля респондентов, поддержавших законопослушное поведение по всем трем пунктам (и демонстрирующих тем самым осознание необходимости соблюдения общепризнанных норм и правил в повседневной жизни, уважение к закону), за 2006–2018 гг. выросла с 25,7 до 31,5%. Этот рост произошел главным образом за счет сокращения доли лиц, не выразивших поддержку ни по одному пункту, среди которых оказалось немало людей, отличающихся правовым инфантилизмом или правовым нигилизмом.

Вместе с тем, отмечая происходящие позитивные изменения, нельзя не указать, что при международных сопоставлениях Россия по показателям обеспечения правовой среды, правовой культуры, уровню правосознания граждан постоянно оказывается ниже большинства развитых стран. Об этом свидетельствуют, в частности, низкие позиции России в рейтингах таких глобальных исследований, как *Governance Matters* — рассчитывается по методике Всемирного банка² и *The Rule of Law Index* — рассчитывается по методике международной неправительственной организации *The World Justice Project*³.

Дальнейший анализ показал, что женщины, как и прежде, проявляют большую склонность соблюдать законы, чем мужчины (см. табл. 2). При этом уровень поддержки законопослушного поведения за анализируемый период вырос у мужчин и женщин практически одинаково. И в то же время не было выявлено какой-либо значимой связи между поддержкой законопослушности

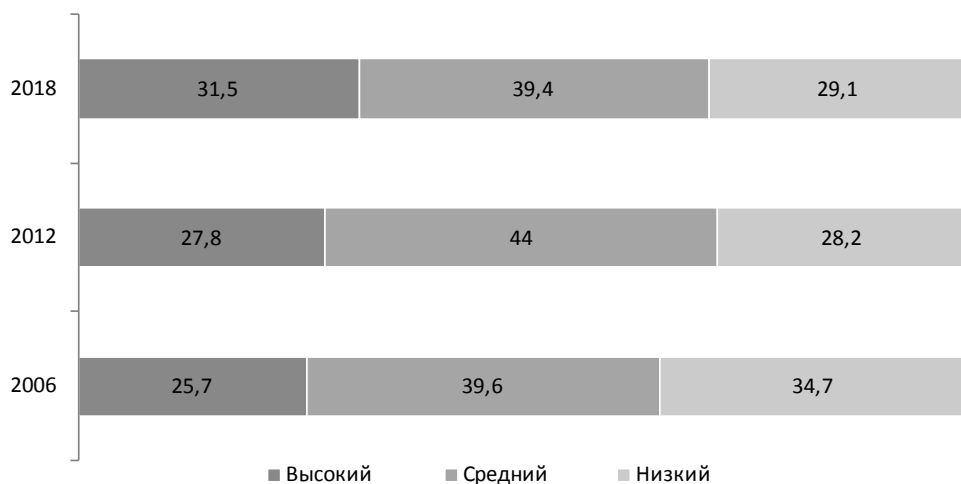
² Качество государственного управления. — *Гуманитарный портал*. Последняя редакция: 08.02.2020. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info> (accessed 05.07.2020).

³ Индекс верховенства закона в странах мира. — *Гуманитарный портал*. Последняя редакция: 08.02.2020. URL: <https://gtmarket.ru/research/rule-of-law-index/info> (accessed 05.07.2020).

и типом населенного пункта. Обращает на себя внимание только наличие среди сельчан сравнительно большой доли респондентов (37,6%), выражающих поддержку по всем трем предложенным для оценки пунктам. Причем этот перевес образуется большей частью за счет высокой доли сельчан, не согласных с тем, что в России нельзя жить, не нарушая законы.

Рисунок 1 (Figure 1)

**Распределение респондентов по уровням поддержки
законопослушного поведения, 2006-2018 гг. (%)**
*Distribution of Respondents by Levels of Support
for Law-abiding Behavior, 2006-2018 (%)*

Мы зафиксировали также и положительную, но достаточно слабую связь между поддержкой законопослушного поведения и возрастом респондентов. Силу этой связи демонстрируют также данные, приводимые в табл. 2. Они показывают, что самые большие одновременные возрастные различия обнаруживаются только между россиянами в возрасте старше 60 лет и всеми остальными. Именно старшее поколение оказывается наиболее законопослушным. Люди старшего возраста теснее, чем молодые, связывают в своих представлениях закон и порядок, потому, видимо, что закон для них привычно символизирует устоявшийся общественный порядок.

В то же время обращает на себя внимание заметное сокращение указанной выше дистанции, что обусловлено главным образом различиями в ответах опрошенных разного возраста на второе суждение. Так, если в 2006 г. доля респондентов, не согласных с высказыванием: “В России нельзя жить, не нарушая законы”, среди молодых людей в возрасте до 30 лет была заметно больше, чем среди тех, кто перешагнул 60-летний рубеж (27,9 против 22,9%), то в 2018 г. это соотношение изменилось на противоположное (34,6 против 36,2%). К наиболее заметным сдвигам, заслуживающим серьезного внимания, следует отнести также, во-первых, значительный рост среди молодых россиян в возрасте до 20 лет доли лиц, характеризующихся высоким уровнем поддержки законопослушности, и во-вторых, не менее существенное уменьшение удельного веса лиц с низким уровнем такой поддержки среди россиян старше 50 лет.

Таким образом, понимание необходимости неукоснительного соблюдения законов еще не проникло глубоко в сознание большинства молодых людей. Примерно одна треть респондентов в возрасте до 30 лет характеризуется высоким уровнем поддержки законопослушности, другая треть занимает среднее положение и еще одна треть отличается низким уровнем готовности исполнять требований действующих законов. Такое распределение убеждает в том, что выявленные ранее неопределенность, размытость, некая “аморфность” правосознания молодежи [Горшков, Шереги 2010: 43] никуда не исчезли и продолжают определять особенности ее правового поведения.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение респондентов по уровням поддержки законопослушного поведения в зависимости от их социально-демографических характеристик, 2006-2018 гг. (%)
Distribution of Respondents by Levels of Support for Law-abiding Behavior Depending on Their Socio-Demographic Characteristics, 2006-2018 (%)

	2006			2018		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Всего	25,7	39,6	34,7	31,5	39,4	29,1
В том числе по полу						
Мужчины	23,7	37,5	38,8	28,5	37,3	34,2
Женщины	27,2	41,2	31,6	33,7	40,9	25,4
В том числе по возрасту						
До 20 лет	22,8	44,5	32,8	36,0	35,2	28,8
21-30 лет	23,4	43,1	33,5	29,9	37,3	32,8
31-40 лет	23,0	41,7	35,3	30,5	37,9	31,6
41-50 лет	23,1	41,3	35,6	29,1	37,3	33,6
51-60 лет	25,7	36,3	38,0	32,2	38,8	29,0
Старше 60 лет	33,1	34,3	32,6	34,1	42,2	23,7
В том числе по уровню образования						
Неполное среднее	27,7	36,6	35,7	32,4	33,6	34,0
Общее среднее	23,2	40,2	36,6	29,1	37,2	33,7
Среднее специальное	25,4	41,4	33,2	31,1	41,2	27,7
Высшее	27,8	40,1	32,1	33,8	43,6	22,6
В том числе по месту проживания						
Региональный центр	20,4	40,6	39,0	28,9	45,0	26,1
Другой город	29,4	40,0	30,6	30,2	42,0	27,8
Поселок городского типа	26,6	26,5	46,7	29,4	29,7	40,9
Село	29,5	40,7	29,8	37,6	30,3	32,1

Дальнейший анализ показал, что повышение уровня образования усиливает убежденность в необходимости соблюдения законов, независимо от тех или иных анализируемых обстоятельств. Но связь эта очень слабая и наиболее четко прослеживается в региональных центрах, т.е. в самых крупных городах. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в 2018 г. только 22,6%

респондентов с высшим образованием отказали в поддержке законопослушности по всем обозначенным пунктам, что в полтора раза меньше, чем среди респондентов с неполным средним и общим средним образованием.

В целом возраст является хотя и довольно слабым, но все же более весомым, чем образование, фактором воздействия на поддержку поведения, соответствующего нормативным предписаниям. Влияние образования на поддержку законопослушного поведения в зависимости от возраста неоднозначно, о чем свидетельствуют крайне низкие и разноречивые показатели корреляции, характеризующие соответствующие взаимосвязи. У молодых людей в возрасте до 30 лет с высшим образованием поддержка законопослушного поведения была ниже, чем у наиболее образованных респондентов старшего возраста. Например, среди молодых людей в возрасте до 30 лет с высшим образованием такую поддержку при оценке первого суждения выразили 61 % респондентов, тогда как в аналогичных старших возрастных когортах данный показатель был на 8–10 процентных пунктов больше. При оценке второго суждения это превышение оказалось минимальным, а при оценке третьего суждения составило 5–8 процентных пунктов. И хотя эти различия не особенно велики, они все же дают понять, что более образованные молодые люди, действительно, поддерживают последовательно законопослушное поведение меньше и чаще отдают приоритет справедливости, чем более образованные люди среднего и старшего возраста.

О невысокой поддержке законопослушного поведения более образованными молодыми людьми говорят и результаты других исследований [Ильин 2015]; в частности, представления студенческой молодежи о законе и справедливости, как и прежде, непоследовательны и противоречивы. В одном из недавно проведенных исследований большинство опрошенных студентов согласились, что закон должен быть справедливым, в противном случае ему не следует подчиняться [Баляев, Буркова, Морозова 2019]. Студенты, как впрочем и многие другие молодые люди, рассматривают справедливость как безусловную моральную ценность, независимо от того идет ли речь о праве, поведении или личном качестве человека.

Своеобразным оказывается влияние фактора материальной обеспеченности на формирование правовых представлений россиян. Анализ показал: чем выше доходы респондентов, тем реже они соглашались с утверждением “В России нельзя жить, не нарушая законы”, но чаще придерживаются мнения “Если человек считает закон несправедливым, он имеет право ‘обойти его’”. Но в целом различия в доходах мало влияют на уровень поддержки правомерного поведения. Гораздо более значимым в данном случае оказывается то, как люди воспринимают уровень своего материального обеспечения. Четкая граница обнаруживается между теми, кто относит себя к наиболее состоятельным слоям, и всеми остальными респондентами. Так, в 2018 г. среди респондентов, располагающихся по самооценке на трех верхних ступенях шкалы материального благосостояния⁴, доля лиц с высоким уровнем поддержки законопослушного поведения составила 43,1%, тогда как с низким уровнем — только 21,7%. Среди остальных респондентов эти доли были практически одинаковыми — 30,8 и 30,1%.

Значительное преобладание среди россиян тех граждан, которые так или иначе соглашались с утверждением: “В России нельзя жить, не нарушая законы”, еще раз убеждает в том, что проблема обеспечения законности

⁴ Респондентам предлагалось определить свое место на “шкале” из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые.

и правопорядка в стране является одной из наиболее острых и беспокоящих общество. Причем эта проблема воспринимается многими россиянами сквозь призму социальной справедливости, что только усиливает ее обостренное восприятие. Бедность и повседневная борьба за выживание вынуждает людей с большей тревогой реагировать на любые проявления несправедливости, но особенно на те, которые связаны со взяточничеством и коррупцией, произволом, грубостью и чванством чиновников, нечестностью и необъективностью судей. Сегодня только 24,8% россиян уверены, что судьи в России в основном независимы от представителей федеральных и местных властей, тогда как 55% убеждены, что они работают под контролем властных структур, а остальные не могут ответить на этот вопрос. 42,6% опрошенных россиян в большей или меньшей степени уверены, что судьи берут взятки, тогда как противоположного мнения придерживаются только 14,8%.

В связи с этим обращает на себя внимание и тот факт, что на протяжении всего анализируемого периода две трети и более респондентов относили к наиболее важным проблемам, требующим первоочередного решения, утверждение в стране “закона и порядка” и “справедливых судов”. В 2018 г. это мнение выражали соответственно 66,9 и 66,3% опрошенных. Это было намного больше, чем число выступающих за утверждение других базовых демократических ценностей. Так, в 2018 г. доля респондентов, полагающих, что лично для них “очень важно”, чтобы в нашей стране были свободные выборы, составила 52,1%; свобода слова — 42,7%; независимая пресса — 36,4%; защита прав меньшинств — 30,7%; политическая оппозиция — 26,2%.

Иерархии этих ценностей у респондентов с разными уровнями поддержки законопослушного поведения полностью совпадали на всех этапах исследования. Следовательно, “закон и порядок” и “справедливые суды” неизменно оставались наиболее значимыми ценностями как для респондентов с высоким, так для респондентов с низким уровнем поддержки законопослушного поведения. Это означает, что даже те респонденты, которые допускают возможность нарушения “несправедливых” законов, в большинстве своем считают такие ситуации ненормальными или даже совершенно неприемлемыми.

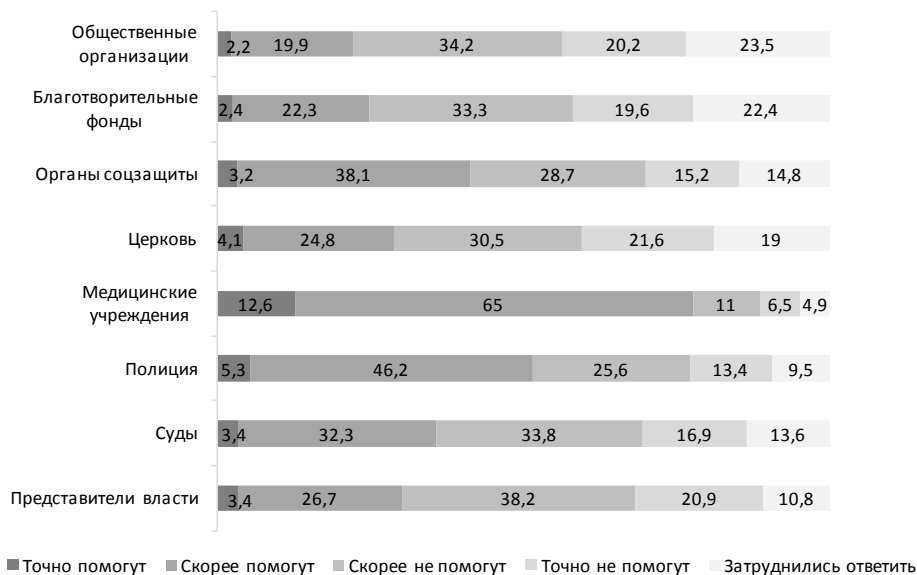
Позиция тех россиян, которые оправдывают возможность решения каких-либо важных для них проблем в обход закона, в немалой степени объясняется высоким уровнем недоверия органам власти, призванным обеспечивать законность и правопорядок, отсутствием веры в справедливое правосудие. Так, по данным RLMS-HSE, полностью или скорее доверяют Правительству РФ только 33,1%, Государственной Думе — 24,1%, судам — 28,3%, полиции — 38,2% опрошенных россиян. Крайне низким остается также уровень доверия граждан различным экономическим институтам. Например, российским банкам доверяют 30,8%, иностранным банкам — 10,8%, страховым компаниям — 14,7%, малому и среднему частному бизнесу — 22,8% опрошенных. Большинство россиян не только с недоверием относятся к деятельности органов власти, благотворительных, правозащитных и иных общественных организаций, но и не ждут от них помощи (см. рис. 2).

Анализ выявил наличие значимой связи между поддержкой законопослушности и доверием институтам власти. Эта связь довольно четко проявилась при изучении зависимостей между показателями доверия властным институтам и оценками всех трех анализируемых суждений. Но наиболее сильной она оказалась при сопоставлении показателей доверия судам и полиции с оценками, харак-

теризующими отношение респондентов к высказыванию “В России нельзя жить, не нарушая законы”. Так, в 2018 г. среди респондентов, которые в той или иной степени доверяют судам, доля лиц, не согласных с такой постановкой вопроса, была в 2,5 раза больше, чем среди тех, кто с недоверием относится к работе судов (51,1 против 20,2%). Примерно такой же была эта дистанция в оценках между доверяющими и не доверяющими полиции (47,2 против 20,4%).

Рисунок 2 (Figure 2)

Уверенность респондентов в том, что им окажут помощь в трудных ситуациях, 2018 г. (%)
Confidence of Respondents that They Will Be Assisted in Difficult Situations, 2018 (%)

По-иному проявляется связь доверия различным институтам с оценками первого высказывания “Если человек считает закон несправедливым, он имеет право ‘обойти его’”. Между показателями доверия институтам власти и оценками, характеризующими отношение к данному высказыванию, обнаруживается отрицательная и довольно слабая корреляция, тогда как между показателями доверия экономическим институтам и этими же оценками — положительная, но тоже слабая. Это может означать, что с ростом доверия институтам власти поддержка законопослушности повышается, и, наоборот, с падением доверия эта поддержка ослабевает, тогда как с ростом доверия экономическим институтам наблюдается противоположная картина. То есть люди, в большей степени доверяющие таким рыночным институтам как банки, страховые компании, малый и средний частный бизнес, чаще считают возможным действовать в обход закона, оправдывая это необходимостью восстановления справедливости или иными соображениями.

Выводы

Вопрос об обеспечении верховенства закона во всех сферах деятельности превратился сегодня в один из ключевых для поступательного развития российского общества. Для все большего числа россиян законопослушное

поведение выступает доминантной ценностью, которая во многом определяет уклад их жизни. Более осознанной стала готовность законопослушной части граждан выполнять правовые предписания. Но несмотря на эти позитивные сдвиги, законопослушное поведение еще не превратилось в жизненно важную ценность, разделяемую большинством граждан. В настоящее время лишь менее трети опрошенных россиян четко выражают стремление соблюдать требования законов, тогда как у остальных в той или иной мере берут верх различные моральные требования. По уровню правосознания россияне все еще заметно отстают от жителей подавляющего большинства развитых стран. Дивергенция поддержки законопослушности и поддержки справедливости является одним из наиболее значимых факторов, дифференцирующих разные поколения. При этом молодежь проявляет меньшую, но умеренно возрастающую поддержку законопослушности, чем старшие поколения. За счет этого роста молодые россияне приблизились к старшим в своей приверженности правомерному поведению. Возраст, образование и другие социально-демографические характеристики оказывают сегодня гораздо меньшее влияние на формирование правовых установок граждан, чем социальные и психологические факторы.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.06

THE EVOLUTION OF RUSSIAN CITIZENS' VIEWS ON THE LAW: LAW ABIDANCE OR JUSTICE?

P.M. Kozyreva^{1,2}, A.I. Smirnov³

¹ *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

² *Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

³ *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KOZYREVA, Polina Mikhailovna, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, email pkozyreva@isras.ru; **SMIRNOV, Aleksandr Il'ich**, Dr. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, email: smir_al@bk.ru

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. The Evolution of Russian Citizens' Views on the Law: Law Abidance or Justice? – Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 75–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08>

The article uses the results of projects carried out as part of the NRU HSE Basic Research Program. It is a continuation of the previous publications of the same authors: Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Business and the Population: A Lack of Trust – Reasons and Consequences. – Polis. Political Studies. 2017. No. 1. P. 53–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.06>; and Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Trust in Unstable Russian Society. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 134–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>

Received: 10.05.2020. Accepted: 15.06.2020

Abstract. This article analyzes the nature and tendencies in how the Russian people's attitudes are shifting when it comes to law abidance, examining how views have evolved on the rule of law, law abidance, justice, and other such views which reflect the nature of legal awareness, among citizens of various ages (the main focus being young people). The analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE). The results of the study reveal that more Russian people are recognizing the true value of the law, as well as the increasing willingness of such law-abiding people to comply with legal requirements. However, despite these positive shifts, Russian society's legal awareness remains inconsistent and vague, while law abidance is still not yet held as a personally significant virtue of vital importance shared by most citizens. Young people are

ready to support justice, which is a significant moral value for them, rather than law-abidance and protecting order. Throughout the last ten years, Russian citizens' views on the rule of law and on law abidance have been dramatically impacted by the external context which has developed legal awareness; age, education, and gender differences turn out to be much less substantial factors. The evident ever-developing understanding of the importance of law abidance has not been supported by an increase in the Russian population's confidence that the government can guarantee the supremacy of the law and a uniform legal order.

Keywords: law abidance, monitoring, legal awareness, social justice, social well-being, values.

References

- Abramson P.R., Inglehart R. 1992. Generation Replacement and Value Change in Eight West European Societies. — *British Journal of Political Science*. Vol. 22. No. 2. P. 183-228. <https://doi.org/10.1017/S0007123400006335>
- Friedman L.M. 1971. The Idea of Right as a Social and Legal Concept. — *Journal of Social Issues*. Vol. 27. No. 2. P. 189-198. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1971.tb00660.x>
- Höffe O. 2010. *Gerechtigkeit. Eine philosophische Einführung*. München: C.H. Beck. 127 S.
- Kantorowicz H. 2014. *The Definition of Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 138 p.
- Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B.M. 2016. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994-2013. — *International Journal of Epidemiology*. Vol. 45. No. 2. P. 395-401. <https://doi.org/10.1093/ije/dyv357>
- Nozick R. 1974. *Anarchy, State and Utopia*. New York, NY: Basic Books, Inc. 367 p.
- Rawls J. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 624 p.
- Tapp J.L. 1971. Reflections. — *Journal of Social Issues*. Vol. 27. No. 2. P. 1-16. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1971.tb00650.x>
- Tapp J.L., Levine F.J. 1977. *Law, Justice, and the Individual in Society: Psychological and Legal Issues*. New York: Harcourt School; Holt, Rinehart and Winston. 446 p.
- Tapp J.L., Melton G.B. 1983. Preparing Children for Decision Making: Implications of Legal Socialization Research. — *Children's Competence to Consent*. New York, Boston: Springer; Plenum Press. P. 215-234. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-4289-2_11
- Balyaev S.I., Burkova D.A., Morozova N.N. 2019. The Peculiarities of Ideas about Law and Justice among High School Students. — *The Education and Science Journal*. Vol. 8. No. 21. P. 112-129. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-112-129>
- Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzheniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-five Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: The Experience of Sociological Analysis]. 2018. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir. 384 p. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. 2010. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a Sociological Portrait]. Moscow: Center for Social Forecast and Marketing. 592 p. (In Russ.)
- Grazhdanskoe i politicheskoe v rossiiskikh obshchestvennykh praktikakh* [Civil and Political in Russian Public Practices]. 2013. Ed. by S.V. Patrushev. Moscow: ROSSPEN. 525 p. (In Russ.)
- Il'in I.A. 1993. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Conscience of Law]. Moscow: Rarog. 235 p. (In Russ.)
- Ilyin O.Yu. 2015. Contemporary Problems of Legal Awareness and Legal Culture in Students' Notions. — *Vlast' (The Authority)*. Vol. 23. No. 1. P. 130-136. (In Russ.)
- Kelsen H. 2015. *Reine Rechtslehre* [Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo*. St. Petersburg: Alef-Press. 704 p. (In Russ.)
- Lukov V.A. 2002. Features of Youth Subcultures in Russia. — *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10. P. 79-88. (In Russ.)
- Mannheim K. 2000. *Essays on the Sociology of Knowledge (Competition as a Cultural Phenomenon; On the Nature of Economic Ambition and Its Significance for the Social Education of Man; The Problem of Generations)*. (Russ. ed.: Mannheim K. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenii — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambitsii*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 162 p.)
- Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiiskogo obshchestva* [Interethnic Accord as a Resource in Consolidating Russian Society]. 2016. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 400 p. (In Russ.)

Nersesyants V.S. 2001. Law as a Necessary Form of Equality, Freedom and Justice. — *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10. P. 3-15. (In Russ.)

Overall Results of a Selective Sociological Survey of the Population of the Russian Federation. 2003. *Sociology of Power*. No. 1. P. 29-35. (In Russ.)

Petrzhitsky L.I. 2019. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. In 2 parts]. Moscow: Yurait. Part I. 237 p. Part II. 343 p. (In Russ.)

Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. 2020. Legal Values of the Russian Population: Priorities and Contradictions. — *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. Vol. 46. No. 1. P. 92-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008327-2>

Popova I. 2016. Social Justice in the Scientific Debates 1990-2010s. — *Mir Rossii*. Vol. 25. No. 3. P. 56-75. (In Russ.)

Semigin G.Yu. 2008. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social Justice and Law]. Moscow: Sovremennaya ekonomika. 197 p. (In Russ.)

Sotsiologicheskii analiz pravosoznaniya sudei, naseleniya i predprinimatelei [Sociological Analysis of Justice of Judges, the Population and Entrepreneurs]. 2016. Ed. by G.A. Satarov. Moscow: Fund Liberal'naya missiya. 176 p. (In Russ.)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. 2006. Youth Legal Culture as a Facet of Transformation Strategies. — *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6. P. 37-46. (In Russ.)

Литература на русском языке

Баляев С.И., Буркова Д.А., Морозова Н.Н. 2019. Особенности представлений о законе и справедливости у студентов вуза. — *Образование и наука*. Т. 21. № 8. С. 112-129. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-112-129>

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2010. *Молодежь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ. 592 с. *Гражданское и политическое в российских общественных практиках*. 2013. Под ред. С.В. Патрушева. М.: РОССПЭН. 525 с.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. 2018. Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир. 384 с.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. 2006. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий. — *Социологические исследования*. № 6. С. 37-46.

Ильин И.А. 1993. *О сущности правосознания*. М.: Рарогъ. 235 с.

Ильин О.Ю. 2015. Современные проблемы правосознания и правовой культуры в представлении студенческой молодежи. — *Власть*. Т. 23. № 1. С. 130-136.

Кельзен Г. 2015. *Чистое учение о праве, справедливость и естественное право*. СПб.: Алеф-Пресс. 704 с.

Луков В.А. 2002. Особенности молодежных субкультур в России. — *Социологические исследования*. № 10. С. 79-88.

Мангейм К. 2000. *Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции*. М.: ИНИОН РАН. 162 с.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. 2016. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН. 400 с.

Нерсесянц В.С. 2001. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости. — *Социологические исследования*. № 10. С. 3-15.

Общие результаты выборочного социологического опроса населения Российской Федерации. 2003. — *Социология власти*. № 1. С. 29-35.

Петражицкий Л.И. 2019. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. В 2 ч. М.: Юрайт. Ч. 1. 237 с. Ч. 2. 343 с.

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. 2020. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия. — *Социологические исследования*. Т. 46. № 1. С. 92-99. <https://doi.org/10.31857/S013216250008327-2>

Попова И.П. 2016. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990-2000-годов. — *Мир России*. Т. 25. № 3. С. 56-75.

Семигин Г.Ю. 2008. *Социальная справедливость и право*. М.: Современная экономика. 197 с.

Социологический анализ правосознания судей, населения и предпринимателей. 2016. Под ред. Г.А. Сатарева. М.: Фонд "Либеральная миссия". 176 с.

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: СТАТУСНО-РОЛЕВЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И.С. Палитай

ПАЛИТАЙ Иван Сергеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: 8321532@gmail.com

Палитай И.С. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 90-100. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.07>

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31432). Руководитель проекта — И.С. Палитай.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2020. Принята к публикации: 08.06.2020

Аннотация. В статье представлены результаты политико-психологического анализа молодого поколения российской политической элиты. Методический комплекс эмпирического исследования включал структурированное интервью, психобиографический метод, контент-анализ текстов, ивент-анализ. С помощью данного инструментария были собраны и обработаны биографические сведения о 279 молодых политиках разного уровня, а их личностные особенности проанализированы в контексте профессиональной деятельности. Анализ биографических сведений стал основанием типологии молодых политиков по параметрам их карьерной траектории и жизненного опыта. Результаты анализа показали, что чаще всего новые представители элиты рекрутируются либо по партийной линии, либо по линии профессиональной деятельности, благодаря которой они становятся заметными. Исключение составляют молодые высокопоставленные сотрудники министерств, продвигающиеся внутри чиновничьей иерархии. Этим молодое поколение политиков отличается от старшего, в котором превалирует рекрутирование во власть через бизнес и через государственную службу. В рамках исследования также был проведен анализ личностных особенностей молодых политиков, который строился на выявлении мотивационного профиля, типа Я-концепции, стиля межличностных отношений и стиля политического поведения. В статье обобщены результаты психологического портретирования по указанным параметрам. В заключении автор приводит выводы о состоянии молодого поколения политиков, дает оценку их личностного потенциала и профессиональных возможностей в современных политических процессах и государственном управлении.

Ключевые слова: политико-психологический анализ, молодое поколение политиков, политическая элита, поколения в политике, статусно-ролевые характеристики, личностные особенности, психологический профиль.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В связи с активным обновлением и “омоложением” политических элит современной России актуализируется потребность в становлении и развитии каналов и механизмов рекрутирования молодежи в политическую элиту, которые способны обеспечить молодыми лидерами и квалифицированными кадрами органы управления на федеральном, региональном и муниципальном

уровнях [Мясоедова 2016]. На политической арене в последние годы появился целый ряд молодых лидеров разного уровня, которые получили свой статус, не имея опыта практической работы и прохождения специальной подготовки для исполнения новой роли [Современная элита... 2015: 71]. Это произошло в основном в результате отказа политической системы от принципа прохождения соискателем всех номенклатурных стадий [Покатов 2019: 80].

Именно эта категория представителей политической элиты стала объектом нашего исследовательского интереса. Мы пытались выяснить, кто из молодых политиков уже встроен во властную структуру, каковы их социально-демографические и личностные характеристики и как они пришли во власть. Понимание данных аспектов может быть полезным для оптимизации процессов рекрутирования и подготовки политических лидеров из числа молодежи. Исследование “Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ” было проведено осенью 2019 г. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Категория “политическая элита” давно и хорошо разработана в политической науке [Ашин 2005; Blondel, Muller-Rommel 2007; Гаман-Голутвина 2016; Domhoff et al. 2018]. В самом широком смысле под таковой понимается высшая страта, определяющая, каким образом функционирует и развиваются общество и его отдельные подсистемы [Ашин 2005: 23]. На сегодняшний день можно также говорить о том, что политическая элита включает в себя лидеров, которые благодаря силе своего интеллекта и духа могут мобилизовать общество на выполнение стратегических и тактических замыслов [Шарков, Понеделков, Воронцов 2017: 526]. Зачастую эти люди обладают значимым общественным положением, достигнутым ими благодаря своим особым профессиональным качествам и личностным способностям.

Вследствие важности для общества данной категории людей всегда достаточно остро стоят вопросы ротации элиты и механизмов ее обновления (см., например, [Genieys 2010; Parliamentary Elites... 2013; Батанина, Воронцов, Понеделков 2017]). Что же касается молодого поколения, то и в нашей стране, и за рубежом детально изучены вопросы вовлечения молодежи во властные структуры [Цюник 2016; Locle 2017; Warren 2019] или ее участия в политике [Попова 2017; Henn, Oldfield, Hart 2018; Sloam, Henn 2019]. Однако сложно говорить о наличии концептуальных оснований для изучения молодого поколения политической элиты. Существует лишь небольшое число публикаций, описывающих те или иные стороны данного феномена (см., например, [Mishler, Rose 2007; Олейник 2008; Мясоедова 2016]).

Для создания комплексной концептуальной модели анализа молодого поколения политической элиты, на наш взгляд, оптимален политико-психологический подход [Человеческий капитал... 2012; Современная элита... 2015; Шестопап 2016; Палитай 2019], поскольку объяснить происходящие перемены и отследить их источники в условиях быстро протекающих изменений практически невозможно, если основываться только на институциональном подходе [Гаман-Голутвина 2016: 49; см. также: Gaman-Golutvina 2007; Gaman-Golutvina 2018]. В силу высокой степени персонификации политики введение в анализ дополнительных переменных, связанных с психологическими характеристиками людей, стоящих за принятием тех или иных решений, позволит не только оценить ситуацию с точки зрения формальных критериев, но и учесть

субъективные характеристики, которые при стандартном политологическом анализе обычно опускаются.

Разработанная на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова методология комплексного политико-психологического анализа политической элиты [Человеческий капитал... 2012; Современная элита... 2015] была нами адаптирована для изучения молодого поколения политиков. Данная модель анализа учитывала субъект-объектный характер молодежи в политике, совмещая тем самым политико-институциональные и психологические принципы исследования. Таким образом, молодые политики рассматривались нами и как отдельные индивиды, оказывающие на политическую систему воздействие, суть и природа которого во многом зависят от личностных особенностей, и как поколенческая общность, испытывавшая на себе влияние различных институтов политической социализации.

Такой подход потребовал от нас, во-первых, изучения жизненного пути представителей молодого поколения политической элиты, а во-вторых — анализа их личностных особенностей. Для решения этих задач мы применили *биографический метод*, позволяющий изучить основные этапы жизни человека с учетом их внутренней динамики [Логунова 2016]. Этот анализ позволил создать психологические профили представителей молодой политической элиты, которые рассматривались методом *кейс-стади*. В исследовании использовался *и метод контент-анализа* спонтанных текстов политиков для выявления их мотивационной ориентации [Winter 2016], а также применялся *метод наблюдения*, предметом для которого выступали поведенческие акты в целом и психологические проявления личности в них [Ракитянский 2011: 159–174]. Для целей *контактной диагностики*, позволяющей изучать объект при непосредственном взаимодействии с ним, нами использовался *метод глубинного интервью*, относящийся к опросным методам сбора информации [там же: 153–158].

МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Модель исследования предполагала изучение молодых политиков с двух позиций: (1) “внешняя”, в рамках которой анализировались карьерные траектории и определялись способы прихода во власть с целью выявить тенденции в данном процессе; (2) “внутренняя”, подразумевавшая анализ личности отдельных представителей молодого поколения политиков.

В рамках модели в структуре личности нами были выделены элементы, от которых зависит политическая деятельность. В качестве таковых были выбраны характеристики, использованные Дж. Макгрегором Бернсом [Burns 2006]: (1) *мотивы поведения* как причины активности человека в политической сфере: мотив власти (нацеленность на влияние и престиж), достижения (нацеленность на превосходство), аффилиации (нацеленность на тесные отношения с другими); (2) *Я-концепция* — динамическая система представлений человека о самом себе, которую можно охарактеризовать степенью сложности и адекватностью самооценки; (3) *стиль межличностных отношений*, характеризующийся степенью экстравертности с точки зрения личной включенности в политику и уровнем доминирования в различных процессах; (4) *стиль политического поведения* как способ взаимодействия с коллегами и обществом: “агитатор” (пристрастие к публичным выступлениям и эпистолярной деятельности), “администратор” (управленческие качества), “теоретик” (“интеллектуализация” деятельности, приверженность к обобщению и рассуждениям).

Направление исследования было обозначено следующими гипотезами:

1) молодое поколение политиков во многом характеризуется прагматичностью: их карьерная траектория и приход во власть не носят случайный характер, а являются результатом целенаправленного движения;

2) вследствие сформированного федеральной властью запроса на политиков-технократов среди молодых лидеров достаточно много “администраторов” — людей, имеющих скорее склонности к кабинетной работе и исполнительской деятельности, нежели к систематизации информации и выработке стратегий;

3) молодое поколение отличают амбициозность и уверенность в своих силах, что проявляется в их мотивационном профиле. Мы предположили, что преобладающим будет мотив достижения либо мотив власти. При этом мотив аффилиации и умение выстраивать коммуникацию на основе обратной связи (в том числе и с населением) будет проявляться у молодых политиков не так сильно.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Были проанализированы биографические сведения о 279 молодых политиках (в возрасте до 40 лет) федерального и регионального уровней. В число первых вошли все молодые депутаты Государственной Думы (далее — ГД) и высокопоставленные сотрудники министерств (всего 74 человека), в число последних — депутаты законодательных собраний из 28 субъектов РФ, взятых из всех федеральных округов (всего 205 человек; при этом нами отбирались те субъекты, в которых доля молодых политиков максимальна по сравнению с другими субъектами того же федерального округа).

93

Типология представителей молодого поколения политической элиты

В результате проведения статусно-ролевого анализа молодого поколения политической элиты нами была разработана типология политиков, в качестве основания которой была взята карьерная траектория молодых политиков до их прихода во власть (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Типология представителей молодого поколения политической элиты, %
Typology of the Young Generation of the Political Elite, %

Тип	Категория политиков	Депутаты региональных зак. собраний	Депутаты ГД РФ	Высокопоставленные сотрудники министерств
Профессионал		46,8	21,0	5,6
Партиец		10,0	44,7	—
Бизнесмен		8,0	5,2	16,7
Чиновник		7,5	7,8	66,0
Общественный деятель		6,5	2,6	—
Публичная персона		1,0	7,9	—
Политик		5,0	2,6	—
Совместитель		15,2	8,2	8,1

В качестве основных типов мы выделили следующие:

— *“Профессионал”*. К данному типу отнесены люди, профессионально занимавшиеся какой-то деятельностью, не связанной с политикой (исключены случаи с собственным бизнесом). Таковых оказалось большинство среди региональных законодателей — 46,8%, среди всех политиков федерального уровня — 13,5% (21% среди депутатов ГД и 5,6% — в министерствах). Именно профессиональные достижения позволили этим людям быть замеченными и начать подниматься во властной иерархии.

— *“Партиец”*. Это тип молодых людей, начавших свою деятельность в той или иной партии и постепенно продвигавшихся по карьерной линии. Среди депутатов ГД РФ представителей этого типа большинство — 44,7%. В регионах этот тип среди законодателей встречается реже (10%), но все же второй по частоте проявления. В министерствах сотрудников данного типа выявлено не было.

— *“Бизнесмен”*. Это представители политической элиты, в прошлом имевшие свой бизнес. Таковых 8% в регионах, 5,2% среди депутатов ГД и 16,7% от всех молодых высокопоставленных сотрудников министерств.

— *“Чиновник”*. Данный тип представлен людьми, работавшими на государственной службе. Разумеется, таковых абсолютное большинство среди высокопоставленных сотрудников министерств — 66%. Среди депутатов как федерального (ГД), так и регионального уровня бывших госслужащих порядка 7,5%.

— *“Общественный деятель”*. Этот тип весьма слабо представлен среди молодых депутатов ГД VII созыва (2,6%). В министерствах наше исследование таковых не выявило, а среди региональных депутатов бывших общественных деятелей 6,5% (некоторые продолжают вести эту работу).

94 — *“Публичная персона”*. Так мы назвали бывших спортсменов, актеров, телеведущих и пр. публичных персон. Их в ГД оказалось 8% от всех молодых депутатов. На региональном уровне публичных персон в политике лишь 1% от исследуемого нами массива. В министерствах данный тип не представлен.

— *“Политик”*. Мы посчитали нужным выделить отдельно этот тип, разведя партийную деятельность и иные формы включения в политическую сферу (сюда мы относили членов и председателей молодежных парламентов, молодежных палат и т.п.). В регионах таковых оказалось больше, чем на федеральном уровне, а именно 5 против 2,6%.

— *“Совместитель”*. Этот тип объединяет людей, которые одновременно занимались несколькими видами деятельности, из которых проблематично выявить ведущий. На региональном уровне таковых 15,2%, на федеральном — 16,6%. Интересно, что самый многочисленный вид совмещения среди депутатов любого уровня — партийная и профессиональная деятельность, ведущиеся параллельно.

Что бы ни было истинной причиной прихода во власть, мы полагаем, что полученные данные подтверждают первую из наших гипотез: молодое поколение политиков характеризуется достаточно высоким уровнем прагматизма. Практически никто не пришел в политику случайно. Их текущая позиция — результат целеустремленного движения в данном направлении (либо самостоятельного, либо в контексте общих тенденций, о которых будет сказано ниже).

Личностные особенности представителей молодого поколения политической элиты

Проведенный анализ биографических сведений позволил нам не только выявить способы прихода молодых политиков во власть, но и получить их

социально-демографический профиль [Палитай, Майорова 2019], на основе которого нами был составлен собирательный образ молодого представителя политической элиты.

Так, молодой депутат федерального или регионального уровня — это мужчина (84%) 36–40 лет (48%), родившийся и выросший в городе (58%) и большую часть жизни занимавшийся профессиональной (42%) либо партийной деятельностью (15%). В дополнение к высшему образованию гуманитарного типа (27%) у него, вероятнее всего, есть второе образование, либо он проходил курсы повышения квалификации (49%).

Типичного высокопоставленного работника министерства из исследуемого нами пула мы можем описать как мужчину (69%), горожанина по рождению и месту социализации (94%), старше 35 лет (64%), скорее всего, с двумя высшими образованиями (64%), первое из которых — экономическое (36%). Вероятнее всего, у этого человека степень кандидата наук (43%). Большую часть своей жизни он проработал на государственной службе (67%).

Эти обобщенные образы мы дополнили построенными в ходе исследования политико-психологическими профилями 15 молодых политиков, отобранных по принципу соответствия обозначенным социально-демографическим показателям и максимального количества информации о человеке, имеющейся в открытом доступе. Основные элементы профилей были сведены нами в табл. 2.

Таблица 2 (Table 2)

Личностные особенности представителей молодого поколения политиков
Personal Characteristics of Representatives of the Young Generation of Politicians

Объект исследования	Преобладающие мотивы	Тип Я-концепции / степень адекватности самооценки	Стиль межличностных отношений	Стиль политического поведения
Политик 1	Мотив достижения, мотив власти	Сложная Я-концепция / завышенная самооценка	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Администратор
Политик 2	Мотив достижения, мотив власти	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Администратор
Политик 3	Мотив власти, мотив достижения	Сложная Я-концепция / завышенная самооценка	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Администратор
Политик 4	Мотив достижения, мотив власти	Сложная Я-концепция / завышенная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Администратор
Политик 5	Мотив достижения, мотив власти	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Интроверт с высоким уровнем доминирования	Агитатор, администратор
Политик 6	Мотив достижения, мотив аффилиации	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Администратор

Объект исследования	Преобладающие мотивы	Тип Я-концепции / степень адекватности самооценки	Стиль межличностных отношений	Стиль политического поведения
Политик 7	Мотив affiliation, мотив достижения	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Администратор, теоретик
Политик 8	Мотив достижения, мотив власти	Простая Я-концепция / заниженная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Теоретик
Политик 9	Мотив власти, мотив affiliation	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Интроверт с высоким уровнем доминирования	Агитатор
Политик 10	Мотив affiliation, мотив достижения	Сложная Я-концепция / завышенная самооценка	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Агитатор
Политик 11	Мотив достижения, мотив affiliation	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Интроверт с низким уровнем доминирования	Администратор
Политик 12	Мотив достижения, мотив власти	Простая Я-концепция / завышенная самооценка	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Администратор
Политик 13	Мотив достижения, мотив власти	Простая Я-концепция / завышенная самооценка	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Агитатор
Политик 14	Мотив достижения, мотив власти	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Администратор
Политик 15	Мотив достижения, мотив affiliation	Сложная Я-концепция / заниженная самооценка	Экстраверт с низким уровнем доминирования	Агитатор

Приведенные результаты анализа личностей молодых политиков носят иллюстративный характер, поскольку говорить о собирательном политико-психологическом профиле весьма затруднительно в силу ограниченной выборки и большого количества переменных, на которых он строится. Однако даже такой анализ позволяет нам отметить некоторые тенденции.

Как видно из таблицы, чаще других в мотивационном профиле встречается сочетание мотива власти и достижения. Что же касается мотива affiliation, то он находится обычно на последнем месте, проявляясь весьма слабо. Среди молодого поколения люди с завышенной самооценкой хоть и не составляют большинства (по крайней мере, в наших кейсах), но все же встречаются чаще, чем среди политиков старшего поколения, исследование которого проводилось ранее [Шестопал, Селезнева 2012: 96]. То же самое можно сказать про экстравертированность, что свидетельствует о готовности молодых лидеров браться за амбициозные задачи и крупномасштабные проекты.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Поколенческие особенности молодых политиков и условия их социализации проявились в весьма прагматичном взгляде на свою карьеру, в которой явным трендом является целенаправленное движение в большую политику. Несмотря на то что первые шаги в политике сделаны многими еще в студенческие годы либо в самом начале их трудовой деятельности, опыт работы в политической сфере далеко не всегда релевантен задачам, которые молодым политикам приходится решать на занимаемых ими позициях (особенно это характерно для региональных законодателей). Исправить это можно через создание единой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации молодых политиков с разноуровневой системой стажировок и наставничества. Что же касается существующей системы рекрутинга, то заложенные в нее параметры отбора нуждаются в корректировке.

Обилие “партийцев” во многом может быть связано с рядом факторов, которые в нашем исследовании остались за скобками. Речь идет о таких тенденциях отечественного элитогенеза, как теневи́зация, этни́зация и профес-сионализация, т.е. усиление роли теневых технологий в рекрутинге, принадлежности к этническим и конфессиональным группам, а также наличия профессионального опыта (подробнее см. [Соловьев 2010: 104-105]). Не стоит забывать и о тенденциях к самовоспроизводству правящей элиты, т.е. о ее аристократизме (вхождение во власть по принципу родства с действующими политиками и высокопоставленными персонами), а также об аффилированности с крупными корпоративными игроками, из-за чего усиливается роль патрон-клиентских отношений и сетевого менеджмента. Обозначенные факты превращают партию в один из самых простых способов “ввода нового игрока” в большую политику, что и ведет к расширению типа “партиец”. Если учесть, что в России сформировался политический режим, при котором партии утратили возможность возникновения “снизу” [Макаренко, Локшин 2015] и являются лишь “имитацией существования публичной политики и учета в принятии политических решений мнения различных социальных групп” [Попова 2011: 100], то текущая ситуация, при которой процесс рекрутирования элиты утратил связь с гражданским представительство́м, может ухудшиться.

Полностью подтвердилась гипотеза о том, что среди молодых политиков превалирует стиль поведения “администратор”, что, возможно, отражает запрос власти на политиков-технократов. Отметим, что, хотя “администраторы” по складу ума и являются лучшими исполнителями, на наш взгляд, такая тенденция не оптимальна, поскольку в периоды турбулентности и кризиса, которыми характеризуется наша жизнь, значимым становится умение “интеллектуализировать” свою деятельность за счет всестороннего анализа текущей ситуации и выработки стратегии дальнейших действий. Немного исправить ситуацию может тот факт, что у большинства молодых политиков сложная Я-концепция и порядка трети имеют гуманитарное образование. Предположительно это позволяет им слышать советы и мнения экспертов, а также быстро встраиваться в новые тренды российской политики.

Гипотеза о том, что в деятельности молодых политиков превалируют мотивы власти или достижения при слабо проявляющемся мотиве аффилиации, также нашла свое подтверждение. На наш взгляд, подобного рода соотношение мотивов не оптимально для людей из сферы публичной политики, поскольку говорит о нацеленности на результат, но без налаживания отношений с коллегами и партнерами. Можно предположить, что этим молодым людям

сложно будет выстраивать коммуникацию не только с коллегами, но прежде всего с населением. Усложнить ситуацию при этом может завышенная самооценка молодых политиков, которая делает их нечувствительными к социальным стимулам и неспособными осуществлять обратную связь в межличностном общении. Данная категория людей склонна к копированию различных форм самопрезентации (прежде всего — президента страны В.В. Путина) без должной адаптации к собственным личностным качествам и профессиональному опыту. Как результат, среди молодого поколения политиков может стать распространенной управленческая неэффективность и даже беспомощность в оперативном реагировании на складывающуюся ситуацию.

Таким образом, в данном исследовании получила подтверждение гипотеза о недостаточности институционального или структурно-функционального измерения при изучении элиты и ее отдельных когорт. Политико-психологический подход позволяет выявить личностно ориентированные показатели, которые могут быть полезными при оптимизации системного подхода к вопросу рекрутирования и обучения молодых кадров, столь актуального в настоящее время.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.07

THE YOUNG GENERATION OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE: STATUS AND PERSONAL CHARACTERISTICS

I.S. Palitay¹

¹*Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

98

PALITAY, Ivan Sergeevich, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, email: 8321532@gmail.com

Palitay I.S. The Young Generation of the Russian Political Elite: Status and Personal Characteristics. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 90-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.07>

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the autonomous non-profit organization “Expert Institute of Social Researches” in the framework of the scientific (project No. 19-011-31432).

Received: 04.03.2020. Accepted: 08.06.2020

Abstract. The article presents the results of a political-psychological analysis of the young generation of Russian political elite, which has recently been undergoing a transformation. The author describes the main methodological instruments of empirical study, which include a structured interview, the psychobiographical method, content analysis of texts, and event-analysis. Using these methods, the author has collected and processed biographical information from 292 young politicians across various levels. An analysis made it possible to compose a typology of young politicians, based on their career path and life experience. The typologization of results shows that, most often, young people come into the political elite either through the party line, or from their main professional field through which they gain some visible traction. The exception is young high-ranking officials of the ministries, who are moving into elite positions through successive stages of service as officials. This distinguishes the young generation of politicians from the older one, who were recruited through business or public service. As part of the study, an analysis of the personality characteristics of young politicians was also carried out, which was based on a motivational profile, a self-concept, the style of interpersonal relations, and the style of political behavior. The article presents the generalized results of these psychological portraits along the aforementioned parameters. In conclusion, the author summarizes the finding about the state of the young generation of politicians, and provides an assessment of their personal potential and professional capabilities in modern political processes and public administration.

Keywords: political and psychological analysis, the young generation of politicians, political elite, generations in politics, status-role characteristics, personality traits, psychological profile.

References

- Blondel J., Muller-Rommel F. 2007. Political Elites. — *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press. P. 818-882. <http://10.1093/oxford-hb/9780199270125.003.0044>
- Burns J.M. 2006. *Running Alone: Presidential Leadership from JFK to Bush II: Why It Has Failed and How We Can Fix It*. New York: Basic Books. 278 p.
- Gaman-Golutvina O. 2007. Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies. — *Comparative Sociology*. Vol. 6. No. 1-2. <https://doi.org/10.1163/156913307X208140>
- Gaman-Golutvina O. 2018. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. — *Historical Social Research*. Vol. 43. No. 4. P. 141-163. <https://doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163>
- Genieys W. 2010. *The New Custodians of the State: Programmatic Elites in French Society*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 213 p.
- Domhoff G.W. et al. 2018. *Studying the Power Elite: Fifty Years of Who Rules America?* N.Y.: Routledge. 212 p.
- Henn M., Oldfield B., Hart J. 2018. Postmaterialism and Young People's Political Participation in a Time of Austerity. — *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 3. P. 712-737. <http://doi.org/10.1111/1468-4446.12309>
- Locle P. 2017. *L'Europe de la jeunesse: Enjeux et pratiques des politiques publiques*. Rennes: EHESP. 192 p.
- Mishler W., Rose R. 2007. Generation, Age, and Time: the Dynamics of Political Learning during Russia's Transformation. — *American Journal of Political Science*. Vol. 51. No 4. P. 822-834. <http://jstor.org/stable/4620102>
- Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe*. Ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. 2013. London: Routledge. 322 p.
- Sloam J., Henn M. 2019. Rejuvenating Politics: Young Political Participation in a Changing World. — *Youthquake 2017. The Rise of Young Cosmopolitans in Britain*. Cham: Palgrave Pivot. P. 17-42. http://10.1007/978-3-319-97469-9_2
- Warren S. 2019. *Generation Citizen: The Power of Youth in Our Politics*. Ojai, CA: Counterpoint Press. 384 p.
- Winter D. 2016. *Manual for Scoring Motive Imagery in Running Text (and Related Materials)*. Ann Arbor: Michigan University Press. 266 p. <http://hdl.handle.net/2027.42/117563>
- Ashin G.K. 2005. The Concept of "Elite" and Its Role in Political Research. — *Russian Journal of Philosophical Sciences*. No. 7. P. 23-43. (In Russ.)
- Batanina I.A., Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V. 2017. About the State and Mechanisms of Recruiting of the Modern Russian Political Elite. — *Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences*. No. 3. P. 3-15. (In Russ.)
- Chelovecheskii kapital politicheskoi elity v Rossii. Politiko-psikhologicheskii analiz* [The Human Capital of the Political Elite in Russia. Political and Psychological Analysis]. 2012. Ed. by E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. Moscow: ROSSPEN. 344 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. 2016. Political Elites as an Object of Research in National Political Science. — *Political Science (RU)*. No. 2. P. 38-73. (In Russ.)
- Logunova L.Yu. 2016. Biographical Method in the Study of Personality: Methodology and Architectonics. — *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*. No. 1. P. 17-23. (In Russ.)
- Makarenko B.I., Lokshin I.M. 2015. Modern Party Systems: Scenarios of Evolution and Trends of Development. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 85-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.06>
- Myasoedova V.A. 2016. Formation of the Institute of Youth Political Elite in the Context of Political Transformation in the Russian Federation. — *RUDN Journal of Political Science*. No. 4. P. 19-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2016-4-19-28>
- Oleinik A.N. 2008. Generational Change in the Elite and the Stability of the Socio-Political System. — *Otechestvennye zapiski*. No. 4. P. 237-252. (In Russ.)
- Palitay I.S. 2019. The Young Generation of Politicians in Modern Russia: a Political and Psychological Approach to Research. — *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*. No. 3. P. 7-22. (In Russ.)
- Palitay I.S., Mayorova M.A. 2019. Young Generation of the Russian Political Elite: Socio-Demographic Profile. — *Bulletin of Moscow State Linguistic University*. No. 4. P. 160-173. (In Russ.)
- Pokatov D.V. 2019. Recruiting of the Modern Russian Political Elite as a Rotation of Political and Administrative-Corporate Elite Groups. — *Power and Elites*. Vol. 6. No. 1. P. 71-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.5>
- Popova O.V. 2011. Political and Party Landscape in the New Electoral Cycle. — *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*. No. 3. P. 100-107. (In Russ.)
- Popova O.V. 2017. Political Consciousness of Today's Russian Young People. — *Political Science (RU)*. No. 1. P. 138-162. (In Russ.)
- Rakityansky N.M. 2011. *Lichnost' politika: teoriya i metodologiya psikhologicheskogo portretirovaniya* [Politics Personality: Theory and Methodology of Psychological Portraiture]. Moscow: Moscow University Press. 264 p. (In Russ.)

Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A. 2017. Challenges for Today's Russian Political Elite, and Ways to Address Them. — *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 17. No. 4. P. 524-541. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-524-541>

Shestopal E.B. 2016. Elites and Society as Political Actors in Post-Soviet Russia. — *Sociological Studies*. No. 5. P. 35-43 (In Russ.)

Shestopal E.B., Selezneva A.V. 2012. Psychological Analysis of the Russian Political Class. — *Bulletin of the RHF*. No 1. P. 91-98. (In Russ.)

Solovyev A.I. 2010. Russian Elitogenesis: Universal and Specific. — *Problem Analysis and Public Administration Projection*. Vol. 3. No. 3. P. 99-112. (In Russ.)

Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskii analiz [Modern Elite of Russia: Political and Psychological Analysis]. 2015. Ed. by E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. 448 p. (In Russ.)

Tsyunik D.A. 2016. Primaries in Russia — the Opportunity to Return the Interest of Young People to Participate in the Political Process. — *PolitBook*. No. 2. P. 95-106. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ашин Г.К. 2005. Понятие “элиты” и его роль в политических исследованиях. — *Философские науки*. № 7. С. 23-43.

Батанина И.А., Воронцов С.А., Понеделков А.В. 2017. О состоянии и механизмах рекрутинга современной российской политической элиты. — *Вестник Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 3. С. 3-15.

Гаман-Голутвина О.В. 2016. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. — *Политическая наука*. № 2. С. 38-73.

Логунова Л.Ю. 2016. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура. — *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. № 1. С. 17-23.

Макаренко Б.И., Локшин И.М. 2015. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 85-109. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.06>

Мясоедова В.А. 2016. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации. — *Вестник РУДН, серия Политология*. № 4. С. 19-27. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2016-4-19-28>

Олейник А.Н. 2008. Смена поколений в элите и стабильность социально-политической системы. — *Отечественные записки*. № 4. С. 237-252.

Палитай И.С., Майорова М.А. 2019. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль. — *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. № 4. С. 160-173.

Палитай И.С. 2019. Молодое поколение политиков в современной России: политико-психологический подход к исследованию. — *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. № 3. С. 7-22.

Покатов Д.В. 2019. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп. — *Власть и элиты*. Т. 6. Вып. 1. С. 71-97. <https://doi.org/10.31119/pre.2019.6.1.5>

Попова О.В. 2011. Политико-партийный ландшафт в новом электоральном цикле. — *Вестник СПбГУ. Серия 6*. Вып. 3. С.100-107.

Попова О.В. 2017. Особенности политического сознания современной российской молодежи. — *Политическая наука*. № 1. С. 138-162.

Ракитянский Н.М. 2011. *Личность политика: теория и методология психологического портретирования*. М.: Издательство Московского университета. 264 с.

Современная элита России: политико-психологический анализ. 2015. Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 448 с.

Соловьев А.И. 2010. Российский элитогенез: универсальное и специфическое. — *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. № 3. Т. 3. С. 99-112.

Цюник Д.А. 2016. Праймериз в России — возможность вернуть интерес молодежи к участию в политическом процессе. — *PolitBook*. № 2. С. 95-106.

Человеческий капитал политической элиты в России. Политико-психологический анализ. Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. 2012. М.: РОССПЭН.

Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А. 2017. О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения. — *Вестник РУДН. Серия: Социология*. Т. 17. № 4. С. 524-541. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-4-524-541>

Шестопал Е.Б. 2016. Элиты и общество как политические акторы постсоветской России. — *Социологические исследования*. № 5. С. 35-43.

Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. 2012. Психологический анализ российского политического класса. — *Вестник РГНФ*. № 1. С. 91-98.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.08

“РОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНИНА”: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РОССИЙСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

А.В. Селезнева, А.А. Азарнова

СЕЛЕЗНЕВА Антонина Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: ntonina@mail.ru; **АЗАРНОВА Анна Алексеевна**, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, email: aa.azarnova.1996@gmail.com

Селезнева А.В., Азарнова А.А. “Рождение гражданина”: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 101-113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33031 “Гражданственность российских старшеклассников как политико-психологический феномен: ценностные основания и механизмы формирования”.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2020. Принята к публикации: 12.05.2020

Аннотация. В статье представлены результаты политико-психологического исследования современных российских старшеклассников, ориентированного на выявление совокупности свойств, определяющих особенности их гражданственности. Теоретическую основу исследования составил политико-психологический подход, в рамках которого гражданственность определяется совокупностью когнитивных, ценностно-мотивационных, эмоциональных и поведенческих компонентов личности и выражается в ее взаимоотношении с государством и обществом. Сбор, обработка и анализ эмпирических данных проводились с помощью комплекса количественных и качественных методов, включавшего в себя формализованные интервью, проективные методы (неоконченные предложения, психологический рисунок), экспертный опрос. На основе анализа эмпирических данных были выявлены структурно-содержательные характеристики гражданственности учащихся общеобразовательных организаций в возрасте 15-18 лет. Показано, что молодые люди имеют когнитивно бедные, противоречивые и стереотипные представления о России, ее социальном и политическом устройстве и взаимоотношениях с внешним миром. Они испытывают смешанные чувства в отношении личного будущего (скорее положительные) и будущего страны (скорее отрицательные). У них слабо выражены поведенческие установки на гражданское участие, что обусловлено отсутствием интереса к проявлению социальной активности и неверием в общественную значимость и целесообразность этой деятельности. Образно-символическое пространство гражданственности школьников отличается относительной пустотой, в нем недостаточно общепризнанных примеров образцового гражданина и объектов гордости за страну. Выявлено, что когорта российских старшеклассников неоднородна в ценностно-эмоциональном отношении: налицо размежевания по ориентациям на ценности выживания и ценности самовыражения, а также по эмоциональному отношению к России-стране (позитивное) и России-государству (негативное). Гражданственность российских старшеклассников находится на среднем уровне развития, что обусловлено неэффективной деятельностью институтов и факторов социализации. Проблемы гражданско-патриотического воспитания школьников во многом

обусловлены противоречиями всей государственной политики по формированию гражданственности молодежи в современной России.

Ключевые слова: гражданин, гражданственность, старшеклассники, политическая социализация, политические ценности, политические представления, символы, социальная активность, гражданское участие, патриотическое воспитание.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Больше полувека назад выдающийся советский педагог Василий Александрович Сухомлинский в книге “Рождение гражданина” писал: “...сила и эффективность патриотического воспитания определяется тем, как глубоко идеи Родины овладевают личностью, насколько ярко видит человек мир и самого себя глазами патриота” [Сухомлинский 1971: 210]. С тех пор в нашей стране произошли кардинальные политико-экономические и социокультурные изменения, но проблема формирования гражданина не утратила актуальности. В настоящее время в различных нормативно правовых актах определены задачи гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи в России¹, и эта работа жизненно необходима для формирования российской нации.

В контексте рассматриваемой проблемы особое внимание в структуре молодежи привлекает самая юная когорта — учащиеся старших классов. Во-первых, современные школьники 14-18 лет принадлежат к поколению Z, которое только формируется и начинает вступать в общественные отношения. И если социально-психологические особенности поколения миллениалов (Y) уже достаточно хорошо изучены [Радаев 2019] и имеющиеся данные учитываются в работе с ними, то кто такие хоумлендеры (Z), пока еще непонятно. Это определяет задачу их всестороннего изучения, в том числе и анализа процесса становления их гражданского сознания.

Во-вторых, старшеклассники в силу возраста находятся на таком этапе развития личности в онтогенезе, когда происходят значительные изменения в когнитивных и рефлексивных процессах. Еще не оформившееся полностью политическое сознание школьников старших классов в это период наиболее уязвимо для разного рода информационно-психологических воздействий (в том числе и деструктивных). Поэтому для предотвращения всевозможных социокультурных угроз, для выстраивания эффективной работы по гражданскому обучению и патриотическому воспитанию старшеклассников необходимо исследовать актуальное состояние их гражданственности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема гражданственности представлена в научной литературе достаточно широко. Вопросы формирования гражданина рассматриваются в работах зарубежных и российских исследователей с политико-социологических и психолого-педагогических позиций [Schools, Curriculum and Civic Education... 2012; Sandahl 2015; Krupets et al. 2017; Кочетова, Емельянова 2019].

Определение понятийного аппарата исследования гражданственности старшеклассников требует концептуального решения ряда проблемных мо-

¹ См., например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683; Государственная программа “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы”. Утверждена постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493.

ментов, продиктованных “исключительной сложностью явления и неопределенностью категории” [Никифоров, Скалина 2007: 248].

В научной литературе используется целый ряд характеристик для описания человека как субъекта социально-политических отношений: “гражданское самосознание”, “гражданская идентичность”, “гражданская позиция” и прочие, а дефиниции соответствующих понятий зависят от выбранных исследователями концептуально-методологических подходов. В нашем случае представляется релевантным оперировать понятием “гражданственность”, потому что оно присутствует в категориальном аппарате ряда социогуманитарных наук, подчеркивает многоаспектность обозначаемого им феномена и междисциплинарный характер подхода к его исследованию. Данное понятие широко используется также в образовательно-воспитательной практике, представлено в нормативных документах (Законе об образовании, ФГОСах) и психолого-педагогическом дискурсе.

Неоднозначность трактовки понятия “гражданственность” во многом определяется сложностью самого феномена “гражданин”, который “распадается на разные проекции, слабо связанные друг с другом” [Фан 2010: 152]. Мы анализируем личностно-психологическое измерение гражданина, в этом случае гражданственность обозначает его комплексное качество как субъекта социально-политических процессов.

В рамках настоящего исследования мы трактуем *гражданственность* как интегративную характеристику личности, которая определяется ее когнитивными, ценностно-мотивационными, эмоциональными и поведенческими компонентами и выражается в ее взаимоотношении с государством и обществом. Такая трактовка, с одной стороны, опирается на существующее в современном психолого-педагогическом знании представление о гражданственности как сложной комбинации разных психологических качеств и свойств личности [Вакурова 2009]. С другой стороны, подчеркивается социально-политическая проекция личности, направленность ее представлений, эмоций и поведенческих установок на Россию как страну и государство².

Концептуально-методологической основой нашего исследования является политико-психологический подход. В его рамках интегрируются теоретический и инструментальный потенциалы социогуманитарных наук для комплексного изучения гражданственности в предметном поле политической науки. Для анализа структурно-содержательных аспектов гражданственности школьников мы применяем разработки политических психологов в области изучения политического сознания и поведения молодежи [Евгеньева, Нечаев 2014; Попова, Селезнева 2018]. Кроме того, мы опираемся на теории идентичности, в первую очередь на политологическое понимание гражданской идентичности как основы политического самоопределения индивида [Семененко, Лапкин, Пантин 2010: 41]. При анализе особенностей формирования гражданственности мы ориентируемся на положения теории политической социализации [Шестопал 2005; Van Deth, Abendschon, Vollmar 2011], а также на представленные в литературе подходы к ее организационному, содержательному и методическому сопровождению в рамках гражданского

² В политико-психологических исследованиях принято разделять образ страны и образ государства. В первом случае речь идет скорее о пространственно-территориальном и историко-культурном объекте, во втором акцент смещается в сторону политико-институциональных и административно-управленческих характеристик.

обучения и воспитания, трактуемых в самом широком плане [Щербинин 1992; Сидельникова 2005; Verhaegen, Boonen 2016; Ключарёв, Трофимова 2016].

ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве *гипотезы* нашего исследования мы сформулировали предположение о том, что гражданственность современных российских старшеклассников не сбалансирована и внутренне противоречива, ее структурно-содержательные компоненты (когнитивные, эмоциональные, ценностно-мотивационные и поведенческие) сформированы неравномерно, что обуславливает общий невысокий уровень ее развития.

Методология эмпирического исследования опиралась на политико-психологические основания и включала в себя комплекс количественных и качественных методов, инструментов, приемов сбора, обработки, анализа и интерпретации данных (формализованные интервью, проективные методы — неоконченные предложения, психологический рисунок “Россия в виде дома”, экспертные интервью).

Эмпирическую базу исследования составили материалы собранных в июленоябре 2019 г. 750 формализованных интервью и 600 психологических рисунков учащихся старших классов в возрасте 15–18 лет, проживающих в разных субъектах РФ — Москве, Московской, Тульской, Липецкой, Тверской и Иркутской областях, Приморском и Краснодарском краях, республике Северная Осетия-Алания. Дизайн выборки учитывал необходимость изучения социально активных и социально пассивных школьников (47,5% и 42,6% респондентов соответственно)³. Мы не претендовали на получение репрезентативных для страны данных, а концентрировались на выявлении базовых характеристик гражданственности старшеклассников и их экспликации.

Для анализа специфики формирования гражданственности старшеклассников в условиях политической социализации был проведен *экспертный опрос*. Было собрано 15 экспертных интервью с исследователями политической социализации, педагогами общеобразовательных учреждений, сотрудниками органов государственной власти и общественных организаций, занимающихся патриотическим воспитанием, работой со школьниками и молодежью.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ценностные ориентации

Результаты оценочного шкалирования ценностных понятий показали, что наиболее значимыми для российских старшеклассников политическими ценностями являются права человека (79,5%), мир (76,1%), свобода (72,4%), безопасность (72,3%), справедливость (69,6%), порядок (63,1%) и законность (61,2%). Этот ценностный набор, согласно нашим данным, на протяжении последнего десятилетия устойчиво характерен для молодежи в целом [Селезнева, Палитай 2019]. Когорта старшеклассников разделена практически пополам

³ К категории социально активных старшеклассников условно были отнесены опрошенные нами участники специальных мероприятий (например, Всероссийского форума “Альфовец”, выездных образовательных мероприятий РДШ, региональных и федеральных мероприятий Росмолодежи), а также респонденты, указавшие, что являются активистами детских и юношеских организаций (главным образом Юнармии и РДШ, а также таких организаций и движений, как “Ассоциация Витязей”, “Прогрессивная молодежь”, “Волонтеры Победы”, “Союз казачьей молодежи Кубани” и др.). Все остальные респонденты были отнесены к категории социально пассивных школьников.

на тех, кто ориентируется на ценности выживания, и тех, кто ориентируется на ценности самовыражения. Первые не чувствуют себя в безопасности, ощущают страх и неуверенность в завтрашнем дне, у вторых актуализированы социальные и духовные потребности, они с оптимизмом смотрят в будущее. Эту двойственность ценностных ориентаций мы увидели и в рисунках респондентов: в части изображений проявились символические проекции ценности безопасности (надежный замок, забор, крепостная стена, оружие), в другой части — ценностей свободы и прав человека (люди, требующие соблюдения их прав, надписи к рисункам — “нет свободы”, “мало свободы”).

Обратим внимание на ценность патриотизма, которая была своеобразно оценена школьниками. Однозначно высокий уровень значимости она имеет для 25,9% опрошенных; еще для 26,3% опрошенных уровень значимости — достаточно высокий; небольшое значение она имеет для 22,9% старшеклассников; а для 19,9% она вообще не имеет значения (еще для 5,1% опрошенных эта ценность имеет отрицательное значение). При этом 25,6% школьников однозначно считают себя патриотами и еще 42,6% — в целом определяют себя таковыми.

Представления о России:

когнитивные, эмоциональные и символические аспекты

Анализ структуры и содержания *представлений школьников о России* позволил выявить два их типа в зависимости от объекта репрезентации — Россия-страна и Россия-государство. В первом случае респонденты акцентируют внимание на природно-географических, историко-политических и социокультурных особенностях России (большая территория, леса, реки, озера, “русская душа”, православные храмы), во втором — на административно-управленческих и общественно-политических аспектах (отношения между Центром и регионами, институты и лица власти, отношения между властью и народом, полиция, массовые акции граждан).

В административно-территориальном плане школьники видят Россию как государство с неравномерно развитыми субъектами и непропорциональными федеративными отношениями. В ряде рисунков Москва символически занимает значительную часть территории страны и поглощает все ресурсы.

Старшеклассники отразили в рисунках проблемы России, которые они считают наиболее значимыми: это коррупция, отсутствие правосудия, социальное расслоение общества, плохие дороги, инфляция, некачественная медицина. Российское общество представляется школьникам гетерогенным в социально-экономическом плане, оно делится на бедных (люди, народ) и богатых (элита, чиновники). В изображениях отражается также дистанция между властью и народом: они помещены либо в разных домах, разделенных пространством или забором, либо на разных этажах одного дома (народ внизу, власть вверх).

Эмоциональное отношение к России характеризуется полярностью, о чем свидетельствует практически равное количество позитивных и негативных рисунков (29,5 и 25,5% соответственно). На рисунках, отражающих негативное отношение старшеклассников к России, изображены грустные люди, горящие дома, дома разрушенные (или разрушающиеся), окруженные мусором и грязью. На рисунках, выражающих положительные эмоции, представлены красивые дома с занавесками и дымом из трубы, цветы и солнце, улыбающиеся люди и слова с позитивной коннотацией (“дружба”, “мой дом”, “милый дом”).

Наши данные показывают, что половина российских старшеклассников не испытывает *чувства гордости* в отношении своей страны: у 7,6% школьников

ничего не вызывает чувства национальной гордости, а 34,1% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Перечень объектов, вызывающих чувство гордости, довольно короткий и неконкретный: “русский народ” (6,4%), культура и искусство (6,2%), наука (3,9%), Победа в Великой Отечественной войне (2,3%), спорт (2,6%).

Символическое наполнение образа России, представленное в рисунках школьников, составляет стандартный набор географических, социокультурных и политических объектов (Кремль, Волга, Байкал, Амур, флаг, двуглавый орел, православный крест, знак доллара и другие).

О значительной пустоте образного символического пространства России в сознании современных старшеклассников свидетельствует довольно большая доля (52,4%) отказов от ответа на вопрос о том, какие культурные или научные достижения являются символами России (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Символические представления российских старшеклассников о достижениях России
Symbolic Representations of Russian High School Students about the Achievements of Russia

Категории	%	Категории	%
Наука и технологии	16,5	Путин В.В.	0,8
Культура и искусство	12,8	Образование	0,7
Оборона, армия и вооружение	3,7	Победа в Великой Отечественной войне	0,7
Спорт	2,3	Природные ресурсы и полезные ископаемые	0,4
Государственные символы	1,6	Медицина	0,2
Территория и природные условия	1,2	Другое	6,7
Нет ответа			52,4

Обобщенный перечень символических представлений о достижениях России (см. табл. 1) показывает, что помимо собственно научно-технологических и культурных достижений школьники отмечают успехи в спорте, обороне, образовании, медицине, военные победы, а также объективно присущие нашей стране особенности (территория, природные условия, полезные ископаемые). В символическом ряду присутствуют также В.В. Путин и современные российские государственные символы (герб, гимн, флаг).

Представления старшеклассников о гражданстве

Когнитивный уровень представлений старшеклассников о гражданстве в первую очередь выражается смысловыми конструктами, которые характеризуют формальные отношения человека и государства: “закон” (14,0%), “права и обязанности” (8,6%), “формальный статус” (10,3%), “власть” (0,7%). В этом случае представления о гражданстве в сознании школьников раскрываются в политико-правовом ракурсе.

Другая группа смысловых конструктов определяет категорию “гражданин” в представлениях старшеклассников в пространственно-территориальном и социокультурном аспектах: “территория” (22,2%), “история и культура” (3,5%), “народ” (0,2%).

Эмоционально-оценочный уровень представлений о гражданине выражается следующими смысловыми единицами: “законопослушный”, “неравнодушный”, “порядочный”, “честный”, “справедливый”, “активный”.

Организационный уровень представлений включает в себя определенные поведенческие ориентации. Обобщая полученные данные, можно отметить, что в представлениях о гражданине скорее преобладают ориентации на действия, причем как активные и инициативные — соблюдать законы (20,4%), участвовать в общественно-политической жизни (8,2%), помогать стране, региону, людям (7,5%), выполнять обязанности (5,5%), так и пассивные или формальные — иметь гражданство (15,7%), проживать на территории страны (12,5%), иметь права (5,5%).

Важную роль в процессе гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения играют образцы гражданственности, на которые ориентируются молодые люди. Наши данные показывают, что только 42,1% старшеклассников в том или ином виде могут обозначить, кто для них является образцовым гражданином, примером гражданственности. Более половины респондентов (57,9%) затруднились ответить на этот вопрос. Типологизация ответов респондентов о примерах гражданственности позволяет увидеть, что, с одной стороны, набор вариантов образцовых граждан в представлениях старшеклассников достаточно широк — от государственных и политических деятелей разных эпох до собственных родственников (см. табл. 2). С другой стороны, список конкретных личностей, которые были упомянуты в более чем одном проценте случаев, довольно короткий, а вошедшие в него деятели прошлого или современные персоны представлены небольшими долями. Это затрудняет их категоризацию в качестве более или менее значимых примеров гражданственности и патриотизма (см. табл. 3).

107

Таблица 2 (Table 2)

Образцы гражданственности для российских старшеклассников (категории)
Civic Consciousness Samples for Russian High School Students (Categories)

Категории	%	Категории	%
Государственные и политические деятели	44,2	Военачальники	4,4
Деятели культуры, науки	15,3	Мои родственники	2,6
Общественные деятели, журналисты	8,0	Герои войн	2,2
Космонавты	5,1	Другое	18,2

Таблица 3 (Table 3)

Образцы гражданственности для российских старшеклассников (конкретные персоны)
Civic Consciousness Samples for Russian High School Students (Persons)

Персоны	%	Персоны	%
Путин	6,4	Ломоносов	1,8
Сталин	3,1	Суворов	1,8
Гагарин	2,4	Столыпин	1,3
Навальный	2,2	Сперанский	1,3

Полученные данные, на наш взгляд, отражают более общую и тревожную тенденцию, связанную с полным отсутствием (или лишь ситуативным наличием) образцов для подражания для молодого поколения в целом.

Эмоции и чувства

Россия как страна и Россия как государство являются объектом разных человеческих чувств, которые в совокупности составляют эмоциональный компонент гражданственности. Если общее эмоциональное отношение к современной России мы обозначили выше, то здесь мы представим спектр чувств, которые испытывают молодые люди в отношении собственного будущего и будущего страны.

Российские старшеклассники испытывают *смешанные чувства, когда думают о будущем*. Если речь идет о личном будущем — это скорее положительные эмоции (надежда, оптимизм, интерес, радость, счастье). Если же речь идет о будущем страны — то эмоции скорее отрицательные (страх, беспокойство, тревога, отчаяние, безысходность). Школьникам свойственно использовать слова, подчеркивающие интенсивность чувств: “исключительно положительные”, “крайний пессимизм” (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Чувства, которые испытывают старшеклассники в отношении будущего, %
High School Students' Feels about the Future, %

Чувства	Свое будущее	Будущее страны
Положительные	42,3	18,5
Отрицательные	24,3	35,2
Амбивалентные	11,1	7,2
Нейтральные	22,3	39,1

Старшеклассники в значительной своей части (примерно от четверти до трети) не задумываются о будущем, поэтому затрудняются выразить свои чувства или объясняют отсутствие ответа на вопрос примерно так: “я не думаю о будущем, живу сегодняшним днем”.

Социальная активность и гражданское участие: формы и мотивация

Уровень социальной активности и гражданского участия российских старшеклассников в целом довольно низкий. Респонденты в большинстве своем (60,3%) считают российскую молодежь социально активной, но слабо ассоциируют себя с ней. Наиболее популярные направления деятельности — научная и творческая работа, ученическое самоуправление и реализация собственных проектов (см. табл. 5, позиции, отмеченные полужирным).

Полученные нами данные, с одной стороны, можно объяснить объективными условиями жизнедеятельности старшеклассников — отсутствием, в силу несовершеннолетия, полного спектра политических прав и свобод, зависимостью от родителей, интенсивностью учебной деятельности, необходимостью сдачи ОГЭ и ЕГЭ. С другой стороны, есть иные внутренние и внешние причины, мотивирующие школьников участвовать или не участвовать в жизни школы, местного сообщества, региона, страны.

Проявлять социальную активность школьников больше всего побуждают интерес и гражданско-патриотическая позиция (“внести вклад в развитие страны”,

“помочь школе и станице”) — по 14,6%. Эти же мотивы, только с противоположным смыслом, работают и в отношении социальной пассивности: “неинтересно” (9,3%) и “все равно ничего не изменится” (5,1%). Гражданскому неучастию способствуют и другие факторы: личностные особенности и обстоятельства (лень, отсутствие времени, возраст, страх неудачи, неуверенность в себе) и внешние условия (отсутствие сферы реализации социальной активности или незнание школьников о ее существовании — “у нас в городе такого нет”).

Таблица 5 (Table 5)

**Наиболее популярные направления социальной активности
и гражданского участия российских старшеклассников, %**

*The Most Popular Areas of Social Activity
and Civic Participation of Russian High School Students, %*

Направления социальной активности и гражданского участия (участвую в...)	Регулярно	Иногда	Никогда
...молодежных образовательных форумах	8,1	45,5	46,4
...добровольческой (волонтерской) деятельности	9,2	40,3	50,5
являюсь членом социально ориентированных НКО, молодежных общественных объединений	5,9	8,5	85,6
...выборах	5,1	10,1	84,8
...деятельности молодежного парламента/ правительства	4,5	7,4	88,1
...деятельности политической партии	3,5	3,9	92,6
...вожатской деятельности (педагогические отряды)	6,0	18,8	75,2
реализую собственный проект	14,4	28,8	56,8
...поисковой деятельности (военно-патриотическая деятельность)	4,8	13,3	81,9
...научных и/или творческих коллективах	22,6	36,5	40,8
занимаюсь студенческим/ ученическим самоуправлением	12,0	24,1	63,9
другое	28,7	13,4	57,9

Формирование гражданственности в процессе социализации

Формат статьи не позволяет рассмотреть все аспекты процесса формирования необходимых гражданину представлений, ценностных ориентаций и поведенческих паттернов в рамках политической социализации. Обозначим наиболее проблемные моменты, связанные с деятельностью тех институтов и факторов социализации, которые главным образом детерминируют актуальное состояние гражданственности российских старшеклассников.

Во-первых, *средства массовой информации и интернет* играют неоднозначную роль в формировании гражданственности представителей подрастающего поколения. С одной стороны, интернет (80%) и СМИ (42,2%) являются для них основными источниками получения социально-политической информации. По мнению экспертов, доступность и разнообразие их контента создают для школьников широкое поле познавательных возможностей. С другой стороны, интернет-пространство как “среда обитания” молодежи насыщено недостоверными сведениями и материалами деструктивного характера. Старшеклассникам недостает навыков критического анализа информации, а взрослые агенты социализации мало способствуют нивелированию нега-

тивного влияния информационной среды. В частности, эксперты обозначают неосведомленность и некомпетентность родителей, недостаток у них времени (а зачастую и желания) обсуждать с детьми социально-политические проблемы. Поэтому молодые люди самостоятельно ориентируются в неконтролируемом виртуальном пространстве, что приводит к возникновению у них противоречивых представлений и поведенческих установок.

Во-вторых, *школа* как ключевой институт политической социализации подрастающего поколения выполняет свои функции малоэффективно. С одной стороны, она, по мнению экспертов, обладает необходимыми образовательными, воспитательными, методическими и организационными возможностями для формирования гражданственности учащихся. И сами старшеклассники считают, что наиболее эффективными способами формирования их гражданской позиции являются уроки по учебным предметам (47,3%), а также иные образовательные и развивающие проекты и мероприятия. С другой стороны, мы фиксируем невысокий уровень доверия мнению учителей (20,4%) со стороны школьников, невостребованность школы как источника актуальной для старшеклассников социально-политической информации (10,4%). Эксперты считают, что эффективной деятельности по гражданскому обучению и воспитанию в школе препятствуют чрезмерные формализм и стандартизация, превращение образования в сферу услуг, нечеткость воспитательных ориентиров и недостаточная компетентность учителей.

В-третьих, одним из факторов неоднозначного влияния на сознание современной молодежи является *массовая культура*. Старшеклассники указывают, что социальные и политические проблемы более всего отражены в кинофильмах (54,4%), книгах (35,6%) и музыкальных композициях (26,3%). Эксперты придерживаются схожего мнения и считают, что кинофильмы и литературные произведения имеют возможность представлять образы настоящих граждан как примеры для подражания. Вместе с тем в предпочтениях школьников значительно преобладают зарубежные произведения, несущие порой чуждые для нашей культуры идеи и ценности. А в отношении отечественных фильмов эксперты отмечают, что они не должны носить “заказной” характер, а их авторы/создатели сами должны “разделять принципы и ценности гражданственности”.

Выводы

Гражданственность старшеклассников находится в процессе становления, ее актуальный уровень можно оценить как средний. Система представлений школьников о России отличается когнитивной бедностью, стереотипностью, разрозненностью и противоречивостью. Налицо явный недостаток у молодых людей исторических, политических и правовых знаний. Эмоциональный компонент гражданственности и патриотизма характеризуется полярностью: негативное эмоциональное отношение к России как государству и положительное — к России как стране. Поведенческие установки и ориентации недостаточно выражены, слабо соотносятся с вербальными заявлениями, что свидетельствует скорее о декларативном характере гражданско-патриотической позиции школьников.

Российские старшеклассники являются возрастной когортой, крайне неоднородной по своим ценностным ориентациям и эмоциональному отношению к России. Это, возможно, отражает смену поколений, точнее можно будет сказать по истечении времени, когда поколение Z полностью

сформируется и станут понятны его отличия от более старших поколенческих общностей. Но в контексте рассматриваемой проблемы понятно, что эта неоднородность сильно затрудняет гражданско-патриотическое воспитание — разные ценности определяют разные векторы внимания и интереса, установки на разные виды деятельности.

Нами зафиксированы значительные лакуны в образно-символическом пространстве гражданственности школьников. Скучный и упрощенный символический ряд, отсутствие образов гражданственности и объектов гордости за страну у почти половины респондентов свидетельствуют о невысоком уровне гражданской самоидентификации школьников и вызывают серьезное беспокойство, поскольку эти элементы лежат в основе конструирования идентичности нации.

Состояние гражданственности российских старшеклассников является результатом социализирующего влияния семьи, школы, средств массовой информации, интернета, массовой культуры и отражает недостаточную эффективность реализации разных направлений внутренней политики государства (в первую очередь образовательной, культурной, информационной) в решении задач гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Преодоление указанных проблем возможно путем консолидации усилий всех институтов политической социализации молодежи. Для этого прежде всего необходимо выстроить единую концептуальную рамку гражданско-патриотического воспитания, определить основные смысловые ориентиры этой деятельности (ценности, образно-символический ряд), сместить акценты с милитаристских аспектов патриотизма на его гражданскую составляющую. Кроме того, требуется научно-методическая интеграция социально-политического и психолого-педагогического знания в области разработки и внедрения интересных для школьников образовательных и социальных технологий обучения. И тогда, будем надеяться, наши школьники вырастут настоящими гражданами и патриотами, о которых мечтал Сухомлинский.

111

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.08

“BIRTH OF A CITIZEN”: POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF RUSSIAN HIGH SCHOOL STUDENTS’ CIVIC CONSCIOUSNESS

A.V. Selezneva¹, A.A. Azarnova¹

¹M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

SELEZNEVA, Antonina Vladimirovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Lecturer of the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University, email: ntonina@mail.ru; **AZARNOVA, Anna Alekseevna**, post-graduate student of the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University, email: aa.azarnova.1996@gmail.com

Selezneva A.V., Azarnova A.A. “Birth of a Citizen”: Political and Psychological Analysis of Russian High School Students’ Civic Consciousness. — *Polis. Political Studies*. 2020. No. 5. P. 101-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08>

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the autonomous non-profit organization “Expert Institute of Social Researches” in the framework of the scientific project No. 19-011-33031 “Citizenship of Russian High School Students as a Political and Psychological Phenomenon: Value Bases and Formation Mechanisms”.

Received: 05.03.2020. Accepted: 12.05.2020

Abstract. The article presents the results of studies that aimed to identify the civic consciousness of modern Russian high school students. The theoretical basis of the study was a political and psychological approach,

in which citizenship is determined by a combination of cognitive, value-motivational, emotional, and behavioral components of the personality, and is expressed in its relationship with the state and society. Empirical data collection, processing, and analysis were carried out using a complex of quantitative and qualitative methods, including formal interviews, projective methods (unfinished sentences, psychological drawing), and an expert survey. Based on the analysis of empirical data, structurally meaningful characteristics of the civic consciousness of state school students (aged 15-18) were revealed. The analysis shows that young people have cognitively poor, contradictory, and stereotypical representations about Russia, including its social and political structure and affairs with the outside world; they have contradicting feelings about their personal future (mainly positive) and the future of their country (mainly negative), And their civic involvement is poor due to distrust and disinterest in social engagement. The conceptual and symbolic side of being a citizen can be described as unformed; state school students in Russia have no examples of an 'ideal citizen' to recognize and model themselves on. We found out that the cohorts of Russian state school students are heterogeneous in value-emotional terms: orientation to values of survival and values of self-expression, as well as emotional attitude to Russia as a country (positive) and Russia as a state (negative). As a result, it is concluded that the civic consciousness of high school students in Russia is at an average level of development. The problems in the civil-patriotic education of schoolchildren are largely due to the contradictions in the holistic state policy on the formation of young Russians' civic consciousness.

Keywords: citizen, civic consciousness, high school students, political socialization, political values, political views, character, social activity, citizen participation, patriotic education.

References

Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. 2017. Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging. — *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 252-267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>

Schools, Curriculum and Civic Education for Building Democratic Citizens. 2012. Ed. by M. Print, D. Lange. Ann Arbor, Michigan: Rotterdam Sense Publishers. 156 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-6209-167-2>

Sandahl J. 2015. Civic Consciousness: A Viable Concept for Advancing Students' Ability to Orient Themselves to Possible Futures? — *Historical Encounters: A Journal of Historical Consciousness, Historical Cultures, and History Education*. Vol. 2. No. 1. P. 1-15.

Van Deth J.W., Abendschön S., Vollmar M. 2011. Children and Politics: An Empirical Reassessment of Early Political Socialization. — *Political Psychology*. Vol. 32. No. 1. P. 147-173. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00798.x>

Verhaegen S., Boonen J. 2016. The Development of Political Knowledge in Adolescence: The Importance of Information-Rich Socialization Contexts. — *Politics, Culture and Socialization*. Vol. 7. No. 1-2. P. 7-27. <https://doi.org/10.3224/pcs.v7i1-2.01>

Evgen'eva T.V., Nechaev V.D. 2014. The Problem of Russian Schoolchildren National Identity Formation. Analysis of Seniors Civil and National Self Identification Research. — *Tsennosti i Smy Sly*. No. 1. P. 7-21. (In Russ.)

Fan I.B. 2010. Theoretical Model of the Phenomenon of Citizen: Socio-Cultural Approach. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 149-161. (In Russ.) URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/6/13.pdf> (accessed 06.07.2020).

Kliucharev G.A., Trofimova I.N. 2016. Some "Lessons" of Theory and Practice of Civic Education. — *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 175-191. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.12>

Kochetova Yu.A., Emelianova E.A. 2019. Psychological Characteristics of the Manifestation of Civil Position in Early and Late Youth. — *Psychological-Educational Studies*. Vol. 11. No. 4. P. 147-156. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110412>

Nikiforov Yu.N., Skalina A.N. 2007. About the Concept of "Citizenship". — *Izvestiya of Altai State University. History and Political Science*. No. 4/3. P. 248-253. (In Russ.) URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12957456_25986153.pdf (accessed 06.07.2020).

Popova S.Yu., Selezneva A.V. 2018. Social Activity of Youth: Status, Problems and Prospects for Development. — *Obrazovanie Lichnosti*. No. 2. P. 96-103. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35441280_61033913.pdf (accessed 06.07.2020).

Radaev V. 2019. *Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 224 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>

Selezneva A.V., Palitay I.S. 2019. Perception of Their Own Country of Russian Youth: Value-Symbolic and Political and Cultural Aspects. — *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. Vol. 10. No. 2. P. 123-135. (In Russ.) <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>

- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. 2010. Identity in the System of Coordinates of the World Development. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 40-59. (In Russ.) URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/4.pdf> (accessed 06.07.2020).
- Shcherbinin A.I. 1992. Political Science in Search of the Citizen. — *Polis. Political Studies*. No. 5-6. P. 190-193. (In Russ.)
- Shestopal E. 2005. Political Socialization and Resocialization in Modern Russia. — *Politeia*. No. 4. P. 48-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-39-4-48-69>
- Sidelnikova T.T. 2005. "Better To See Once..." — *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. No. 9. P. 146-149. (In Russ.)
- Sukhomlinskii V.A. 1971. *Rozhdenie grazhdanina* [Birth of a Citizen]. Moscow: Molodaya gvardiya, 346 p. (In Russ.)
- Vakurova T.N. 2009. The Essence of the Concept of "Civic Consciousness" in the Scientific Psychological and Pedagogical Literature. — *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. No. 6. P. 134-137. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Вакурова Т.Н. 2009. Сущность понятия "гражданственность" в научной психолого-педагогической литературе. — *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. № 6. С. 134-137.
- Евгеньева Т.В., Нечаев В.Д. 2014. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников. — *Ценности и смыслы*. № 1. С. 7-21.
- Ключарёв Г.А., Трофимова И.Н. 2016. Несколько "уроков" теории и практики гражданского образования. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 175-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.12>
- Кочетова Ю.А., Емельянова Е.А. 2019. Психологические характеристики проявления гражданской позиции в ранней и поздней юности. — *Психолого-педагогические исследования*. Т. 11. № 4. С. 147-156. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110412>
- Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. 2007. О понятии "гражданственность". — *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История и политические науки*. № 4/3. С. 248-253. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12957456_25986153.pdf (accessed 06.07.2020).
- Попова С.Ю., Селезнева А.В., 2018. Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития. — *Образование личности*. № 2. С. 96-103. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35441280_61033913.pdf (accessed 06.07.2020).
- Радаев В. 2019. *Миллениалы: Как меняется российское общество*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 224 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>
- Селезнева А.В., Палитай И.С. 2019. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты. — *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. Т. 10. № 2. С. 123-135. <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2010. Идентичность в системе координат мирового развития. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 40-59. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/4.pdf> (accessed 06.07.2020).
- Сидельникова Т.Т. 2005. "Лучше один раз увидеть..." — *Высшее образование в России*. № 9. С. 146-149. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_9574119_65970895.pdf (accessed 06.07.2020).
- Сухомлинский В.А. 1971. *Рождение гражданина*. М.: Молодая гвардия. 346 с.
- Фан И.Б. 2010. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 149-161. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/6/13.pdf> (accessed 06.07.2020).
- Шестопал Е.Б. 2005. Политическая социализация и ресоциализация в современной России. — *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 4. С. 48-69. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-39-4-48-69>
- Щербинин А.И. 1992. Политология в поисках гражданина. — *Полис. Политические исследования*. № 5-6. С. 190-193.

НАЗАД К СУБЪЕКТУ: ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

К.Д. Бугров, А.В. Логинов

БУГРОВ Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, email: k.d.bugrov@gmail.com; **ЛОГИНОВ Алексей Валерьевич**, кандидат философских наук, доцент департамента философии, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, email: alexeyloginov@urfu.ru

Бугров К.Д., Логинов А.В. Назад к субъекту: теории справедливой войны в современной политической мысли. — Polis. Политические исследования. 2020. № 5. С. 114–129. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.09>

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 18-18-00216 “Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли в контексте европейских подходов (XVIII–XX вв.)”.

Статья поступила в редакцию: 04.06.2019. Принята к публикации: 26.12.2019

Аннотация. В статье сравниваются несколько интеллектуальных парадигм, уделяющих внимание проблеме справедливой войны. В начале статьи мы показываем, что современная юридическая теория допустимости войны (конвенции и Устав ООН) наследует сформировавшуюся в истории политических идей антиномию, сталкивающую суверенитет государств и права человека. Соответственно, в этой нормативной рамке решение об оправдании войны тяготеет либо к защите суверенитета государства, либо к защите прав человека. Например, безусловный приоритет прав человека над суверенитетом утверждает Ю. Хабермас (сводя войну до “полицейской операции”). Мы реконструируем философские основания данной теории (Э. Ваттель, И. Кант) и выдвигаем тезис, что подобная нормативная теория, по существу, вводит в качестве критерия *jus ad bellum* утрату государством легитимности, интерпретируемой в русле контрактуализма. Далее мы обращаемся к политическому реализму (Г. Моргантау) и критике “кантовско-вильсоновской системы” (К. Шмитт); в частности, рассматриваем аргументы Шмитта о том, что превращение войны в “полицейскую операцию” приводит к демонизации врага, способствует бесконечной эскалации насилия и превращает войну из регулярной в партизанскую. В третьей части статьи мы обращаемся к легитимации тотальной войны в большевистской политической философии и исследуем специфику аргументов В.И. Ленина, которые, с учетом работ Е.Б. Пашуканиса, составляют ядро уникальной концепции справедливой войны, выходящей за рамки описанной нами антиномии “суверенитет — права”. В заключении показано, что, несмотря на ряд различий, популярная в наши дни теория справедливой войны М. Уолцера имеет сходство прежде всего с ленинской теорией, поскольку обе эти интеллектуальные системы сближают, во-первых, признание важности риторических стратегий для проблематизации *статуса субъектов*, ведущих войну; во-вторых, выявление на базе этих характеристик оправданности войны *в каждом конкретном случае*, и в-третьих, для эффективного убеждения “обычных людей” (“масс” на языке ленинской теории) в справедливости войны. Таким образом, мы приходим к выводу, что именно пристальным вниманием к субъекту, ведущему войну, и субъекту, потребляющему информацию о ней (“простому человеку”), данные теории отличаются и от “кантовско-вильсоновской системы”, и от строгого легализма, и, наконец, от

политического реализма Моргентау и Шмитта, ставящего во главу угла риторику обезличенного государственного интереса.

Ключевые слова: война, легитимность, суверенитет, права человека, идеология, Ю. Хабермас, М. Уолцер, К. Шмитт, В. Ленин.

ВВЕДЕНИЕ. ГОСУДАРСТВА КАК “МОРАЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ”: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Со времен пакта Бриана — Келлога (1928) война классифицируется как незаконное действие. Лондонская конвенция 1933 г. по инициативе Советского Союза выработала детальную квалификацию агрессии, впоследствии эта конвенция стала основой для резолюции 3314 (XXIX) Организации Объединенных Наций (1974), которая описывает незаконные военные действия как вооруженную агрессию, покушение одного государства на суверенитет и независимость другого¹. Устав ООН в 3-й главе провозглашает единственным видом допустимой войны самооборону, однако в 7-й главе Устава сохранено оправдание вооруженной интервенции со стороны государства либо группы государств от имени Совета Безопасности ООН и в качестве “крайнего средства” [Нравственные ограничения войны... 2007: 77].

Подобный акцент на государстве как субъекте международного права укоренен в европейской традиции международного права, *jus gentium*, сложившейся в Новое время и связанной с именами Г. Гроция, С. Пуфендорфа и Э. Ваттеля. В частности, именно Ваттель “был первым среди ученых-международников, которые основным субъектом международного права признали суверенные государства” [Маргиев 2005: 138]. Вслед за С. Пуфендорфом Ваттель полагал, что государства представляют собой “моральные личности”; международная политика, таким образом, является чем-то вроде человеческого общества, населенного личностями-государствами, обладающими рациональностью, преследующими собственные интересы и вступающими между собой в договорные отношения [Holland 2011]. Б.Н. Кашников суммирует своеобразную конвенцию, сложившуюся в европейской общественной мысли конца XVIII в., следующим образом: “Отношения суверенных государств должны были напоминать отношения уважающих друг друга субъектов, которые моральны по определению. Между государствами возможны конфликты, которые разрешаются войной, но эта война скорее напоминает дуэль. Она ведется по правилам приличия и является ограниченной уже в силу того, что стороны не предполагают таких целей, как полное уничтожение суверенитета или геноцид” [Кашников 2014: 25]. К справедливой войне Ваттель относился амбивалентно, так как полагал, что в отличие от человеческих обществ, для которых государства являются внешней по отношению к гражданам формой порядка, никакая внешняя сила не организует сами государства, вольные затевать войну между собой [Бюнбон 2002: 209]. Вместе с тем Ваттель — как и другие авторы, использовавшие концепцию естественного права, — считал, что война с явными “чудовищами”, открыто осуществляющими насилие, в полной мере оправдана.

Возможен ли мир в этом устрашающем хаосе? Как и многие другие мыслители XVIII в., Ваттель подкреплял нормативную философию изысканиями

¹ Определение агрессии. Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года. — ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (accessed 02.07.2020).

в социально-экономической сфере: невидимым, но могущественным орудием сохранения мира он считал международную коммерцию, формирующую баланс сил, удерживающий государства (постольку, поскольку они обладают рациональностью как “моральные личности”) от войны [Nakhimovsky 2007]. Зачем же воевать, если это невыгодно и неразумно?²

Данная теория нашла оригинальное истолкование у И. Канта. Кант был решительным сторонником приоритета прав индивидов над правами суверенных государств и, в частности, запрета на любую войну, кроме обороны от агрессии. Институциональным инструментом этого должен стать “союз государств”, “всемирный гражданский порядок”. Эти идеи Канта пережили второе рождение после Первой мировой войны, когда В. Вильсон предложил создать Лигу Наций. Ю. Хабермас называет такого рода систему кантовско-вильсоновской.

После ужасов двух мировых войн юридическая теория оказалась в сложном положении: с одной стороны, она признавала суверенные государства равными “моральными личностями” ради сдерживания потенциальной эскалации конфликтов, с другой — в кантовско-вильсоновском духе склонна была трактовать мировую политику как “всемирный гражданский порядок”, признавая приоритет прав человека и называя справедливой войной только оборону от агрессии. Показателен пример Ф. Бюньона, начальника управления международного права и сотрудничества движения Международного комитета Красного креста, который в своих статьях приводит убедительные аргументы в пользу того, что в ходе войны следует придерживаться правил *jus in bello* и, в частности, правил Международного комитета Красного Креста вне зависимости от того, идет ли речь об агрессоре или о его жертве. Куда более сложный вопрос о практической реализации *jus ad bello*, и здесь Бюньону приходится признать неудачу: “Поскольку нет централизованной и обязательной юридической процедуры, позволяющей констатировать агрессию во всех случаях на основе точных юридических критериев и таким образом, чтобы это стало обязательным для всех воюющих сторон, теория дискриминационного применения *jus in bello* ведет к тому, что обе стороны не станут применять это право: каждая из них считает противника агрессором и ссылается на это, чтобы освободить себя от соблюдения норм права войны. Так и возвращаются к варварству” [Бюньон 2002: 221].

Сторонник кантовского взгляда на мировую политику Ю. Хабермас выдвигает доводы в пользу “международно-правового порядка”, воплощаемого ООН при поддержке великих держав; советы Хабермаса заключались в отведении ООН новой роли (которая, правда, не упадет с небес — ее надо “штурмовать”, “взять боем”) организатора “всемирной внутренней политики” и, в частности, в создании “юридических правил, которые устанавливают, когда ООН вправе и обязана вмешаться в ситуацию” [Хабермас 2008: 164]. Война обязана стать не более чем международной полицейской операцией; легитимность ООН должна опираться на мощную систему “общественного мнения”, исключающую возможность, когда действия ООН “паразитически питаются правовыми принципами, которые на протяжении многих лет так тщательно охраняли демократические конституционные государства” [там же: 166]. В конечном счете вопрос о *jus ad bello* Хабермасу — сквозь его призму “международно-правового

² Данный тезис прослеживается и в XX в.: от работ Н. Эйнджела накануне Первой мировой войны до аргументов современного социолога: “...в терминах экономического анализа (соотношение затрат и дивидендов) война между двумя развитыми странами сегодня бессмысленна: затраты неминуемо и в значительной степени перевесят то, что можно получить как ‘дивиденд’ от войны” [Inglehart 2017: 13].

порядка” — кажется решенным, а центр тяжести действий ООН должен приходиться на “осуществление права” ведения войны (разработка высокоточного оружия, добавляет Хабермас, этому бы чрезвычайно способствовала) [там же]. Таким образом, подготовленное историей политической мысли противоречие между суверенитетом государства (государства — реальные игроки на международной арене, единственные легальные объекты управления с точки зрения международных структур) и правами человека (универсально распространены и должны быть соблюдены вне зависимости от принадлежности человека к тому или иному государству) как ориентирами для оправдания/критики вмешательства остается главной антиномией юридической теории в наши дни.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА И НОСТАЛЬГИЯ ПО ДОЗИРОВАННОМУ НАСИЛИЮ

Классик школы политического реализма Г. Моргентау сформулировал “шесть принципов реализма”³, открыв их следующим заявлением: “Политический реализм верит в то, что политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, укорененными в человеческой природе. <...> Человеческая природа, в которой укоренены законы политики, не изменилась со времен классической философии Китая, Индии и Греции, стремившейся познать эти законы” [Morgenthau 2005: 4]. Ключевым понятием для практического применения законов политики в международной среде является *интерес*, “определенный в категориях власти”; как центральный элемент политики, *интерес* универсален и постоянен, но смысл интереса “в конкретный период истории зависит от политического и культурного контекста, в рамках которого формулируется международная политика” [ibid.: 10–11]. Универсальные моральные соображения могут применяться в отношениях между государствами только с учетом места и времени (государство, в отличие от индивида, не может пожертвовать собой ради морального принципа), и уж совершенно точно нельзя смешивать универсальную мораль с *интересом* того или иного государства. Напротив, управление международной политикой заключается именно в том, чтобы быть способным отличать *интерес* от любых других форм побуждения к действию, таких как мораль, право или экономическая выгода, и в конечном счете видеть международную политику “такой, какова она есть и какой должна быть в силу ее сущностной природы, а не такой, какой люди бы хотели ее видеть” [ibid.: 17].

Концепция политического реализма, разработанная Моргентау, возникла непосредственно после окончания Второй мировой войны, но до вьетнамской катастрофы (первая из больших работ Моргентау увидела свет в 1948 г.), представляя собой теоретическое осмысление новой позиции Соединенных Штатов как державы, вовлеченной в многочисленные конфликты и хитросплетения политики по всему земному шару (будь то сполохи начинающейся холодной войны или последствия развала колониальной системы). Не будучи по своему характеру нормативной, эта теория стремится опираться на эмпирическую базу и располагать свои заключения в историко-политическом контексте, сохраняя значительный критический потенциал⁴; в историческом отношении она имеет своими предшественниками Н. Макиавелли,

³ Этих широко растиражированных принципов не было в оригинальном тексте книги Г. Моргентау “*Politics Among Nations*” (1948). Они появились лишь в открывающей статье второй редакции этой книги. См. [Cristol 2009].

⁴ См. подробнее [Prinz, Rossi 2017: 345].

К. Клаузевица, а из еще более ранней традиции — знаменитые рассуждения о войне, приводимые у Фукидида [Ray 2003: 112].

Другим влиятельным — и, как представляется, более интересным — критиком теории справедливой войны является К. Шмитт. Разумеется, в годы, когда Шмитт писал, теория справедливой войны вовсе не была популярной; как и Моргентау, Шмитт стал известен в качестве политического теоретика задолго до того, как Уолцер возродил интерес к теории справедливой войны. Тем не менее проблема справедливой войны занимала Шмитта, критиковавшего, во-первых, католическую теологию Нового времени (которая, что интересно, стала основой и для Уолцера [Kumankov 2015]), а во-вторых, еще одну влиятельную теорию справедливой войны — марксистско-ленинскую. В чем состоят критические аргументы?

Шмитт выделяет три вида вражды: конвенциональную (“оберегаемую”), действительную и абсолютную [Шмитт 2007]. Конвенциональная вражда определяется в категориях, характерных для теории международных отношений европейского Нового времени (Гроций, Ваттель), которая легла в основу юридической теории международных отношений⁵. Шмитт считал, что международные отношения XVII–XIX вв. основывались на конвенциональной вражде, “оберегаемой войне” и “дозированном насилии”, когда державы вели войну с определенным уважением к сопернику, постоянно готовясь от войны перейти к миру. Наполеоновские войны создали важные исключения в системе “оберегаемой войны”, когда французские захватчики столкнулись с отчаянным сопротивлением народных масс в Испании и затем в России (в теоретическом отношении этот опыт партизанской, иррегулярной войны был отрефлексирован прусскими военными теоретиками, включая Клаузевица). Партизаны испытывали к захватчикам не конвенциональную, а действительную вражду, поскольку стремились не заключить с ними мир, а выдворить их со своей земли. Однако практика “оберегаемой войны” продержалась еще столетие: лишь Первая мировая война, “которая началась как традиционная война государств европейского международного права и окончилась всемирной гражданской войной революционной классовой вражды” [там же: 143], привела к разрыву с этим принципом ведения борьбы, создав условия для возникновения концепции “абсолютной вражды”, творцом которой Шмитт называет Ленина.

Согласно Шмитту, Ленин окончательно уничтожил “оберегаемую войну”, добавив к внимательному чтению Клаузевица переработанные марксистские идеи относительно “различения друга и врага”: “Война абсолютной вражды не ведает никакого оберегания. Последовательное осуществление абсолютной вражды придает войне ее смысл и справедливость. Итак, вопрос только в том: имеется ли абсолютный враг и кто это *in concreto*? Ленин ни минуты не сомневался в ответе... Его конкретный абсолютный враг был классовый враг, буржуа, западный капиталист и капиталистический общественный строй в каждой стране, где он господствовал. Знание врага представляло собой тайну чудовищной ударной силы Ленина” [там же: 82–83]. Так в начале XX в. война и революция превратили “действительного врага”, с которым после окончания борьбы можно заключить достойный мир, в “абсолютного врага”, которого необходимо уничтожить.

От Ленина, через партизанский опыт Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, Шмитт переходит к Мао Цзэдуну, Че Геваре и колони-

⁵ Сам Шмитт называет эту теорию Вестфальским порядком, но речь идет, конечно, о Ваттеле, а не о бумагах, подписанных в Мюнстере и Оснабрюке в 1648 г.

альной партизанской войне. С характерной склонностью к парадоксальным замечаниям Шмитт декларирует: победа штатских над солдатами означает не конец войны, а ее переход в наиболее свирепую и ожесточенную форму “абсолютной вражды”, обнуление достигнутого в рамках европейской “оберегаемой войны” отказа от криминализации противника. Иррегулярность партизанской борьбы сама по себе не открывает путей для “абсолютной вражды” (Шмитт пространно перечисляет те ограничения, которые свойственны для партизан как “теллурической силы” и которые не дают их “действительному врагу” превратиться в “абсолютного”), но политизация этой борьбы *извне*, осуществляемая, например, профессиональными революционными партиями или другими великими державами, способна сделать иррегулярность подлинной машиной “абсолютной вражды” и, более того, спровоцировать государства, воюющие с партизанами, на аналогичные меры.

В этой шмиттианской системе координат теория справедливой войны занимает зловещее место, ведь она на практике логически приводит к признанию противника “врагом человечества”. Как показывают исследователи, обвиняя сторонников теории справедливой войны в ложном, по сути, гуманизме, Шмитт одновременно называл истинным гуманизмом ту систему “оберегаемой войны”, которая существовала — по его мнению — в Европе с середины XVII до начала XX в. [Kumankov 2015: 89]. Обращаясь к истории вопроса, Шмитт искал себе союзника в *jus gentium* европейского Нового времени, противопоставляя идеи в духе Ваттеля нормативному морализму, в котором Шмитт небезосновательно усматривал новый вариант католического естественного права. Ю. Хабермас, суммируя аргументы Шмитта, вполне обоснованно вспоминает теорию *баланса сил*, составлявшую основу юридической теории международных отношений XVIII в.: “Как когда-то классическое международное право, новый международно-правовой порядок столь же мало находит себе гарантию ‘в каких-то содержательных размышлениях о справедливости, а также не в международном правовом сознании’, но в ‘равновесии сил’” [Хабермас 2008: 186]. Ведь гуманизм, согласно Шмитту, является свойством регулярности, характерной для суверенных государств; следовательно, “дозированное насилие” будет обеспечиваться взаимной рациональностью участников конфликта, тогда как попытки привнести в военное дело особую этику не смягчат ужасы войны, а, напротив, сделают их еще более чудовищными. Таким образом, мы видим, что для теории войны, используемой в рамках парадигмы политического реализма, в целом характерна своеобразная ностальгия по эпохе аристократического военного дела.

Идеи Шмитта в значительной мере оказались основой для той критики теории справедливой войны и связанного с ней понятия гуманитарной интервенции, которая развивается в отечественной политической мысли [Иванов 2016; Сазонова 2014]. Так, Б.Н. Кашников замечает: “Поддерживая гуманитарную интервенцию, теория справедливой войны выступает в качестве идеологического обоснования войны тотальной, абсолютной и перманентной. Вновь соединив войну с моралью и сделав возможной морально оправданную войну, теория справедливой войны возродила практику крестовых походов под знаменем прав человека, гуманизма и всеобщей безопасности” [Кашников 2014: 26]. Хотя это и звучит как цитата из Шмитта, сам Кашников ссылается на работы И.А. Ильина “О сопротивлении злу силою” (1925). Кашников интерпретирует Ильина как последователя Канта, развивающего все ту же идею о легитимности

единственного вида войны — оборонительной, не оставляющей места для превентивного удара или интервенции. Подобная интерпретация представляется, впрочем, открытой для дискуссий. Нам думается, Ильин в своих рассуждениях оказался близок как раз-таки к концепции гуманитарного вмешательства в духе Хабермаса, и именно в этом упрекал Ильина Н.А. Бердяев, назвавший обсуждаемую работу “кошмаром злого добра” [Бердяев 1926: 103]. Для нашего же дальнейшего изложения важен другой тезис: “Разрушение государственного суверенитета может означать только усиление насилия. Необходимо поддерживать все то, что поддерживает государственный суверенитет, и направлять усилия к созданию более совершенной системы коллективной безопасности и сотрудничества” [Кашников 2014: 31].

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВА: “НЕВИДИМЫЙ КОНТРАКТ”

Иным вариантом развития этой парадигмы идей выступает возрожденная стараниями американских мыслителей XX в. теория справедливой войны. Подобно идеям Канта, эта теория строится на признании главным элементом *jus ad bellum* ценности прав человека, а не суверенитета. Для анализа международного права используются моральные категории [Dreveskracht 2010], находящиеся в тесной связи с нормативной теорией справедливости в духе Дж. Ролза. В историческом отношении эта теория справедливой войны восходит не только к Гроцию и Ваттелю, но и к христианской интеллектуальной традиции: Августину, Фоме Аквинскому и великим испанским схоластам XVI в. (Витория, Суарес, Молина). Однако местом и временем возникновения данной теории были Соединенные Штаты Америки, пережившие шок от Вьетнамской войны⁶, — классическая работа М. Уолцера “*Just and Unjust Wars*”, заложившая основы современной теории справедливой войны, появилась в 1977 г.

Уолцер чрезвычайно серьезно относится к наследию юридической концепции, эффективно интегрируя ее в собственную работу. Вместе с тем он оспаривает правовые определения ООН, подчеркивая, что войну как таковую необходимо во что бы то ни стало отделять от полицейской операции; чтобы повиноваться правилам, война должна предполагать “равное право на убийство” [Waltzer 2006: 41]. Такая “конвенция” отличает войну от резни, и в этом смысле Уолцер расходится с Кантом и его последователем Хабермасом. В определении *jus ad bello* теория справедливой войны следует за философией Дж. Локка: у государства как субъекта международной политики имеются права только потому, что их ему — при помощи своего рода “договора” — делегируют индивиды, и только их общность изначально имеет “права” [ibid.: 54]. Только

⁶ Сам Уолцер раскрывает этот тезис следующим образом: “Вьетнам изменил все, хотя и потребовалось некоторое время, чтобы зафиксировать это на теоретическом уровне. Вначале все произошло в области практики. Война оказалась предметом политических споров; у войны было много противников, особенно среди левых. Это были люди, на которых сильно повлиял марксизм; они также говорили на языке [государственного] интереса; они разделяли с князьями (princes) и профессорами американской политики нелюбовь к морализаторству. Но все же их военный опыт подталкивал их к моральному аргументу. Конечно, в их глазах война была чрезвычайно неразумной; ее нельзя было выиграть; ее издержки, даже если американцы имели в виду только собственные издержки, были слишком высоки; она была империалистским делом, глупым даже для империалистов; она противопоставила Соединенные Штаты делу национального освобождения, что отчуждало США от третьего мира (и значительной части первого). Однако все эти заявления оказались совершенно неспособны выразить чувства большинства противников войны, чувства, которые были вызваны систематическим американским военным насилием над вьетнамским мирным населением. Едва ли не против своей воли левые впали в морализаторство. И все мы в антивоенном лагере внезапно начали разговаривать на языке справедливой войны — хоть и не знали, что разговариваем на нем” [Waltzer 2002: 928].

легитимное в глазах *собственных* граждан государство будет обладать “суверенитетом”. Следовательно, легитимность не вытекает ни из факта существования государства, ни из факта его признания другими государствами, хотя Уолцер допускает, что пока разрыв между режимом и гражданами не стал очевидным, следует обращаться с режимами сомнительной легитимности так, как если бы (*as if*) она была бесспорной. Поводами для справедливой войны *помимо* ответа на агрессию, могут быть, согласно Уолцеру, геноцид, массовые расстрелы, резня и порабощение граждан. В этом смысле его теория справедливой войны позволяет оправдать не только оборону, но и превентивный удар, контринтервенцию либо вмешательство в “экстренном случае”: “Можно нападать на государства и начинать справедливую войну, чтобы помочь движениям сепаратистов (как только они продемонстрировали свой представительный характер), чтобы уравновесить более ранние интервенции других держав и чтобы спасти людей, которым угрожает резня (*massacre*). В каждом из этих случаев мы разрешаем или постфактум одобряем либо не осуждаем нарушения формальных правил суверенитета, поскольку они защищают ценности индивидуальной жизни и общей свободы, а суверенитет является не более чем их выражением” [ibid.: 108]. Более того: обращаясь к вопросу легитимности, Уолцер избегает кажущегося противоречия между вмешательством и самообороной, которые, казалось бы, могут породить парадоксальную ситуацию справедливой войны с двух сторон⁷. Если мы вспомним, что — как показывает случай Ф. Бюньона — определить агрессию весьма сложно, станет ясно, что вопрос легитимности для теории справедливой войны существенно важнее, чем вопрос об агрессии.

В рамках современной теории справедливой войны нет единства относительно того, насколько далеко следует идти в признании справедливости превентивной войны; сам Уолцер занимает умеренную позицию, тогда как более радикальные авторы (например, Д. Любан) упрекают Уолцера в излишнем уважении к государственному суверенитету и истолковывают локковский договор расширительно: “Права человека принадлежат людям вне зависимости от того, в какой стране они живут, и безотносительно истории и традиций. Если права человека вообще существуют, они устанавливают плюрализму моральное ограничение... Итак, когда безудержно идут убийства, пытки и тюремные заключения, а особенно когда с их организаторами (худшими людьми в мире) обращаются так, как будто они легитимны, общая за нас всех человечность страдает” [Luban 1980b: 397]. По аналогии с философией Дж. Ролза, наделяющей индивидов, формулирующих принципы справедливости за “завесой неведения” (*veil of ignorance*) универсальным представлением о первичных благах (“тонкая теория блага”), Д. Любан предлагает разграничить “базовые” и “другие” права людей. “Базовые” права на жизнь, свободу от гонений, здоровую окружающую среду и адекватный уровень жизни должны иметь все люди [Luban 1980a: 174]. Справедливая война, согласно Любану, это война за сохранение “базовых” прав индивидов⁸ либо против агрессии, направленной на существенное ухудшение этих “базовых” прав. Сигналом

⁷ Подробнее о парадоксе см.: [Иванов 2016: 56].

⁸ Мы оставляем в стороне чрезвычайно интересный вопрос о том, как в рамках данного подхода государства должны решать вопрос о бедности, и не должна ли в этом случае теория справедливой войны быть переформулирована как нормативная теория международной гуманитарной помощи — например, на основании экстраполяции “принципа максимина” Дж. Ролза во внешнюю политику. М. Уолцер оправдывает войны за выживание, которые вели с Римской империей племена, вытесняемые на запад и требовавшие земель для поселения, — у них не оставалось выбора [Waltzer 2006: 27].

к такой войне (допустим, в форме гуманитарной интервенции) оказываются массовое нарушение других “базовых” прав людей в каком-либо государстве и открытая борьба людей *со своим государством* за соблюдение этих прав.

Итак, современная теория справедливой войны в том, что касается *jus ad bello*, уделяет ключевое внимание легитимности, дополняя правовую концепцию, в рамках которой оправдано только сопротивление агрессии, возможностью справедливой наступательной войны — превентивного удара, контринтервенции либо вмешательства в “экстренном случае”. Согласно теории справедливой войны, юридические дефиниции (наподобие тех, что зафиксированы в документах ООН) не способны адекватно отразить *легитимность* политического режима: “Концепт суверенитета морально недееспособен не потому, что применим к нелегитимным режимам, а потому, что он нечувствителен к полному пониманию легитимности” [Luban 1980a: 166].

Вместе с тем возможно и консервативное понимание теории справедливой войны, сближающее ее с политическим реализмом. Так, российский исследователь Р.Г. Апресян, анализируя метанормативные принципы различных взглядов на войну, выделяет *милитаризм* и *пацифизм* в качестве экстремумов, располагая между ними разной степени радикальности *политический реализм* и *теорию справедливой войны*. Основанием теории справедливой войны Апресян считает *принцип талиона*, особо оговаривая, что “каноническое ‘марксистско-ленинское учение о справедливых и несправедливых войнах’ не укладывается в эту традицию” [Апресян 2002: 62]. Теория справедливой войны в таком изложении приобретает характер набора требований, которые должны быть выполнены, чтобы признать ту или иную войну справедливой. Согласно Апресяну, “нравственный и правовой смысл принципов справедливой войны состоит в том, что они позволяют рационализировать нормативные ограничения военных действий и сформулировать четкие и идеологически нейтральные критерии их оценки” [там же]. Такого рода толкование интересным образом сближается с реализмом в духе Моргентау, поскольку не проблематизирует статус субъекта военных действий. Однако в оригинальной работе Уолцера легализм сочетался с проблематизацией статуса государства-актора, особенно явной в главах, посвященных вопросу о превентивном ударе. Но был ли Уолцер новатором?

НАЗАД К ИДЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА В ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

В истории XX в. имелась и еще одна влиятельная теория справедливой войны⁹, достаточно своеобразная, чтобы Р.Г. Апресяну пришлось особо

⁹ Показательно, что, например, составители новейшего сборника обзорных очерков *Just War Thinkers: from Cicero to 21st Century* (2018) полностью ее игнорируют: в их изложении теория справедливой войны, тянущаяся от Цицерона и Августина, прерывается на германо-американском мыслителе середины XIX в. Ф. Либере, чтобы затем продолжиться в трудах исключительно американских философов середины — второй половины XX в. (П. Рэмзи, М. Уолцер, Ж. Эльштайн, Дж. Тернер Джонсон, Дж. Макмэхен). При этом во введении к своей книге составители — Д. Брюнстetter и С. О’Дрисколл — приводят высказывание “вы можете не интересоваться войной, но война интересуется вами” [Just War Thinkers... 2018: 11], приписывая его Л.Д. Троцкому (!). Это, очевидно, заимствование из книги Уолцера “Just and Unjust Wars”, но, в отличие от составителей сборника, Уолцер хорошо знал Троцкого: “Войну чаще всего считают формой тирании. Лучше всего описать ее, перефразируя афоризм Троцкого о диалектике: ‘Вы можете не интересоваться войной, но война интересуется вами’” [Walzer 2006: 29]. Исходное же *bon moi* Троцкого (содержащееся в статье 1939 г. “Мелкобуржуазная оппозиция в Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов”) восходит, видимо, к еще более раннему афоризму, приписываемому самым разным авторам. Как бы то ни было, но ни Троцкий, ни кто-либо еще из-за пределов американской традиции не появляется в той части сборника, что посвящена XX столетию.

оговорить невозможность поместить ее в собственной классификационной шкале от пацифизма до милитаризма. Речь идет о ленинской (большевистской) теории справедливой войны.

Прежде чем охарактеризовать эту теорию, мы должны упомянуть о месте и времени ее складывания. Хотя источником ее формирования послужили труды Маркса и Энгельса (чтобы привести их довольно-таки противоречивые идеи в подобие системы, советским теоретикам пришлось немало потрудиться), творцом этой теории нужно считать Ленина. Катализатором оформления теории стала Первая мировая война, в ходе которой Ленину пришлось выработать оригинальную систему доводов в защиту своей антивоенной и пораженческой позиции.

В основе ленинской теории войны был марксистский историзм, согласно которому любой конфликт поддается оценке лишь с учетом конкретного положения в историческом процессе. Следовательно, данная концепция справедливой войны полностью зависела от того, как в каждом конкретном случае участники конфликта классифицированы на основе социально-экономических критериев — или, как отмечал позднее крупнейший советский правовед Е.Б. Пашуканис, “определяя свое отношение к войне и к войнам, коммунисты изучают исторически каждую войну в отдельности, применяя Марксов метод диалектического материализма” [Пашуканис 1935: 189]. Справедливый либо несправедливый характер войны определяется не ее декларированной целью либо причиной — а *статусом ее участника*. Собственно, задачей марксистов и является *проблематизация статуса субъекта военных действий*.

Если участник является империалистической державой, то, какими бы ни были его цели и причины, его участие в войне будет *несправедливым*. Следствием такого подхода был отказ ленинской теории ставить во главу угла проблему агрессии: “Представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более ‘справедливый’ передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия ‘оборонительной’ войны или ‘защиты отечества’ было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами” [Ленин 1969: 313]¹⁰. Никакого пиетета большевистские теоретики не испытывали и по отношению к понятию суверенитета: “Во всех случаях суверенитет есть не что иное, как юридическое выражение диктатуры класса. Государственная власть, как наиболее всеобъемлющая организация господствующего класса, концентрирующая самые мощные орудия принуждения и насилия и готовая сломить всякое сопротивление — и есть суверенная власть” [Пашуканис 1935: 90].

Однако большевистская политическая теория, с пренебрежением относясь к суверенитету, была в то же время чрезвычайно чувствительна к проблеме национального самоопределения. Эта позиция была четко обозначена в столкновении между Лениным и той частью европейской социал-демократии, которая полагала, что любые войны эпохи империализма несправедливы и что, следовательно, вопрос “защиты отечества” полностью неправомерен. Ленин занимал принципиально противоположную позицию, настаивая на том, что существует два типа справедливых войн: национально-освободительная война и оборонительная война победившего пролетариата против капиталистов [Ленин 1969: 311–312]. Эта система взглядов, выработанная в годы Первой мировой войны, подверглась коррекции, когда большевистское крыло РСДРП стало правящей партией, а мировая революция оказалась отложенной на

¹⁰ Это высказывание процитировал и М. Уолцер, говоря о проблеме определения агрессора [Walzer 2006: 60].

неопределенный срок. Ленинская теория войны из стратегии революционного действия превратилась в политическую доктрину советского государства.

Так какая же война может считаться оправданной в рамках данного подхода? Рассуждая об этом, Е.Б. Пашуканис подверг критике концепцию гуманитарной интервенции, представленную американским теоретиком Э. Стауэллом [Stowell 1921] и в определенной мере близкую к концепции Д. Любана [Glanville 2011], однако сочувственно отозвался о революционной войне времен Французской революции, “направленной не против народов, но против реакционных правительств” (свои аргументы Пашуканис усилил здесь ссылкой на Ваттеля) и предостерег от того, чтобы “сугубо формалистически ограничиться противопоставлением принципа невмешательства принципу интервенции (реакционной или революционной)” [Пашуканис 1935: 105]. Разумеется, для большевистского теоретика *невозможным было раз и навсегда решить вопрос о допустимости или недопустимости интервенции!* К тому же Пашуканис оказывался в двусмысленной ситуации, так как ему приходилось комбинировать ленинскую теорию войны с практиками, выработанными СССР для участия в существующей системе международного права, сформировавшейся по линиям рассмотренной нами в начале статьи юридической теории — этот своеобразный советский легализм отстаивал, в частности, народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов. К примеру, рассуждая о *jus ad bello*, Пашуканис превозносит советское определение агрессии, предложенное СССР на Лондонской конвенции 1933 г. и шедшее вполне в русле юридической теории, однако одновременно цитирует Ленина, признавая “законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т.е. войн угнетенного класса против угнетающего” [там же: 189]. Имеет ли в этом случае определение агрессии хоть какое-то значение?

Хотя прямолинейное применение базовых постулатов ленинской теории, казалось бы, должно привести к отрицательному ответу (нет, *не имеет*, поскольку является буржуазным обманом), Пашуканис дает положительный ответ: да, *имеет*. Почему? Потому что успешность внешней политики и, в частности, советской политики Пашуканис последовательно связывает с ее способностью привлекать на свою сторону массы [там же: 63]. Так, отмежевываясь от понятия гуманитарной интервенции, он с юмором замечает, что экспорт идей из СССР к интервенции отнестись невозможно. А это означает, что справедливость войны “сама по себе” — лишь эффект *оценки и описания конфликта в категориях справедливости*; ленинская теория войны не предполагает “кабинетную классификацию войн” ради классификации, но требует *идеологически ее оформить*, донести ее до широкого круга адресатов в понятных им категориях. Задача такой “практической теории” — каждый раз выявлять под маской благородных мужей тех самых рабовладельцев, воюющих ради передела рабов¹¹. Подобные рассуждения советских теоретиков

¹¹ Следы этого подхода можно обнаружить, например, в одном из самых известных советских текстов о войне — речи Сталина 3 июля 1941 г., где справедливость войны против гитлеровской Германии разъясняется с помощью двух систем аргументации: во-первых, Германия выступает поработительницей других народов и, следовательно, борьба с ней приобретает характер национально-освободительной войны, во-вторых, нарушением пакта о ненападении Германия “разоблачила себя как кровавого агрессора” перед всем миром. Здесь определение войны как справедливой в ленинских категориях (как войны освободительной) поддерживается ссылкой на юридическое определение справедливой войны, не являющееся ленинским, но чрезвычайно важное с точки зрения убеждения адресатов, не поддерживающих марксизм-ленинизм. Впрочем, более показательны примеры, не затрагивающие войны с участием СССР или его союзников. В 1935 г. советские публицисты характеризовали агрессию

сходны с апелляцией Уолцера к способности теории справедливой войны резонировать с мнением “простого человека” и к необходимости использования апелляции к справедливости как риторической стратегии, касающейся даже самого закоренелого циника.

Это сходство не случайно. И большевистская теория справедливой войны, и теория Уолцера, на наш взгляд, делают акцент на проблеме классификации субъектов международного политики. “Диагностика войны”, в свою очередь, не является только лишь проблемой вынесения экспертного суждения, валидного *per se*; она требует *определенных риторических операций*, позволяющих убедить широкий круг адресатов в том, что тот или иной субъект на самом деле действует справедливо [Waltzer 2006: 303]. Подобная теория исключает возможность выработать раз и навсегда некий устойчивый набор критериев и норм, дающих основание классифицировать конфликт как справедливый — в первую очередь именно по той причине, что классификации подлежат субъекты конфликта, а не сами конфликты. В этом смысле две чрезвычайно разные по своим основаниям и аргументам теории справедливой войны — Уолцера и Ленина — парадоксальным образом оказываются близки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно сказать, до какой степени намеренно Шмитт, рассуждая о *теории партизана*, сближал нелюбимые им ленинский большевизм и схоластическое учение о справедливой войне, усматривая в обоих вызов той стабильной, регулярной системе “дозированного насилия”, которую сокрушила Первая мировая война. Выше мы постарались показать, что это сближение в некоторой мере оправданно: теория справедливой войны фокусирует внимание на определении статуса субъекта международных отношений, подразумевая риторическое оправдание легитимности и, следовательно, рассматривая войну как политический феномен (уолцеровское *as if* примерно соответствует рассуждениям Пашуканиса о том, что буржуазное международное право *нужно стараться соблюдать*, даже если большевики в него и не верят). Именно по этой причине теория справедливой войны подвергается острой критике с позиций пацифизма [Calhoun 2013].

Это позволяет довольно четко отделить теорию справедливой войны как от строгого легализма в духе документации ООН, так и от “кантовско-вильсоновского” взгляда, сводящего войну к (превентивной) полицейской операции (Хабермас). А как же политический реализм в духе Моргантау или Шмитта? Он, безусловно, враждебен “кантовско-вильсоновскому” взгляду, но вовсе не

Италии в Эфиопии как безусловно несправедливую в силу ее империалистской направленности, даже несмотря на попытки Москвы заключить с Римом союз против гитлеровской Германии [Clarke 1996]. А справедлива ли оборона феодального уклада Эфиопии против итальянского индустриального капитализма? К.Б. Радек давал утвердительный ответ: да, такая война справедлива постольку, поскольку способна мобилизовать массы рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, не только отразить нападение, но и преобразовать отсталую, феодальную страну (см. Радек К.Б. Абиссиния как она есть. — *Известия*. 1935. № 234 (5787). С. 2). Если воюют две бывшие колонии, как в случае индо-пакистанской войны 1965 г., то определить справедливую сторону сложнее. СССР считал войну несправедливой со стороны Пакистана — угнетателя Бангладеш, пошедшего на поводу у империалистов, заинтересованных в войнах для возвращения былого влияния (см. Кондрашов В. Путь республики. — *Известия*. 1972. № 189. С. 2). Но что делать, если в конфликте ни одна сторона не связана с империалистами, как в разразившейся в 1980 г. войне между баасистским Ираком и революционным Ираном (революцию 1979 г. в СССР трактовали как непоследовательную, но все же безусловно антиимпериалистическую)? Путеводные инструкции Ленина, позволявшие классифицировать субъектов конфликта, здесь не работали, и советским обозревателям оставалось сетовать на бессмысленность войны, по определению выгодной только империалистам (см. Глухов Ю. Кому это выгодно? — *Правда*. 1980. № 268 (22698). С. 5).

дружествен и теории справедливой войны; его можно считать последовательно объективистским подходом, ищущим в политике единых закономерностей под именем “государственного интереса” и стремящимся анализировать не статус субъекта международной политики, а его *действия*, понятые сквозь призму “государственного интереса”.

Вместо признания суверенитета отправной точкой в международных отношениях и вытекающего отсюда анализа мирового порядка как отношений между “моральными личностями” теория справедливой войны решительно заменяет понятие суверенитета понятием легитимности, статуса. Хотя наиболее радикальные разработки в данном направлении вообще отбрасывают значимость суверенитета, основная идея теории справедливой войны все же заключается в том, что юридические основы международного порядка дополняются еще одной “сеткой координат”, в которой значение приобретает способность оправдывать те или иные действия, апеллируя к общественному мнению, к сложившимся системам ценностей. Видный советский идеолог и деятель Коминтерна К.Б. Радек, рассуждая в 1935 г. о международной политике, замечал: “Старые циники дипломатических канцелярий, как бы умны они ни были, готовы пожать плечами: ‘Общественное мнение, мы знаем, как его делают!’ Но пусть они присмотрятся к отношению этого общественного мнения к политике Японии, Германии и Италии. Экспансионистские планы этих держав обратили против них настроение широчайших народных масс во всем мире. <...> Народные массы отличаются от дипломатов и присяжных буржуазных политиков тем, что относятся серьезно к идеям”¹². Иными словами, государства совершенно не похожи на моральных субъектов [Walzer 2006: 72], в политике участвуют не только “суверены”, но и масса других социальных групп, в отношениях с которыми принципиальное значение имеет эффективность убеждения — убеждения собственных граждан внутри границ, а также союзников и их граждан по другую сторону границ. Хотя теорию Уолцера обычно характеризуют как нормативную, в таком толковании наибольшую ценность имеет ее акцент на контексте и коммуникациях применительно к *jus ad bello* — достаточно вспомнить тот анализ, который Уолцер предлагает для проблемы защиты независимости, и осторожную, но последовательную критику политики умиротворения потенциального агрессора, раскрытую на примерах Чехословакии и Финляндии 1930-х годов [ibid.: 67–72]. Следовательно, теория справедливой войны между суверенитетом государства и правами граждан выбирает права, но характеристика самих этих прав является итогом коммуникативных отношений в их конкретной конфигурации, а не опоры на универсальную норму. Поэтому теория справедливой войны стала не просто откликом на неудачи США во Вьетнаме, а реакцией на массовизацию общества в XX в. и связанный с этим рост важности искусства убеждать пресловутого “простого человека” в правильности “нашей” интерпретации прав [ibid.: xxi].

Итак, теория справедливой войны — в той ее части, которая говорит о *jus ad bello* — может рассматриваться не столько как набор принципов, без соблюдения которых конфликт утрачивает справедливый характер, сколько как теория, решающее место в которой занимает способность *обосновать* справедливость того или иного конфликта в конкретных ситуациях, грамотно и убедительно описывая (проблематизируя) статус участников конфликта, статус субъектов, их легитимность. Акцент на анализе легитимности предполагает

¹² Радек К.Б. Важные уроки. — *Известия*. 1935. № 298 (5851). С. 2.

повышенное внимание к риторическим моделям и ходам, к способности реагировать на меняющуюся ситуацию, влиять на нее с помощью убеждающей, эффективной речи. Обе рассмотренные выше теории справедливой войны подчеркивают, что на международной арене сосуществуют заведомо неравные государства-акторы, и что статус-легитимность каждого такого актора в конкретной ситуации определяется сложившимся о нем мнением индивидов и групп индивидов¹³. Такое “видение” войны, имеет, на взгляд авторов статьи, сразу несколько преимуществ: эта оптика а) остается оптикой нормативной (ценности, определяющие наше видение мира, не редуцируются в ней к расчету “голового” экономического интереса), б) чувствительна к контексту — *исторически чувствительна*, — поскольку предполагаемое нормативностью разделение на “свой — чужой” (включая границы между “лагерями” своих и чужих) при этом оказывается всегда контекстуальным, требующим от лидеров умения “работать с людьми”: говорить в большей степени на языке “мужчин и женщин” (М. Уолцер), нежели на языке философских кабинетов и “канцелярий”. Таким образом, мы приходим к выводу, что своим пристальным вниманием к субъекту, ведущему войну, и субъекту, потребляющему информацию о ней (“простому человеку”), данные теории отличаются и от “кантовско-вильсоновской” системы, и от строгого легализма, и, наконец, от политического реализма Моргантау и Шмитта, ставящего во главу угла риторику обезличенного государственного интереса. Мы также полагаем, что такая “оптика” будет иметь свой методологический потенциал и в случае ее применения к реалиям глобализированной политической системы современного мира.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.09

127

BACK TO THE SUBJECT: THE THEORY OF JUST WAR IN CONTEMPORARY POLITICAL THOUGHT

K.D. Bugrov^{1,2}, A.V. Loginov²

¹*Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Science. Yekaterinburg, Russia*

²*Ural Federal University. Yekaterinburg, Russia*

BUGROV, Konstantin Dmitrievich, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Science; Professor, Ural Federal University, email: k.d.bugrov@gmail.com; **LOGINOV, Aleksei Valer'evich**, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Philosophy, Ural Federal University, email: alexeyloginov@urfu.ru

Bugrov K.D., Loginov A.V. Back to Subject: The Theory of Just War in Contemporary Political Thought. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 114–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.09>

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 18-18-00216.

Received: 04.06.2019. Accepted: 26.12.2019

Abstract. The article compares several intellectual paradigms that inform the problem of just war. The beginning of article shows that the present-day legalist theory of permissible war (like Conventions and Charters of the UN), to our mind, inherits an antinomy which emerged in the history of political thought,

¹³ См., например, аргументы Соединенного Королевства относительно необходимости вооруженного вмешательства в Сирию в апреле 2018 г. в официальной — для масс! — резолюции (Syria Action — UK Government Legal Position. 14.04.2018. URL: www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position (accessed 15.10.2019) и то, как эти аргументы можно интерпретировать, если занимаешь принципиально иную идеологическую позицию и обращаешь пристальное внимание на международную репутацию тех, кто говорит. См. Milanovic M. The Syria Strikes: Still Clearly Illegal. — *EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law*. 15.04.2018. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-syria-strikes-still-clearly-illegal/> (accessed 10.07.2020).

and which counterposes state sovereignty and human rights. Within such normative framework, the justification of war gravitates either to protection of state sovereignty or to the defense of human rights; for example, the priority of human rights over sovereignty is being proclaimed by authors such as Habermas, who reduce war to a mere 'police operation'. We reconstruct the philosophical foundations of this theory (Vattel, Kant) to suggest that such a normative theory incurs the loss of state legitimacy as a criterion *jus ad bellum*, interpreting legitimacy on contractual terms. Further, we examine ideas of political realism (Morgenthau) and the critics of 'Kantian-Wilsonian system', which, as certain authors consider (Schmitt), leads towards the demonization of an enemy, towards the endless escalation of violence, and towards the transformation of regular war into partisan war. The third part of the article deals with the legitimization of war in Bolshevik political philosophy and studies the specifics of arguments of Lenin, which, along with the works of Pashukanis, represent the nucleus of the unique concept of just war, which goes beyond the antinomy 'sovereignty — rights'. In the final chapter, the authors show that Walzer's theory of just war, which is popular nowadays, shares certain characteristics with Leninist theory of war; for both these theories, firstly, both place importance in rhetoric strategies for problematizing the status of subjects waging war; secondly, both are sensitive to status-based justifications of war in particular cases; and thirdly, both place emphasis upon the necessity of effective persuasion of 'ordinary people' (or 'masses', in Lenin's words) in the just character of war. The authors conclude that it is attention to the subject waging war and the subject consuming the information (an "ordinary person") that makes a difference between these theories from the 'Kantian-Wilsonian system', from the strict legalist paradigm, and, finally, from the political realism of Morgenthau and Schmitt which operates through the concept of depersonalized state interest.

Keywords: war, legitimacy, sovereignty, human rights, ideology, J. Habermas, M. Waltzer, K. Schmitt, V. Lenin.

References

- Calhoun L. 2013. *War and Delusion: a Critical Examination*. New York: Palgrave Macmillan. 263 p.
- Clarke J. 1996. Soviet Appeasement, Collective Security, and the Italo-Ethiopian War of 1935 and 1936. — *The Selected Annual Proceedings of the Florida Conference of Historians*. Vol. 4. P. 115-132.
- Cristol J. 2009. Morgenthau vs. Morgenthau? "The Six Principles of Political Realism" in Context. — *American Foreign Policy Interests*. No. 31. No. 4. P. 238-244. <https://doi.org/10.1080/10803920903136247>
- Dreveskracht R. 2010. Just War and International Law: An Argument for a Deontological Approach to Humanitarian Law. — *Buffalo Human Rights Law Review*. Vol. 16. P. 237-288.
- Glanville L. 2011. Ellery Stowell and the Enduring Dilemmas of Humanitarian Intervention. — *International Relations Review*. Vol. 13. No. 2. P. 241-258. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2011.01023.x>
- Holland B. 2011. The Moral Person of the State: Emer de Vattel and the Foundations of International Legal Order. — *History of European Ideas*. Vol. 37. No. 4. P. 438-455. <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2011.03.001>
- Just War Thinkers: from Cicero to the 21st Century*. 2018. Ed. by D. Brunstetter, C. O'Driscoll. New York: Routledge. 282 p. <https://doi.org/10.4324/9781315650470>
- Inglehart R. 2017. There is a Crucial Social Need for Competent Social Scientists. — *Changing Societies and Personalities*. Vol. 1. No. 1. P. 12-26. <http://dx.doi.org/10.15826/csp.2017.1.1.002>
- Kumankov A. 2015. Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Critique of Just War Theory. — *Russian Sociological Review*. Vol. 14. No. 4. P. 77-91. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2015-4-77-91>
- Luban D. 1980a. Just War and Human Rights. — *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 9. No. 2. P. 160-181.
- Luban D. 1980b. The Romance of the Nation-State. — *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 9. No. 4. P. 392-397.
- Morgenthau H. 2005. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Beijing: Peking University Press. 658 p.
- Nakhimovsky I. 2007. Vattel's Theory of the International Order: Commerce and the Balance of Power in the Law of Nations. — *History of European Ideas*. Vol. 33. No. 2. P. 157-173. <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2006.11.006>
- Prinz J., Rossi E. 2017. Political Realism as Ideology Critique. — *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Vol. 20. No. 3. P. 334-348. <https://doi.org/10.1080/13698230.2017.1293908>
- Ray A. 2003. International Relations: A Critique of Realist Theory. — *India International Centre Quarterly*. Vol. 30. No. 2. P. 110-128.
- Stowell E. 1921. *Intervention in International Law*. Washington: John Byrne & Co. 558 p.
- Walzer M. 2006. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books. 361 p.

Walzer M. 2002. The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success). — *Social Research*. Vol. 69. No. 4. P. 925-944.

Apresyan R.G. 2002. Metanormative Contents of the Principles of Just War. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 57-71. (In Russ.) URL: <https://www.polistudies.ru/files/File/2002/3/Polis-2002-3-Apresyan.pdf> (accessed 02.07.2020).

Berdiaev N.A. 1926. Koshmar zlogo dobra [Nightmare of Evil Goodness]. — *Put'. Organ russkoi religioznoi mysli* [Way. The Organ of Russian Religious Thought]. No. 4. P. 103-116. (In Russ.)

Biunion F. 2002. Just War, Aggressive War and International Humanitarian Law. — *International Red Cross Journal*. No. 847. P. 205-233. (In Russ.) URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/08_irrc_847_bugnion_rus.pdf (accessed 07.07.2020).

Habermas J. 2008. Der gespaltene Westen. Kleine politische Schriften. (Russ. ed.: Habermas J. *Raskoloty Zapad*. Moscow: Ves Mir Publ. 192 p.)

Ivanov A.V. 2016. Moral Dilemmas and Conceptual Contradictions of the Theory of “Just War. — *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cultural Studies and Art. Questions of Theory and Practice*. No. 7. P. 55-58.

Kashnikov B.N. 2014. Theory of Just War as War and Justice in a Global World. — *War and Law Journal*. No. 3. P. 24-32.

Lenin V.I. 1969. Sotsializm i voina (Otnoshenie RSDRP k voine) [Socialism and War (The Attitude of RSDLP Towards the War)]. — *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 26. Moscow: Political Literature Press. P. 307-350. (In Russ.)

Margiev V.I. 2005. A Development of Theory and Practice of International Law Subjectivity. — *Vestnik of Adygeia State University*. No. 4. P. 138-143.

Nravstvennye ogranichenia voyny: problemy i primery [Moral Restrictions of War: Problems and Cases]. 2007. Ed. by M. Coppiters, N. Foushin, R. Apresyan. Moscow: Gardariki, 407 p.

Pashukanis E.B. 1935. *Ocherki po mezhdunarodnomu pravu* [Notes on International Law]. Moscow: Soviet legislation. 221 p.

Sazonova K.L. 2014. Conception of “Just War” in Contemporary International Law. — *Journal of Russian law*. No. 5. P. 117-125.

Schmitt K. 2007. Theorie des Partisanen. (Russ. ed.: Schmitt K. *Teoria partizana. Pomeszutochnoe zamechanie k poniatii politicheskogo*. Moscow: Praxis. 301 p.)

Литература на русском языке

Апресян Р.Г. 2002. Метанормативное содержание принципов справедливой войны. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 57-71. URL: <https://www.polistudies.ru/files/File/2002/3/Polis-2002-3-Apresyan.pdf> (accessed 07.07.2020).

Бердяев Н.А. 1926. Кошмар злого добра. — *Путь. Орган русской религиозной мысли*. № 4. С. 103-116.

Бюншон Ф. 2002. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право. — *Международный журнал Красного Креста*. № 847. С. 205-233. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/08_irrc_847_bugnion_rus.pdf (accessed 07.07.2020).

Иванов А.В. 2016. Моральные дилеммы и концептуальные противоречия теории “справедливой войны”. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 7. С. 55-58.

Кашников Б.Н. 2014. Теория справедливой войны” как война и справедливость глобального мира. — *Военно-юридический журнал*. № 3. С. 24-32.

Ленин В.И. 1969. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). — *Полное собрание сочинений*. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит.-ры. С. 307-350.

Маргиев В.И. 2005. Эволюции теории и практики международной правосубъектности. — *Вестник Адыгейского государственного университета*. № 4. С. 138-143.

Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. 2007. Под ред. М. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики. 407 с.

Пашуканис Е.Б. 1935. *Очерки по международному праву*. М.: Советское законодательство. 221 с.
Сазонова К.Л. 2014. Концепция “справедливой войны” в современном международном праве. — *Журнал российского права*. № 5. С. 117-125.

Хабермас Ю. 2008. *Расколотый Запад*. М.: Весь Мир. 192 с.

Шмитт К. 2007. *Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического*. М.: Праксис. 301 с.

РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин

ГРИНИН Леонид Ефимович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, email: leonid.grinin@gmail.com; **ГРИНИН Антон Леонидович**, кандидат биологических наук, главный научный сотрудник, Международный центр образования и социально-гуманитарных исследований, Москва, email: algrinin@gmail.com

Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. — Polis. Политические исследования. 2020. № 5. С. 130-147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Статья поступила в редакцию: 12.05.2020. Принята к публикации: 16.06.2020

Аннотация. В обширной литературе, посвященной революциям XX в., остаются, существенные пробелы в разработке теоретических подходов к типологии революций. Явно недостаточно исследований, связанных и с количественным анализом всей совокупности революций XX в. Настоящая статья предлагает теоретический и количественный анализ революционного процесса XX в. В статье представлена оригинальная типология революций, введено важное понятие “аналог революции”. Авторы анализируют общие черты революций XX в. и показывают отличия их от революций прошлых периодов (в частности смещение революционной активности из центра мир-системы к ее периферии). Представлен новый подход к выделению волн революций, который включает следующие критерии: 1) реальную связанность событий в рамках мир-системы общими факторами; 2) количество революций в рамках одной волны (не должно быть меньше 4-5 революций; при этом нельзя говорить о революционной волне, если революции происходят только в рамках одного крупного государства; 3) временной интервал революционных событий (должно проходить не более 10 лет между началом первого и началом последнего события); 4) отсутствие перекрывания волн: в один хронологический период может быть одна волна. На основе этих критериев выявлено пять волн. Первая волна — 1905-1911 гг. Причины характеризующих ее революций были связаны, прежде всего, с модернизацией Турции, Персии, Китая и некоторых других стран и вызванными этим изменениями в их общественном сознании. Вторая волна — 1917-1923 гг. — обусловлена результатами Первой мировой войны. Третья волна — 1930-1938 гг. — связана с мир-системным событием, небывалым мировым экономическим кризисом (Великой депрессией). Четвертая волна — 1943-1949 гг. — определялась результатами Второй мировой войны. Пятая волна — 1989-1996 гг. — включила в себя антисоциалистические революции в Восточной Европе и республиках СССР. В статье впервые представлен количественный анализ революций по их типам. Даны также количественный анализ революционных событий всего рассматриваемого периода и распределения революций по этим пяти волнам. В целом предложенная система теоретико-количественного анализа позволяет в новом ракурсе увидеть революционный процесс XX века.

Ключевые слова: революция, аналог революции, волны революций, типология революций, мир-система, мир-системное событие, революционное событие, модернизация.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ обширного круга литературы, посвященной революциям XX в., представлен, в частности, в работах [Goldstone 2001; Sanderson 2016; Lawson 2016; Гринин, Коротаев, Исаев 2016: введение; Шульц 2016]. Авторы исследуют как отдельные революции, так и определенные их типы (например, социалистические и антисоциалистические), а также революции в определенных регионах или с особой формой политической борьбы (например, в виде партизанского движения) и т.д. Изучаются отдельные аспекты революций XX в. Однако одним из наиболее серьезных пробелов остается отсутствие полноценной типологии революций [Andreski 1988: 26–27; Goldstone 2001: 142–144, 2014: 36–38; Шульц 2016: 33–48]. Современные исследования революций далеко не всегда рассматривают их в общем ряду других политических событий, связанных с насильственными и/или крупными переменами в политическом режиме, социально-политическом строе и т.д., явно родственных по многим признакам революциям, но не попадающих под их конвенциональное определение. Это создает большие разногласия в плане определения революций и отнесения тех или иных событий к революциям. В настоящей статье для преодоления этого затруднения авторы вводят особый термин для маркирования такого рода социально-политических событий — *аналог революции*. Другая проблема, стимулировавшая наши исследовательские усилия, — явно недостаточное число количественных исследований совокупности революций XX в. В ряду авторов, занимающихся этим вопросом, следует упомянуть Колина Бека и Марка Бессинджера [Beck 2011; Beissinger 2018]. Нами составлена база данных революций XX в. с целым рядом характеристик¹. На основе характеристик революционных событий, представленных в этой базе, мы провели числовой анализ революций и аналогов революций XX в. по десятилетиям и пятилетиям.

Тема революционного процесса XX в., будучи тесно связана с различными мир-системными аспектами (о чем еще не раз будет сказано ниже), имеет, соответственно, важное геополитическое значение. Существенное значение имеет анализ структурных причин революций, в первую очередь — для сообществ, имеющих сходные условия развития и/или культурно-исторические особенности. В рамках данной статьи не представляется возможным дать более или менее развернутое обсуждение этих тем, но ранее мы уделили им достаточно внимания (см., например, [Гринин 2017; Гринин, Коротаев, Исаев 2016; Зинькина и др. 2017; Zinkina et al. 2019]). Мы отмечали, что революции как своего рода геополитическое оружие особенно активно использовалось с начала XX в., после Октябрьской революции к этому средству систематически прибегал СССР. Постоянно оно используется и США, особенно интенсивно — после коллапса СССР. По крайней мере, одна волна революций (2000–2009 гг.), а также революции и попытки революций в 2014–2019 гг. связаны с геополитической борьбой за глобальную гегемонию (см. [Гринин, Коротаев, Исаев 2016]).

Причины революций, как структурные (такие как модернизация, узловые моменты исторического процесса, крупные мир-системные изменения, технологические революции и смена технологических укладов), так и общие —

¹ Авторская база данных революций XX в размещена по адресу: URL: https://www.socionauki.ru/authors/grinin_1_e/revolution/ (accessed 28.06.2020). Основной массив данных из нее представлен также в таблице Приложения на сайте журнала “Полис. Политические исследования” (<http://www.polistudies.ru>) в разделе “Архив журнала” — 2020 — № 5 — Гринин Л.Е., Гринин А.Л.. Революции XX века: теоретический и количественный анализ.

в рамках историко-культурного региона под влиянием внешних воздействий, синхронизирующих начало революций в разных обществах, — мы также анализировали ранее, с учетом соответствующих макросоциологических теорий (см., например, [Гринин 2017]).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Различия революций XX и XIX веков, включая причины их происхождения

Несомненно, революции XX в. многими чертами напоминают революции XIX и предшествующих веков. Найти качественные различия между первыми и вторыми зачастую непросто (см., например, [Dunn 1989]). Тем не менее значимые отличия между революциями двух столетий имели место. Во всяком случае, можно выделить некоторые тенденции, которые вышли на первый план или широко проявили себя именно в XX в.

1. Усилилось стремление добиваться радикального социального равенства, а также целенаправленного устранения причин социального неравенства. Это выразилось, например, в росте влияния социалистических идей, в том числе — требований отмены частной собственности. Идеи равенства перед законом, распространявшиеся с конца XVIII и в XIX в., теперь переросли в требование равенства уже по уровню потребления.

2. В XX в. основные очаги революций все сильнее отходили от центра мир-системы на полупериферию или даже на периферию (в XIX в. они были пусть и не в самом центре, но близко к нему, что позволяло пережившим революции странам подтянуться к центру или даже интегрироваться с ним).

3. В результате возникли или широко распространились новые типы революций. Прежде всего, конечно, социалистические, а на закате социалистической системы — антисоциалистические. Также появились, по Хантингтону [Huntington 1968], *восточный тип* революции (в том числе, в особых случаях, религиозный тип) и особый тип революций правого толка, характерный для фашистской Италии, нацистской Германии и некоторых других диктаторских режимов Европы 1920-х — 1930-х годов.

4. В целом существенно изменился характер революционных действий, в частности усилилась роль партизанской войны, которая часто продолжалась десятилетиями (см., например, [Wickham-Crowley 1991, 1992; Selden 1995; McClintock 1998]).

В XX в. резко усилилось влияние внешних событий, которые ускоряли развитие внутреннего кризиса и усугубляли положение правящих сил, способствовали росту революционных настроений и выступали важным или важнейшим условием возникновения и/или победы революции. Во-первых, связь между революциями и войнами никогда не была столь сильна, как в XX в. ([Halliday 2001: 64]; о связи революции и войны см. также [Arendt 2006; Skocpol 1979, 1994; Gurr 1988; Goldstone 2001; Walt 1997, 2001; Грациози 2005]). Во-вторых, многие революции были связаны с геополитическими причинами, к числу которых, конечно, относятся мировые войны и поражение Германии, Японии и их союзников. Следует указать также на распад колониальных империй и появление революционных центров в мире в виде государств, исповедующих революционную идеологию и стремящихся к победе своих сторонников в разных странах, и связанное с этим геополитическое

и идеологическое противостояние держав и социально-политических систем. В этом ряду и борьба между фашизмом и социализмом, а затем — между социализмом и капитализмом (СССР и США). В-третьих, в последние десятилетия XX в. революционные процессы в мире ускорились под влиянием глобализации и мир-системных трансформаций.

Завершая этот раздел, отметим, что число революций в мире в XX в. по сравнению с предшествующими периодами существенно выросло. В частности, мы включили в анализ 116 революционных событий (революций и их аналогов). Что касается XIX в., то у Бека [Beck 2011: 182] в XIX в. выделено только 15 революций². К этому надо добавить несколько революций, им пропущенных в Европе, в Латинской Америке и Японии. Ч. Тилли включил в подсчет вместе с революциями также и восстания, мятежи, гражданские войны, военные перевороты, даже межгосударственные войны и прочие события. У него мы насчитали около 60 событий в Европе за XIX в., из них 26 — на Балканах и в Венгрии и 26 на Пиренеях: реальные революции в его таблицах не отделены от других событий [см. Tilly 1996: Tables 3.2-3.4. и др.]. По нашим подсчетам, число реальных революций в XIX в. не более 40-45. Таким образом, налицо почти трехкратный рост революций за столетие (в XX в. по сравнению с XIX в.). Это объясняется как увеличением числа независимых стран, так и переходом революционных процессов из центра мир-системы на полупериферию и периферию. И хотя Эрик Хобсбаум верно называл XIX век веком революций [Хобсбаум 1999], однако наибольшее количество революций произошло, конечно, в XX в.

Аналоги революций

В XX в. имело место вовлечение в исторический процесс в качестве его субъектов новых сообществ, развитие которых, во-первых, было далеко от центра мир-системы (и, соответственно, магистрального пути исторического процесса), а во-вторых, эти сообщества часто подтягивались за счет мир-системных процессов к более высокому уровню, соответствовать которому им было сложно. Это вело к многочисленным попыткам совершить в этих сообществах революции по типу западных. Но их недостаточная развитость и своеобразная социальная структура порождали рост числа особого рода революционных событий, которые можно назвать *аналогами революций*, — революционных по значимости, формам и методам преобразований и масштабу мобилизации масс, но не по форме совершения социально-политического переворота³. Рост числа таких аналогов революций был также обусловлен возрастанием роли государства в различных сферах и соответствующим усилением возможностей его вмешательства в социальные преобразования.

Аналоги революции также следует рассматривать в ряду политических и социальных переворотов, имеющих своим результатом смену/изменение

² Число явно занижено, так как он пользовался таблицами И. Тилли [Tilly 1996], который рассматривал только революции в Европе, и то не во всех ее регионах.

³ Можно согласиться с С. Сандерсоном, что объяснения революций в третьем мире — это особая задача по сравнению с объяснением более ранних революций, — настолько первые своеобразны [Sanderson 2016]. Но революции в третьем мире, будь то в Латинской Америке, Азии или Африке, не похожи не только на революции XVIII-XIX вв., но и на многие революции первой половины XX в. в Европе и России, так же как и на революции в Азии в начале XX в. Об антиколониальных и антидиктаторских революциях в третьем мире см. [Dix 1984; Dunn 1989; Shugart 1989; Goodwin, Skocpol 1989; Farhi 1990; Revolutions in the Third World 1991; Goldstone, Gurr, Moshiri 1991; Foran 1992, 1997; Foran, Goodwin 1993; Johnson 1993; Goldstone 1994; Kim 1996; Snyder 1999].

политического режима и глубокие преобразования в политико-социальной структуре общества. Как и в случае классических революций, смена политического режима в этом случае *на первом этапе* сопряжена со свержением прежнего режима и приходом новых политических сил к власти. Но укажем и два *наиболее важных признака именно аналога революции* (а не просто реформ, модернизационных преобразований и т.п.). Это, во-первых, осуществление перехода власти не путем мобилизации масс и протестных акций в отношении существующего правительства, а иными путями (приходом к власти в результате военного переворота; заговора или дворцового переворота, наконец, в ходе политических выборов и т.п.). А во-вторых, эффект последующей, уже в ходе социально-политических преобразований, мобилизации масс⁴.

Очень часто аналоги революции, имевшие место в целом ряде стран, считаются именно революциями, что одновременно и верно, и неверно (в том числе в соответствии с большинством определений революций, см. [Штомпка 1996: 370-372; Гринин, Коротаев, Исаев 2016: 12-15]). В связи с этим выделение аналогов революций устраняет ряд противоречий. В частности в 1950-1960-е годы в Арабском мире было несколько военных переворотов, которые открыли эпохи масштабных революционных перемен в этих странах. Нацистскую трансформацию Германии, которая активно шла с 1933 г., можно рассматривать как своеобразный аналог революции. События в ЮАР в 1990-х годах, коим предшествовали общественное противостояние, общая либерализация и изменение избирательных законов, также можно рассматривать как аналог революции, приведший к полной отмене режима апартеида и радикальным изменениям в обществе, фактически начавшимся после выборов 1994 г.

Роль аналогов революций в общем революционном процессе можно увидеть на рис. 1 и 2, где представлены общее число революционных событий в каждое десятилетие и пятилетие с разделением этого числа на собственно революции и их аналоги. Эти диаграммы позволяют увидеть, что аналоги революций появляются с 1930-х годов. Это не случайно, поскольку в тот период под влиянием изменений, связанных с Первой мировой войной, революционными процессами и глубоким социально-экономическим кризисом конца 1920-х — начала 1930-х годов, проявились серьезные изменения в мир-системе. Характерно, что в некоторые периоды, например с 1930 по 1939 г., а также с 1964 по 1975 г., аналоги революций численно даже преобладали, так как последний интервал был периодом становления молодой государственности в Азии и Африке. На рис. 2 в отдельные пятилетия (1936-1940 и 1966-1970 гг.) революции вообще не представлены, а выявляются только их аналоги.

Как уже сказано, мы выделили 116 революционных событий⁵. Это число складывается из 82 революций и 34 аналогов. На рис. 3 наглядно представлено соотношение революций и их аналогов в XX в. как в абсолютных числах, так и в процентах на круговой диаграмме.

Итак, на долю аналогов приходится почти 30% от общего числа революционных событий, а соотношение революций и их аналогов 2,4/1, т.е. на

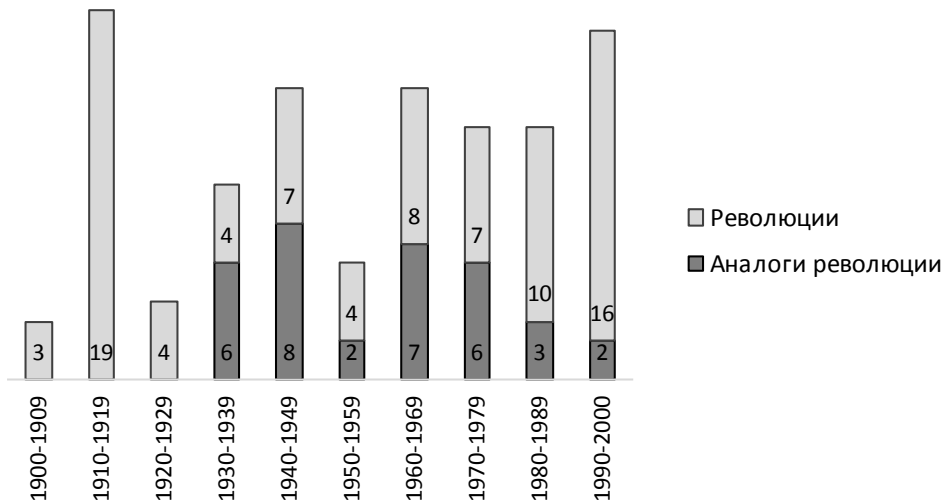
⁴ Об этой важной черте революционных преобразований см. [Tilly 1996; Goldstone 2001, 2014].

⁵ Напомним, что мы не включали в это число попытки революций, а также революционные эпизоды, число которых велико (см., например, [Beissinger 2018]), а также некоторые другие события.

каждые пять революций в среднем приходится более чем два аналога революций. Иными словами, введение этого понятия существенно для понимания революционного процесса как в целом, так и в его очень важных частностях и аспектах; оно уточняет характер изменения революционного процесса в те или иные периоды в разных регионах.

Рисунок 1 (Figure 1)

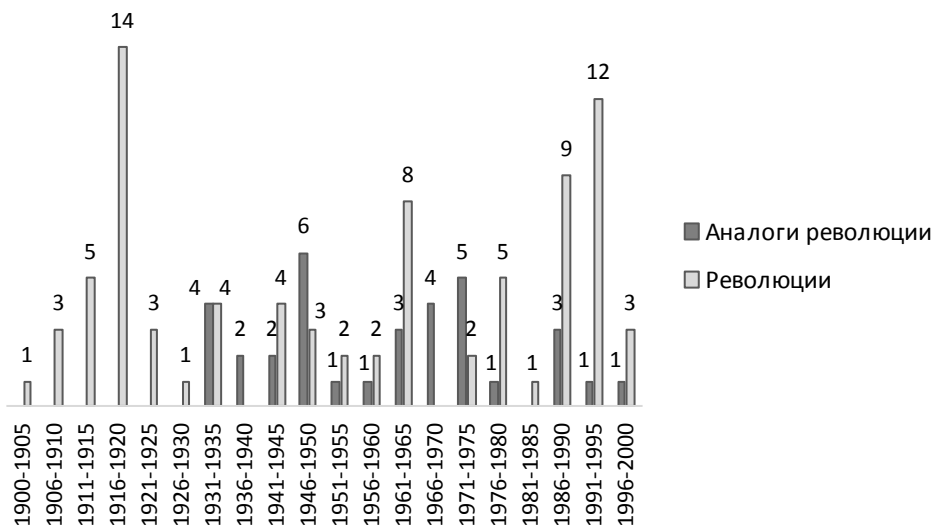
Количество революционных событий, начавшихся за десятилетие
Number of Revolutionary Events Started per Decade

135

Рисунок 2 (Figure 2)

Количество революционных событий, начавшихся за пятилетие
Number of Revolutionary Events Started per Five Years

Среди аналогов революций было особенно много военных переворотов. Это показывает, что роль военных в качестве революционной силы в ряде стран была очень велика⁶. Так, из 34 аналогов — 19 военных переворотов (более 55%). Но нередкий случай — законный и мирный переход власти к революционным силам с помощью выборов (12%), а также фактические перевороты в виде других мирных форм. Особый случай — совершение аналогов революций мирным путем при опоре на оккупационный режим или угрозе оккупации страны. Есть и совсем особые случаи, хотя они составляют небольшой процент (см. рис. 4).

Рисунок 3 (Figure 3)

Соотношение революций и аналогов революций в XX столетии
в процентах и абсолютных цифрах от общего числа революционных событий
The Ratio of Revolutions and Analogues of Revolutions in the 20th Century
in Percent and Absolute Numbers of the Total Number of Revolutionary Events

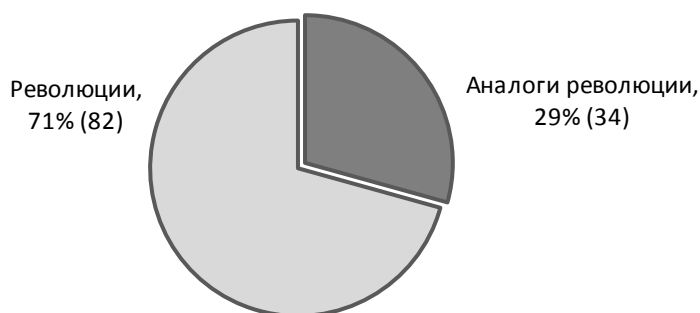
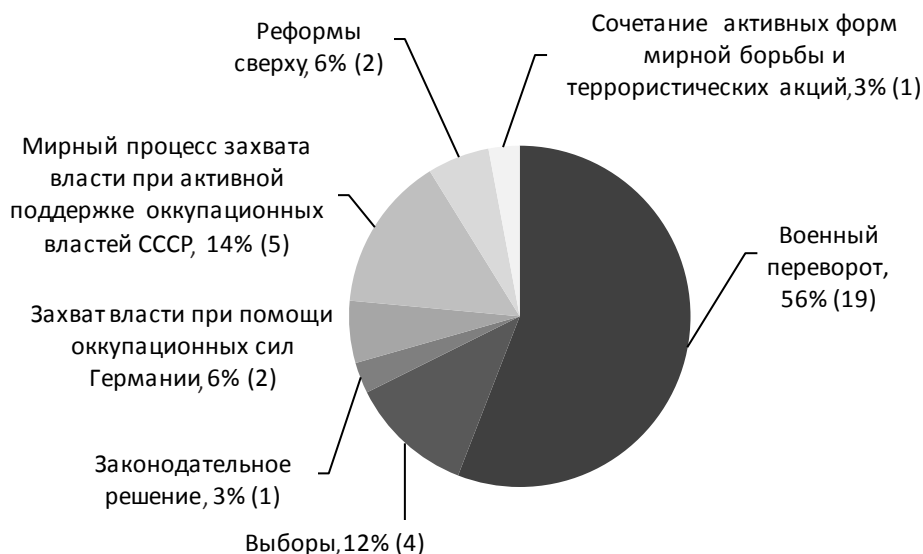

Рисунок 4 (Figure 4)

Формы аналогов революции, распределение в процентах и абсолютных цифрах
Forms of Analogues of the Revolution, Distribution in Percent and Absolute Numbers

⁶ Это связано с высоким социальным положением военных; тем, что они рассматривали себя как особую и самостоятельную социальную группу и т.д. Но в целом причины не столь просты и требуют дополнительного исследования. Ч. Тилли [Tilly 1992] говорит о “возвышении военных” в третьем мире.

КЛАССИФИКАЦИИ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Прежде чем приступать к изложению собственной типологии, укажем те типологические различия, которые отмечают исследователи в отношении революций XX в. Во-первых, ряд исследователей разделяет революции на классические и иные, революции в развитых странах и революции в отсталых странах [Von Laue 1964: 16; Tucker 1969: 137-138], революции Запада и Востока (третьего мира) [Huntington 1968: 266-273; Foran 2005: 1, 18-24]; революции в империях европейских и неевропейских [Хобсбаум 1999: 406]. Такое деление имеет смысл, поскольку, как было сказано выше, в революционный процесс оказалось втянуто множество обществ, уровень развития которых был невысок, но в результате мир-системных влияний и геополитических сдвигов революции в них начались еще до достижения уровня развития, который формирует революционную ситуацию в качестве органического результата собственного развития. Во-вторых, повторим, либеральные идеи и преклонение перед верховенством закона (правовым обществом) были менее характерны для революций XX столетия. Поэтому некоторые исследователи, как, например, Э. Хобсбаум [там же], делят их, как имеющих разную экономическую основу, на революции эпохи буржуазного либерализма (XIX в. и более ранние) и революции XX столетия.

В этой статье в целях развития теории революции мы хотели бы предложить собственную классификацию революций XX в., критериальными основаниями которой являются цели революции и ее идеология. Учтем также, что характер многих революций комплексный, т.е. чистые типы из классификации присутствуют не всегда. Итак, из 82 отобранных случаев революций и 34 — их аналогов мы выделили четырнадцать типов (в некоторых из них мы дополнительно выделяем подтипы, в том числе объединяем в общий тип два подтипа: национальные и национально-освободительные).

1. Демократические революции, цели которых связаны прежде всего с преобразованием политической системы. Среди них выявляются два подтипа. 1а. *Антимонархические* (Португальские революции 1910 и 1974 гг., революция в Монако 1910 г.). 1б. *Антидиктаторские*, поскольку они имеют особенности по сравнению с антимонархическими; этот подтип особенно характерен для стран Латинской Америки. Так, обе кубинские революции, в 1933-1934 гг. (против Х. Мачадо-и-Моралеса) и революция Ф. Кастро в 1956-1959 гг. (против Р.Ф. Батиста-и-Сальдивара) были антидиктаторскими. Но затем последняя революция трансформировалась в социалистическую. Многие революции начинались как демократические, но затем, развиваясь, меняли свой характер. Таковы были события 1917 г. в России или начало революции в Испании в 1931 г. Мы выявили 18 однозначно демократических революций и аналогов.

2. Национальные и национально-освободительные революции. Среди них также выявляются два подтипа. 2а. *Национальные* революции. Их главная цель — создание собственного государства (в основном это революции на развалинах многонациональных империй, таких как Австро-Венгерская и Российская; подобное происходило при распаде СССР и Югославии в начале 1990-х годов). 2б. *Национально-освободительные*, связанные с обретением колониальными странами и зависимыми территориями самостоятельности/автономии в вынужденном противостоянии с метрополиями. Выявлено 17 национальных и 15 национально-освободительных революций и аналогов, всего 32.

3. Социальные, т.е. в первую очередь стремящиеся решить проблемы социальной несправедливости, а демократические, политические, правовые

и иные преобразования использующие лишь как инструменты решения этой главной задачи (Мексика 1910-1917 гг.; Испания 1931-1939 гг.). Выявлено 14 социальных революций и аналогов.

4. Социалистические, руководствующиеся доктриной коммунизма. Выявлено 16 однозначно социалистических революций и аналогов.

5. Антисоциалистические, в известной мере их можно рассматривать и как демократические. Но поскольку антисоциалистические революции также обязательно решают целый ряд сложных задач возврата к институтам частной собственности, экономической свободы и другим, логичнее выделять их в особый тип, тем более что, по мнению исследователей, революции конца XX в. имеют иной тип конфликта, нежели классические (см. [Goldstone, Gurr, Moshiri 1991: 3]). Выявлено десять антисоциалистических революций и аналогов.

6. Державно-модернистские революции, ставящие целью возрождение силы собственного государства, когда революционеры хорошо осознают отсталость своего государства и стремятся использовать революцию как инструмент для быстрой модернизации. Примеры – восточные революции начала XX в., такие как младотурецкая 1908 г. и кемалистская 1919-1923 гг. революции в Турции; последняя решала также задачи восстановления национального суверенитета. Выявлено девять державно-модернистских революций и аналогов.

7. Национал-социалистические, или правые революции, совмещавшие в себе идеологии национализма (и этатизма, с элементами сакрализации государства), социализма и народности (апелляции к духу и силе масс, антиэлитаризм). Это, прежде всего, правая революция в Италии (1922-1926 гг.) и аналог революции в Германии (1933-1937 гг.), а также аналоги революций их подражателей в Европе (см. таблицу Приложения). Характерно, что они и вовсе (в отличие от социалистических революций) отбрасывали лозунги демократии. Выявлены четыре национал-социалистические революции и аналога.

8. Религиозные революции. В качестве примера укажем революцию в Иране 1979 г. (см. [Keddie, Richard 1981; Skocpol 1982; Arjomand 1989; Moghadam 1989]), в какой-то мере моджахедское движение, особенно в лице афганского Талибана, которое началось после так называемой апрельской революции 1978 г. и проведенных Народно-демократической партией реформ. Выявлено три религиозных революции и аналога.

Шесть других порой весьма своеобразных типов, когда главная “линия разлома” идет не по идеологическим, а по конфессиональным, этническим или этноконфессиональным маркерам, обсуждать которые в настоящей статье нет возможности. Все указанные типы и подтипы представлены в таблице Приложения. Таковых в ней выявлено 10 революций и аналогов (разделенных на шесть типов); там же дан их перечень и количественное распределение по типам.

В целом перед нами довольно широкий спектр типов революционных событий. Как мы видим, преобладают национальные и национально-освободительные революции (если рассматривать их вместе), за ними идут демократические и социалистические. Очень важно обратить внимание на тип революционных изменений, в процессе которого происходят глубокие трансформации революций. Заметно и число державно-модернистских получивший в рамках нашей классификации наименования соционального, тем более они были распространены в первой половине XX в. Небольшой процент особого типа революций связан с историческими особенностями отдельных обществ.

ВОЛНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Теоретические аспекты

Давно замечено, что революции в определенные периоды происходят как бы волнами, т.е. охватывая в относительно короткий период не одну, а ряд стран. Однако более систематический анализ революционных волн стал проводиться лишь в последние десятилетия [Goldstone 1991, 2001, 2002; Tilly 1996; Markoff 1994, 1996; Katz 1997; Tarrow 1998; Kurzman 2008; Beck 2011; Зинькина и др. 2017; Zinkina et al. 2019; Розов и др. 2019]. Есть разные взгляды на то, сколько революционных волн было в новой истории, начиная с XVI в. (см., например, [Beck 2011; Розов и др. 2019]). Можно согласиться с Колином Бекем, что ключевой вопрос теории революционных волн — как наилучшим образом их концептуализовать [Beck 2011: 169]. Несмотря на значимое количество работ, эта теория все еще находится в стадии разработки, требующей значительных усилий. Неудивительно, что имеются разные подходы к выявлению волн в Новой истории, и в частности в XX в. Так К. Бек выделяет пять волн в XX в.: демократические революции в начале века; революции, связанные с Первой мировой войной; фашизм; революции, связанные со Второй мировой войной; антисоциалистические революции 1989 и других годов [Beck 2011: 182-183]. Дж. Голдстоун [Goldstone 2001: 145] также выделяет пять волн в XX в.: антиколониальные революции 1950-1970-х годов; социалистические революции 1945-1979 гг.; арабские национальные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке 1952-1969 гг.; исламские революции в Иране, Судане и Афганистане 1970-1980 годов; антисоциалистические революции в СССР и Восточной Европе. Однако, как мы видим, это два разных способа классификации: совпадает у этих авторов только одна волна. Н. Розов и соавторы предпринимают попытки объединить ряд подходов к систематизации революционных волн. Как интенцию это следует приветствовать, но механическое объединение революционных волн, выделенных разными исследователями, в общий список дает не вполне удачный результат⁷. Исследователи слишком широко трактуют понятие революции, фактически причисляя к революциям мятежи и народные восстания, в итоге выделяя 26 волн [Розов и др. 2019: 76-78]. Результирующий список включает в себя явно не относящиеся к волнам события (такие как движение “Оккупай” и “Болотные” протесты). В целом, по нашему мнению, начиная с XVI в., можно выделить не более 13-14 революционных волн.

Наши подходы ближе к тому, что акцентирует К. Бек. Однако важны различия в определении природы событий, порождающих волны. Бек считает, что революционные волны — это “глубоко культурные события, которые вовлекают альтернативные идеалы в политический порядок” [Beck 2011: 168], что волны запускают скорее идеологическое и иное культурное взаимодействие и влияние в наднациональных и интернациональных рамках, а мы полагаем, что такого объяснения недостаточно. По нашему мнению, только мощные

⁷ Сами авторы признают, что в их подходе нет “единого основания” [Розов и др. 2019: 70 и далее]. В некоторых случаях теряется сам смысл понятия волны революций (т.е. хронологически не слишком далеко оторванных друг от друга событий). Например, в ряду так называемых идейных волн фигурируют “буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции”. Получается, что эта “идейная волна” длилась с XVI по конец XVIII в.? На наш взгляд, более продуктивно было бы давать типологию волн, ориентируясь на мир-системные события, которые их вызывают. В частности, имеет смысл делить волны на послевоенные (такие в классификации Розова и др. называются полемогенными) и вызванные мирными процессами. А последние, в свою очередь, — на порожденные шоковыми, радикальными мир-системными переменами (такими как Великая депрессия, агфляция, вызвавшая Арабскую весну) и обусловленными центробежными трендами, связанными с быстрым или внезапным ослаблением центров силы и мирового порядка (например, упадком влияния СССР на страны социализма в 1989 г.).

мир-системные события или изменения, которые, конечно, имеют и культурно-идеологический аспект, способны стать источником революционных волн. Такими событиями могут стать мировая война, крупный экономический кризис, затрагивающий множество стран, мощная победоносная революция, развал/ослабление крупной империи или центра коалиции, или что-то подобное. При этом то или иное мир-системное событие (например, мировая война) вместе с революциями несет мощный поток иных множественных перемен, так что революционная волна является только частью общего процесса изменений.

Следует соотнестись и с некоторыми макросоциологическими теориями, которые могут быть полезны при анализе революционных процессов и структурных причин революционных волн и разработке их типологии. Так, С. Хантингтон небезуспешно связывает свою теорию волн демократизации с революционным процессом XX в., а третью волну демократизации — с последней волной революций XX в. (антисоциалистическими революциями), но, по нашему мнению, его теория годится и для анализа последующих волн XXI в. В этом случае имеет смысл использовать теорию циклов политической гегемонии (Дж. Арриги и других) для выделения особого типа волн, связанных с такой сменой. К ним в частности, можно отнести вторую реформационную волну (1562-1609 гг.), волну Великой французской революции (1789-1799 гг.), послевоенные волны XX в., волну антисоциалистических революций в конце XX в. Дж. Голдстоун использует свою структурно-демографическую теорию [см. Goldstone 1991] для выделения глобальной волны революций и восстаний с 1640 по 1668 гг. Мы также связываем собственную теорию отставания политической глобализации от экономической, показывая, что некоторые волны тесно связаны с процессом “подтягивания” политической составляющей глобализации к экономической (см., например, [Гринин, Коротаев, Исаев 2016]). К этому типу особых революционных волн относятся, в частности, волна революций в Европе в 1848-1849 гг., волна революций 1905-1911 гг. и революционная Арабская весна (2010-2014 гг.).

Предлагаемый подход к систематизации революционных волн предполагает использование следующих критериев: 1) наличие реальной связанности событий в рамках мир-системы на основе общей причинности и взаимного влияния; 2) количественное наполнение революциями каждой волны (не меньше четырех-пяти революций в рамках волны, если это революции в достаточно крупных странах, в иных случаях — больше⁸); 3) ограниченность временного интервала революционных событий, не более десяти лет между началом первого и началом последнего события (см. ниже); 4) отсутствие временного перекрытия волн: в один период может быть одна волна (но не три или четыре, как получается у Дж. Голдстоуна).

Рассмотрим вопрос о временных рамках революционных волн. Иногда между такими событиями практически нет временного зазора. Их синхронность бывает удивительной, например, революции 1848-1849 гг. в Европе или антисоциалистические революции 1989 г. Иногда временной лаг больше (как в волне 1905-1911 гг.). Но, по нашему мнению, длительность волны не может быть более 10 лет (от начала первой революции в волне до начала последней в ней), иначе это уже следовало бы называть не волной, а цепочкой революций.

⁸ Между тем К. Бек полагает, что для определения волны минимально нужно две революции, что явно мало [Beck 2011: 195]. Неправоммерно также говорить о революционной волне, если наполняющие ее события проходили только в рамках одного государства, но именно так делает Бек, классифицируя события на Балканах 1870-х годов. В нашем понимании это кустовые революции (см. ниже).

Волны революций XX века

Исходя из указанных критериев, мы выделяем пять волн революций.

Первая волна 1905-1911 гг. Основные причины революций этой волны были связаны с: а) процессами модернизации и вызванными ею изменениями в общественном сознании; б) попытками восточных стран (Турции в 1908-1909 гг.; Персии в 1905-1911 гг.; Китая в 1911-1913 гг.) и Мексики в 1910-1917 гг. выйти из состояния зависимости от Запада. Толчком для этих революций явилась Русская революция 1905-1907 гг.⁹, ставшая во многом результатом военного поражения России в войне с Японией, но вместе с тем заметно усилившая активность революционеров в Азии. Таким образом, мир-системные события, порожденные колониальным разделом мира, борьбой за его передел, а также процессами модернизации угнетенных стран, стали самой общей причиной и первичным триггером этих революций.

Вторая волна революций 1917-1923 гг. была связана с результатами Первой мировой войны, истощением воюющих стран, развалом четырех империй, подъемом национального и национально-освободительного движения.

Третья волна революций 1930-1938 гг. была частью очень серьезных изменений в мире, инициированных грандиозным мир-системным событием, т.е. мировым экономическим кризисом (Великой депрессией), поразившим множество стран. В рамках этой волны мы впервые начинаем фиксировать среди революционных событий “аналоги революций”. В то же время собственно третья революционная волна была более слабой, чем предыдущие и последующие. Из наиболее крупных революций этой волны можно отметить испанскую (1931-1939 гг.) и аналог правой революции в Германии (1933-1937 гг.). Несколько революций и их аналогов наблюдается в этот период в Латинской Америке, сильно пострадавшей от депрессии. Под влиянием Германии в некоторых странах Европы фиксируются аналоги правых революций.

Четвертая волна революций 1943-1949 гг. была связана с результатами Второй мировой войны. В ней оказались объединены социалистические и национально-освободительные революции.

Пятая волна 1989-1996 гг. стала волной антисоциалистических революций в Восточной Европе и некоторых республиках СССР.

141

Рисунок 5 (Figure 5)

⁹ Сама Россия составляет исключение из этого ряда, поскольку входила в узкий круг империалистических держав.

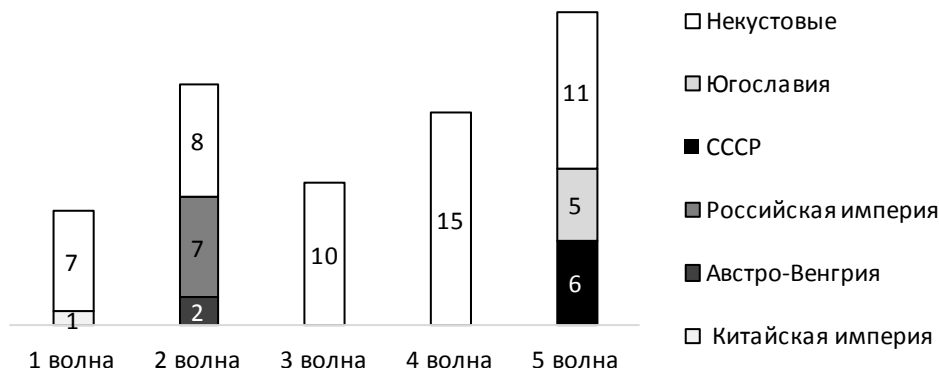
Из рис. 5 видно, что из общего числа революций и их аналогов в XX в. на долю волн приходится 72 события (62%), в том числе в первой волне — 8 событий; во второй — 17; в третьей — 10; в четвертой — 15; в пятой — 22.

Соответственно, 44 революционных события не включены ни в одну из волн. Наиболее насыщенными по количеству событий волнами были вторая, четвертая и пятая. Но по степени влияния на мир революции второй волны, на наш взгляд, были более значимыми, чем пятой, хотя и последние сильно изменили мир-систему. Есть и другие факторы, которые следовало бы учитывать, чтобы избежать субъективности в сравнительной оценке значимости революционных волн. Так, третья волна по количеству революционных событий превосходит первую (соответственно 10 и 8 событий). Но первая волна включает только одни революции (без аналогов), а ареалом ее распространения являлись в основном крупные страны (Россия, Китай, Турция, Персия и Мексика), да и масштаб этих революций в целом был весьма значителен, в то время как масштаб революций третьей волны (половина которых пришлась на Латинскую Америку) оказался более скромным.

Стоит указать на еще одну особенность, существенную при анализе волн. Когда революции случаются в крупных и/или в полиэтнических обществах имперского типа (каковыми были царская Россия или Австро-Венгрия), а также при наличии государственно-автономного деления по национальному признаку (как в СССР или Югославии), то они вызывают своего рода волну вторичных революций в национальных автономиях или на этнически инородных территориях. Мы определяем их как *кустовые революции*. Многие из таких революций учтены нами в отношении России 1917-1921 гг.; Австро-Венгрии 1918-1919 гг., СССР 1991-1992 гг. и Югославии 1989-1992 гг. Очевидно, что кустовые революции XX в. являлись составной частью соответствующих волн (см. рис. 6).

Рисунок 6 (Figure 6)

Количество революционных событий в волнах с учетом кустовых революций
Number of Revolutionary Events in Waves with Account of Clusters

Интересно отметить, что кустовые революции составляют почти треть (20 событий) от общего числа революций в пяти революционных волнах XX в. (62 события). Таким образом, введение понятия *кустовые революции* существенно уточняет характер и особенности революционных волн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЯМИ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Отмечая общие черты революций XX в., важно зафиксировать существенные различия характера революционных событий первой и второй его половин. Разумеется, провести границу между полувекowymi периодами непросто. Тем более что многое из ярко проявившегося во второй половине XX в. начало оформляться в первой его половине. Это в частности касается использования революций как геополитического средства или способа нанесения ущерба своему стратегическому противнику. Кроме того, некоторые революционные события, начавшись в первой половине века, продолжались и во второй (так, революция в Китае, хотя и завершилась победой коммунистов в 1949 г., т.е. в первой половине века, но сами революционные преобразования китайского общества получили новый решающий импульс во второй половине века).

В первой половине XX в. еще можно наблюдать величие революций, они по-прежнему играют роль одного из важных инструментов поступательного общественного развития (не только локального, но мирового в целом). С помощью революций идет поиск эволюционно наиболее перспективного пути развития мир-системы в целом. Это действительно период “восстания масс”, используя известное выражение Хосе Ортега-и-Гассета. Две великие революции — российская и китайская — произошли в первой половине XX в.

Позже, но также в первой половине века имела место серия фашистских революционных (в конечном счете тупиковых) трансформаций европейских обществ 1920-1930-х годов (в Италии, Германии, позже в Испании и некоторых других странах). Эта констатация выводит нас на еще один важный вывод: эта черта, более характерная для первой половины XX в., чем для второй, — слабость демократических институтов, вводимых в результате революций, неустойчивость демократической власти, тенденции к движению в сторону автократии или диктатуры.

В первой половине XX в. произошло и большинство революций, связанных с военными поражениями. Зато во второй половине века стали более распространенными революции, связанные с партизанской борьбой (определенно в Азии и Африке, тогда как в Латинской Америке партизанские войны велись с начала XIX в.). Основы такой формы революционной борьбы закладывались еще в ходе Второй мировой войны.

Напротив, во второй половине XX в. благодаря реформам, проведенным оккупационными властями в Японии, Германии, Южной Корее, а также интеграции Европы, устойчивость демократии возрастала. Однако и во второй половине XX в., а также и в начале XXI в., неустойчивость демократической власти и процедур, введенных или измененных в результате революций, по-прежнему наглядно просматривалась в странах третьего мира (особенно в Африке и Латинской Америке). К тому же с конца XX в. стали отчетливо заметны черты будущих цветных революций нынешнего столетия.

Тем не менее во второй половине XX в. — в сравнении с первой его половиной — роль революций как способа продвижения мирового исторического процесса (т.е. в мир-системе как целом, а не в каждом отдельном обществе) начала снижаться. Это стало позитивным трендом, так как в результате развитие мира пошло менее драматично и с меньшими жертвами, цели прогресса стали достигаться с использованием менее разрушительных средств. Да и по масштабу революций первая половина XX в., пожалуй, была революционным апогеем.

Во второй половине XX в. динамично изменился и сам характер революций. Поначалу он преимущественно национально-освободительный, в конце века — антисоциалистический. Именно антисоциалистическими революциями завершился XX в., хотя начинался он борьбой за социализм, за связываемые с его победой демократические преобразования. Но позднее социализм, в его антирыночном, авторитарном, государственно-бюрократическом и подавляющем частную собственность виде, себя дискредитировал и стал олицетворением антидемократических практик. В итоге к концу XX в. две линии революций — демократические и антисоциалистические — слились в одну.

Итак, революции сыграли очень важную роль в истории XX века. Национальные (национально-освободительные) революции, как мы видели, сопровождали его постоянно. Более важными по своему значению во второй половине XX в. стали аналоги революций, а также революционные по сути изменения, проводившиеся с помощью оккупационных администраций. Однако все они — глубокие социальные революции в странах, недостаточно подготовленных к введению демократии, — со всей наглядностью показали, что являются крайне затратным и опасным способом трансформации власти, при этом чем более неготовым к преобразованиям оказывается общество, тем более опасный инструментарий используется в ходе революции¹⁰.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.10

REVOLUTIONS OF THE 20th CENTURY: A THEORETICAL-QUANTITATIVE ANALYSIS

L.E. Grinin^{1, 2}, A.L. Grinin³

¹ National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

² Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

³ International Center for Education and Social and Humanitarian Research. Moscow, Russia

GRININ, Leonid Efimovich, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Laboratory for Monitoring Risks of Socio-Political Destabilization of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, email: leonid.grinin@gmail.com; **GRININ, Anton Leonidovich**, Cand. Sci. (Biol.), Principal Researcher, International Center for Education and Social and Humanitarian Research, email: algrinin@gmail.com.

Grinin L.E., Grinin A.L. Revolutions of the 20th Century: A Theoretical-Quantitative Analysis. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 130-147. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>

This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00254).

Received: 12.05.2020. Accepted: 16.06.2020

Abstract. There is abundant literature exploring twentieth-century revolutions, but there are still considerable gaps in terms of theoretical approaches to the typology of revolutions. Besides, the number of quantitative studies of twentieth-century revolutions in their totality is also insufficient. The present article suggests a theoretical and quantitative analysis of the revolutionary process of the 20th century. In the article we present an original typology of revolutions, and also introduce the notion of an analogue of revolution. The authors conduct an analysis of the general characteristics of twentieth-century revolutions, noting their differences from revolutions of the previous period (in particular, the shift of revolutionary

¹⁰ Отметим, что неудачные (потерпевшие поражение) революции могут стать хорошим выходом из революционного кризиса для ряда обществ. С одной стороны, такие революции не нарушают преемственность режима, с другой — подталкивают его к существенным переменам. Такова была революция 1905–1907 гг. в России (такие революции взимают у общества существенно меньшую цену [см. Beissinger 2018]).

activity from the heart of the World-system to its periphery). A new approach to distinguish waves of revolutions is introduced, comprising of the following criteria: 1) the existence of an objective common cause underlying the events within the World-System framework; 2) the number of revolutions should be not less than 4-5; at that a revolutionary wave should not include the events within one large state; 3) the time interval between the start of the first and the last revolutionary event should not be more than ten years; and 4) a chronological period should include only one revolutionary wave. These criteria allowed five waves to be distinguished. The first wave lasted from 1905 to 1911. The major reasons of these revolutions were connected with modernization in Turkey, Persia, China, and some other countries and related changes in their public consciousness. The second wave of 1917–1923 was connected with the results of World War I. The third wave of revolutions occurred in 1930–1938; its launching World-System event was the unprecedented world economic crisis of the Great Depression. The fourth wave of revolutions of 1943–1949 was associated with the outcomes of World War II. The fifth wave happened in 1989–1996 and comprised of the anti-communist revolutions in Eastern Europe and some republics of the USSR. The article presents a novel quantitative analysis of revolutions according to different definitions. We also describe a quantitative distribution of revolutions among the waves, and also perform another quantitative analysis of revolutionary events. Combined with a theoretical-quantitative analysis, all these allow for the development of new perspectives on the revolutionary process of the twentieth century.

Keywords: revolution, analogue of revolution, wave of revolution, typology of revolutions, World System, World-System event, revolutionary event, modernization.

References

- Andreski S.L. 1988. A Typology of Revolutions from a Morphological Viewpoint. — *International Journal on World Peace*. Vol. 5. No. 1. P. 25–43. URL: <https://www.jstor.org/stable/20751202?seq=1> (accessed 01.07.2020).
- Arendt H. 2006. *On Revolution*. New York: Penguin Classics. 368 p.
- Arjomand S.A. 1989. *The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran*. New York: Oxford University Press. 304 p.
- Beck C.J. 2011. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves: Five Centuries of European Contention. — *Social Science History*. Vol. 35. No. 2. P. 167–207. <https://doi.org/10.1017/S0145553200011482>
- Dix R. 1984. Why Revolutions Succeed and Fail. — *Polity*. Vol. 16. No. 3. P. 423–446.
- Dunn J. 1989. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 384 p.
- Farhi F. 1990. *States and Urban-based Revolution: Iran and Nicaragua*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press. 147 p.
- Foran J. 1992. A Theory of Third World Social Revolutions: Iran, Nicaragua, and El Salvador Compared. — *Critical Sociology*. Vol. 19. No. 2. P. 3–27. <https://doi.org/10.1177/089692059201900201>
- Foran J. 1997. The Comparative-Historical Sociology of Third World Social Revolutions: Why a Few Succeed, Why Most Fail. — *Theorizing Revolutions*. Ed. by J. Foran. London, New York: Routledge. P. 227–267. <https://doi.org/10.4324/9780203206638>
- Foran J. 2005. *Taking Power: On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press. 410 p.
- Foran J., Goodwin J. 1993. Revolutionary Outcomes in Iran and Nicaragua: Coalition Fragmentation, War, and the Limits of Social Transformation. — *Theory and Society*. Vol. 22. No. 2. P. 209–247. <https://doi.org/10.1007/BF00993498>
- Goldstone J.A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press. 608 p.
- Goldstone J.A. 1994. Revolution in Modern Dictatorships. — *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*. Ed. by J.A. Goldstone. Fort Worth, TX: Harcourt Brace College Publishers. P. 70–77.
- Goldstone J.A. 2001. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. — *Annual Review of Political Science*. Vol. 4. P. 139–187. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139>
- Goldstone J.A. 2002. The Longue Durée and Cycles of Revolt in European History. — *Early Modern History and the Social Sciences. Testing the Limits of Braudel's Mediterranean*. Ed. by J.A. Marino. Kirksville, MO: Truman State University Press. P. 169–189.
- Goldstone J.A. 2014. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 168 p.
- Goldstone J.A., Gurr T.R., Moshiri F. 1991. *Revolutions of the Late Twentieth Century*. Boulder, CO: Westview. 395 p.
- Goodwin J., Skocpol T. 1989. Explaining Revolutions in the Contemporary Third World. — *Politics & Society*. Vol. 17. No. 4. P. 489–509. <https://doi.org/10.1177/003232928901700403>

Gurr T.R. 1988. War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. — *Comparative Political Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 45-65.

Halliday F. 2001. War and Revolution. — *Revolution. International Dimensions*. Ed. by M.N. Katz. Washington, DC: CQ Press. P. 63-74.

Huntington S.P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT; London: Yale University Press. 448 p.

Johnson V.D. 1993. The Structural Causes of Anticolonial Revolutions in Africa. — *Alternatives: Global, Local, Political*. Vol. 18. No. 2. P. 201-227. <https://doi.org/10.2307/40644773>

Katz M.N. 1997. *Revolutions and Revolutionary Waves*. New York: St. Martin's Press. 192 p.

Keddie N.R., Richard Y. 1981. *Roots of Revolution: An Interpretive History of Modern Iran*. New Haven, CT: Yale University Press. 321 p.

Kim Q.-Y. 1996. From Protest to Change of Regime: The 4-19 Revolt and the Fall of the Rhee Regime in South Korea. — *Social Forces*. Vol. 74. No. 4. P. 1179-1208. <https://doi.org/10.2307/2580348>

Kurzban Ch. 2008. *Democracy Denied, 1905-1915: Intellectuals and the Fate of Democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 404 p.

Lawson G. 2016. Within and Beyond the "Fourth Generation" of Revolutionary Theory. — *Sociological Theory*. Vol. 34. No. 2. P. 106-127. <https://doi.org/10.1177/0735275116649221>

Markoff J. 1994. The Great Wave of Democracy in Historical Perspective. — *Western Societies Occasional Paper*. No. 34. Ithaca, NY: Institute for European Studies, Cornell University, Cornell University Press. 87 p.

Markoff J. 1996. *Waves of Democracy: Social Movements and Political Change*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press. 174 p.

McClintock C. 1998. *Revolutionary Movements in Latin America: El Salvador's FMLN and Peru's Shining Path*. Washington, DC: US Institute of Peace Press. 416 p.

Moghadam V.M. 1989. Populist Revolution and the Islamic States in Iran. — *Revolution in the World-System*. Ed. by T. Boswell, I.M. Wallerstein. New York: Greenwood Press. P. 147-163.

Revolutions in the Third World. 1991. Ed. by Kim Q.-Y. Leiden: Brill. 151 p.

Sanderson S.K. 2016. *Revolutions. A Worldwide Introduction to Social and Political Contention*. Second Edition. London: Routledge. 272 p.

Shugart M.S. 1989. Patterns of revolution. — *Theory and Society*. Vol. 18. No. 2. P. 249-271.

Selden M. 1995. *China in Revolution: the Yenan Way Revisited*. Armonk, NY: M.E. Sharpe. 294 p.

Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 407 p.

Skocpol T. 1982. Rentier State and Shi'a Islam in the Iranian Revolution. — *Theory and Society*. Vol. 11. No. 3. P. 265-283.

Skocpol T. 1994. *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 368 p.

Snyder R.S. 1999. The U.S. and Third World Revolutionary States: Understanding the Breakdown in Relations. — *International Studies Quarterly*. Vol. 43. No. 2. P. 265-290.

Tarrow S. 1998. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 271 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813245>

Tilly Ch. 1992. *Coercion, Capital and European States, A.D. 990 – 1992*. Oxford, UK: Wiley-Blackwell. 284 p.

Tilly Ch. 1996. *European Revolutions, 1492-1992*. Cambridge, MA: Blackwell. 262 p.

Tucker R.C. 1969. *The Marxian Revolutionary Idea*. New York: W.W. Norton and Company. 260 p.

Von Laue T.H. 1964. *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900-1930*. Philadelphia: Lippincott. 242 p.

Walt S.M. 1997. *Revolution and War*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 384 p.

Walt S.M. 2001. A Theory of Revolution and War. — *Revolution. International Dimensions*. Ed. by M.N. Katz. Washington, DC: CQ Press. P. 32-62.

Wickham-Crowley T.P. 1991. *Exploring Revolution: Essays on Latin American Insurgency and Revolutionary Theory*. Armonk, NY: Sharpe; Routledge. 256 p. <https://doi.org/10.4324/9781315489971>

Wickham-Crowley T.P. 1992. *Guerrillas and Revolution in Latin America. A Comparative Study of Insurgents and Regimes since 1956*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 424 p.

Zinkina J., Christian D., Grinin L., Ilyin I., Andreev A., Aleshkovski I., Shulgin S., Korotayev A. 2019. *A Big History of Globalization. The Emergence of a Global World System*. Cham, Switzerland: Springer. 284 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-05707-7>

Graziosi A. 2005. Guerra e rivoluzione in Europa, 1905-1956. (Russ. ed.: Graziosi A. *Voina i revolyutsiya v Evrope: 1905-1956*. Moscow: ROSSPEN. 288 p.)

Grinin L.Ye. 2017. The Russian Revolution and Modernization Traps. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 138-155. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>

Grinin L.E., Issaev L.M., Korotayev A.V. 2016. *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and Instability in the Middle East]. 2nd ed. Moscow: Uchitel. 384 p. (In Russ.)

Hobsbawm E.J. 1999. The Age of Revolution: Europe, 1789–1848. (Russ. ed.: Hobsbawm E.J. *Vek revolyutsii. Evropa 1789-1848*. Rostov-na-Donu: Fenix. 480 p.)

Rozov N.S., Pustovoit Yu.A., Filippov S.I., Tsygankov V.V. 2019. *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization]. Moscow: URSS. 408 p. (In Russ.)

Shul'ts E. E. 2016. *Teoriya revolyutsii: Revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of Revolution. Revolutions and Modern Civilizations]. Moscow: LENAND. 400 p. (In Russ.)

Sztompka P. 1996. Sociology of Social Change. (Russ. ed.: Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii*. Moscow: Aspect Press. 416 p.)

Zinkina Ju.V., Grinin L.E., Ilyin I.V., Andreev A.I., Aleshkovski I.A., Shulgin S.G., Korotayev A.V. 2017. *Istoricheskaya globalistika. T. 2. XIX vek* [Historical Globalistics. Vol. 2. The Nineteenth Century]. Moscow: Moscow Branch of Uchitel Publishing House. 392 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Грациози А. 2005. *Война и революция в Европе: 1905-1956*. М.: РОССПЭН. 288 с.

Гринин Л.Е. 2017. Русская революция и ловушки модернизации. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 138-155. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель. 384 с.

Зинькина Ю.В., Гринин Л.Е., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Шульгин С.Г., Коротаев А.В. 2017. *Историческая глобалистика. Том 2. XIX век*. М.: Московская редакция издательства “Учитель”. 392 с.

Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. 2019. *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: URSS. 408 с.

Хобсбаум Э.Х. 1999. *Век революции. Европа 1789-1848*. Ростов н/Д: Феникс. 480 с.

Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс. 416 с.

Шульц Э.Э. 2016. *Теория революции: Революции и современные цивилизации*. М.: Ленанд/URSS. 400 с.

ИЗМЕНЕНИЕ СТИМУЛОВ И СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

И.М. Бусыгина, М.Г. Филиппов

БУСЫГИНА Ирина Марковна, доктор политических наук, директор Центра сравнительных исследований власти и управления, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, email: ibusygina@hse.ru; **ФИЛИПPOB Михаил Георгиевич**, PhD, профессор, Департамент политологии, Государственный университет штата Нью-Йорк, Бингемтон (США), email: filippov@binghamton.edu

Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Изменение стимулов и стратегий национальных правительств в условиях многоуровневого управления в Европейском союзе. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 148–163. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.11>

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2019. Принята к публикации: 24.04.2020

Аннотация. В эпоху глобализации механизмы принятия решений становятся все более сложными и включают игроков разной природы. Подход многоуровневого управления как многообещающая аналитическая модель, в фокусе которой находится адаптация процессов принятия решений к территориям/секторам с множественными юрисдикциями, получил признание как в силу того, что использование данного подхода позволяет более полно объяснить действия политических акторов в Евросоюзе в условиях, когда один и тот же актор будет использовать разные стратегии на разных институциональных площадках/уровнях — наднациональном, национальном и региональном. Будучи автономными, эти уровни стратегически взаимосвязаны: ключевые акторы принимают во внимание последствия взаимодействия на всех уровнях, но придают разное значение (вес) результатам различных “игр”. В зависимости от возможностей сотрудничества на разных уровнях и относительной значимости результатов такие связи между играми могут привести к использованию стратегий, которые для внешних наблюдателей, возможно, покажутся нелогичными. Авторы рассматривают стратегии национальных правительств в странах Евросоюза, изучая кейсы принятия внешнеполитического решения и политики сплочения с использованием подхода многоуровневого управления.

Ключевые слова: многоуровневое управление, Европейский союз, национальные правительства, политика сплочения, санкции.

ВВЕДЕНИЕ

В Европейском союзе институты принятия общественно значимых решений на уровне национальных государств дополняются системой формальных и неформальных институтов на наднациональном и субнациональном уровнях. С развитием интеграции появление новых арен для принятия решений означает, что многие значимые для национальных государств решения принимаются совместно на нескольких площадках и на различных уровнях. Применительно к ЕС этот процесс в 1990-е годы был концептуализирован при помощи теоретической модели многоуровневого управления (*multi-level governance*) [Marks, Hooghe, Blank

1996; Scharpf 2001; Hooghe, Marks 2003; Stephenson 2013]. К настоящему времени были предложены и более общие модели многоуровневого управления, которые рассматривают европейскую интеграцию как частный случай глобального процесса дисперсии власти, захватывающий уровни как ниже, так и выше национального [Cairney, Heikkila, Wood 2019; Leibfried et al. 2015; Стрежнева 2009; Чихарев, Романова 2011]. Эти модели оказались весьма продуктивными для исследований различных наднациональных форм управления [Bache, Bartle, Flinders 2016; Harmes 2019; Leon, Jurado 2020; Hooghe, Lenz, Marks 2019; Panizzon, van Riemsdijk 2019]. Тем не менее наиболее разработанными остаются исследования многоуровневого управления в Евросоюзе [Börzel, Risse 2019; Chacha 2020; Garben 2019; Hooghe, Marks, Schakel 2020; Lewis 2019; Бусыгина, Филиппов 2010], и это не случайно: именно глубокий характер интеграции предполагает наличие разнообразных и ярких “эффектов многоуровневости”.

Для целей нашей статьи ключевое значение имеет то, что в процессы принятия общественно значимых решений все в большей степени вовлекаются лидеры разных уровней — от глобального и наднационального до регионального и местного. Если это так, то следует ожидать, что в результате развития многоуровневого управления изменятся стимулы и стратегии лидеров на всех уровнях. В статье мы фокусируемся на роли национальных правительств в странах — членах Евросоюза.

Мы утверждаем, что стимулы и стратегии национальных правительств, представляющих государства — члены ЕС, значительно усложнились в силу включенности в многоуровневую европейскую систему управления. Учитывать это изменение необходимо как для теоретического понимания развития политических процессов в Евросоюзе и в странах-участниках, так и для практики взаимодействия с лидерами стран — членов ЕС. Теоретически важно осознать, насколько развитие многоуровневого управления изменило стимулы национальных лидеров следовать формальным и неформальным требованиям ЕС [Thomson, Torenvlied, Judge 2019]. С практической же точки зрения одним из наиболее значимых проявлений влияния многоуровневых отношений в ЕС с внешними партнерами представляется то, что один и тот же национальный лидер может придерживаться разных стратегий во внешней политике в рамках различных институциональных уровней. Например, национальные лидеры могут высказываться за улучшение отношений с Россией и признавать неэффективность санкций ЕС в отношении России, но при этом голосовать за продолжение этих санкций [David, Romanova 2019: 129]. По нашему мнению, было бы серьезной практической ошибкой объяснять такое “шизофренческое” поведение национальных лидеров давлением ЕС или США.

В ЕС многоуровневость принимает разнообразные формы, существуют различные механизмы и инструменты координации [Громогласова 2009; Новосад 2019; Саворская 2012]. Мы рассматриваем два принципиально различающихся кейса — внешнюю политику ЕС и политику сплочения (*cohesion policy*). Эти кейсы взяты нами для рассмотрения в силу их принципиального несходства, что позволяет, по крайней мере отчасти, показать различные эффекты многоуровневого управления. В первом случае речь идет о коллективном решении с его неоднократной пролонгацией — санкциях ЕС в отношении России. Ряд лидеров европейских стран публично высказывали несогласие в отношении санкций против России, в то время как для принятия решения

по санкциям был необходим консенсус. Однако такой консенсус был достигнут в 2014 г. и поддерживается до настоящего времени. Таким образом, в рамках многоуровневого управления ЕС национальным политикам оказывается выгодно в одно и то же время делать дружественные России заявления и поддерживать санкции ЕС против России [Sjursen, Rosén 2017].

В политике сплочения, нашем втором случае, суть многоуровневого управления реализуется прежде всего через принцип партнерства, точнее, партнерств. Исследователи отмечают, что с 1950-1960-х годов развитие регионального управления стало своего рода “тихой революцией”: страны — члены ЕС, за крайне редким исключением, не становились полноценными федерациями, однако баланс властных отношений между территориальными уровнями серьезно менялся [Hooghe, Marks 2016: 152]. Мы наблюдаем в государствах — членах ЕС волны децентрализации и централизации в различные временные периоды, объясняемые возникновением у национальных правительств соответствующих стимулов. Подобные волны переживали и федеративные государства ЕС, например, Германия. Подчеркнем, что было бы неверно рассматривать изменение роли национальной исполнительной власти в многоуровневой системе ЕС как процесс ее пассивного “отступления” под воздействием давления “снизу” (регионов) и “сверху” (со стороны нормативных требований ЕС). Речь идет о том, что национальные правительства *используют* новые условия к своей выгоде, решая, как много полномочий они делегируют на уровни ниже и выше национального, и в каких сферах. Так, правительства будут заинтересованы в сильном Евросоюзе и в сильных субнациональных регионах, однако только там и тогда, где им это выгодно, т.е. выгодно передать — или “сбросить” — полномочия и решения [Goetz 2000; Mastenbroek 2018; Moravcsik 1994; White 2014]. При этом, как утверждают Л. Хуг и Г. Маркс, общепринятый фокус на определении государства, подчеркивающий его суверенитет и монополию на легитимное насилие, принципиально неверен для объяснения его роли в современных процессах управления [Hooghe, Marks 2016: 155].

Гипотеза нашего исследования следующая: многоуровневая система управления ЕС воздействует на стимулы национальных правительств стран — членов ЕС и, соответственно, на принимаемые ими решения. Цель статьи заключается в демонстрации этих эффектов на примерах решений о санкциях в отношении России и политики сплочения.

Структурно статья организована следующим образом. В первой части мы кратко рассматриваем основные характеристики управления в Евросоюзе в рамках подхода многоуровневого управления. Во второй части формулируем наш аргумент, объясняющий механизмы изменения приоритетов и стимулов для национальных правительств стран ЕС под влиянием многоуровневого управления. Третья и четвертая части посвящены рассмотрению кейсов: санкциям ЕС в отношении России и европейской политике сплочения соответственно. В заключении подводятся основные итоги.

ПОДХОД МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОСОЮЗА

Еще в начале 1990-х годов Гэри Маркс заметил, что в Европейском союзе мы наблюдаем “систему непрерывных переговоров между правительствами

на нескольких территориальных уровнях”, причем эти уровни “встроены” (*nested*) друг в друга, т.е. взаимосвязаны [Marks 1993: 392]. Развивая эту аргументацию, работы Маркса, Хуг и ряда других исследователей заложили основу признания многоуровневого подхода к управлению как перспективного аналитического подхода для исследований Евросоюза [Bache 1998; Hooghe 1996; Hooghe, Marks 2003; Marks, Hooghe, Blank 1996; Scharpf 2001]. Это признание можно, по крайней мере частично, связать с ограничениями объяснительной силы существующих теорий и, что еще более важно, эмпирическими исследованиями европейской интеграции, которые выявили, что в случае ЕС речь идет не о передаче суверенитета с национального на европейский уровень, но о сложных политических процессах разделения и совместного исполнения компетенций [Saurugger 2013].

Фактически многоуровневая система управления в ЕС — это адаптация процесса принятия решений к территориям, находящимся одновременно под несколькими юрисдикциями, что позволяет учитывать при выработке решений (и в самом его процессе) как региональные и национальные предпочтения, так и интересы ЕС в целом. Речь идет о взаимодействии множества ключевых для принятия решений акторов, таких как субнациональные правительства, национальные правительства и парламенты, Европейская комиссия и Европейский парламент. Как отмечает Ф. Шарпф, на практике “европейская политическая система представляет собой сложную многоуровневую институциональную конфигурацию, которая не может быть адекватно объяснена теми теоретическими моделями, которые обычно используются в международных отношениях или сравнительной политике” [Scharpf 2001: 2]. А. Бенц и К. Циммер утверждают, что описание практики принятия решений и их реализации в ЕС требуют анализа новых моделей, в частности моделей сетевого взаимодействия различных уровней при выработке решений (*policy networks analysis*) [Benz, Zimmer 2010: 17]. В целом можно сделать вывод, что именно практика многоуровневого взаимодействия, характерная для политических процессов в ЕС, потребовала новых теоретических моделей многоуровневого управления.

Все больше исследователей Евросоюза подчеркивают, что его роль в международных делах также может быть объяснена при использовании модели многоуровневого управления [Jorgensen et al. 2015]. Хотя формальная роль ЕС во внешней политике и безопасности продолжает быть ограниченной требованиями достижения консенсуса между его членами, практика многоуровневого управления значительно расширяет стимулы и возможности для достижения такого консенсуса. Иными словами, взаимозависимость требует взаимных уступок, а это создает дополнительные стимулы для поддержания консенсуса [Heisenberg 2005; Herranz-Surrallés 2014]. Многоуровневое управление позволяет “обмениваться” формальным согласием и неформальными компромиссами между уровнями и сферами принятия решений и увеличивает взаимозависимость стран — участников ЕС [Smith 2004].

Современное государственное управление в странах ЕС можно представить и как новый тип социального контракта между акторами разного уровня и природы. При этом модели многоуровневого управления дополняют теорию социального контракта следующей предпосылкой: социальный контракт на управление может либо быть основан на централизованном принятии об-

щественно важных решений на национальном уровне, либо вести к рассредоточению принятия таких решений между различными территориальными уровнями [Hooghe, Lenz, Marks 2019]. Соответственно, в первом случае принятие решений будет сосредоточено в одном (национальном) локусе, во втором — рассредоточено между различными юрисдикциями с возникновением многоуровневой системы управления.

ПОЧЕМУ МНОГОУРОВНЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЕС МЕНЯЕТ СТИМУЛЫ И СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Как показывает К. Гетц, влияние европейской интеграции на национальных политиков изучается все более серьезно, начиная с 1990-х годов [Goetz 2000], при этом исследовательский интерес мотивирован рядом теоретических и практических проблем. В последние годы появляется все больше исследований, посвященных воздействиям развивающейся системы европейского управления на страны — члены Евросоюза и их внутренние политические процессы [Börzel 2003; Cowles, Caporaso, Risse-Kappen 2001; Garben 2019]. Большая часть научных дебатов по европеизации сосредоточена на институциональных механизмах, связывающих национальные правительства и органы ЕС, а также на институциональных практиках на национальном уровне, осуществляющих связи между ЕС и страной-членом. Основное предположение заключается в том, что национальные исполнительные власти с развитием интеграционных процессов оказываются все более вовлеченными в процесс принятия решений на уровне ЕС. Фактически речь идет о том, как национальные власти реализуют европейские политики (*policies*), в какой степени национальные административные традиции способствуют или препятствуют этому процессу и как они изменяются под воздействием европеизации [Goetz 2000].

В контексте данной статьи нас прежде всего интересует вопрос о том, какие *изменения* приносит принадлежность страны к Евросоюзу с точки зрения стимулов и политического поведения политиков национального уровня. Мы исходим из того, что одно из наиболее значимых проявлений многоуровневых отношений ЕС, будь то с внешними партнерами или в рамках определенной политики ЕС, заключается в том, что один и тот же актор будет придерживаться разных стратегий в рамках различных институциональных площадок и уровней. Эти различные площадки и уровни взаимодействия автономны, однако в действительности они стратегически взаимосвязаны. Это означает, что ключевые действующие акторы принимают во внимание последствия взаимодействия на всех уровнях, но придают разное значение результатам различных “игр”. В условиях подобных стратегических связей выбор сотрудничества или отказ от него на одном уровне может объяснить решения, принятые на других уровнях. В зависимости от возможностей сотрудничества на разных уровнях, иерархически или горизонтально организованных властных отношений каждой из сторон и предполагаемой относительной важности достижимых результатов на каждом уровне подобные связи между играми могут привести к стратегиям и решениям, которые внешним наблюдателям могут показаться неоптимальными.

Отметим, что стратегические расчеты относительно многоуровневых взаимодействий имеют первостепенное значение прежде всего именно для глав и государств и правительств стран — членов ЕС, поскольку их институциональный статус внутри своих стран, согласно Э. Моравчику, повышается

в силу членства страны в Евросоюзе: “ЕС не приводит к диффузии влияния исполнительной власти на внутривластные процессы; напротив — его централизует. Вместо того, чтобы ‘одомашнить’ международную систему, ЕС ‘интернационализирует’ внутреннюю политику. В большинстве случаев национальные акторы, участвующие в наднациональном процессе принятия решений в ЕС, — это исполнительные власти стран — членов ЕС” [Moravcsik 1994: 4–5]. Это происходит потому, что “международные режимы и институты перераспределяют политические ресурсы. Такое перераспределение обычно выгодно тем, кто непосредственно и наиболее часто участвует в международных переговорах и институтах — то есть национальным лидерам” [ibid.: 2]. В результате “внешняя политика ЕС в первую очередь характеризуется заметным доминированием исполнительной власти на всех этапах процесса принятия решений” [Stetter 2004: 722], а относительная значимость национальных правительств в интеграционном процессе возрастает в сравнении со всеми другими акторами национального уровня. То же доминирование национальных исполнительных властей характерно и для европейской политики сплочения, поскольку в большинстве стран-членов централизованные иерархические отношения между центром и регионами (местами) препятствуют принятию и реализации решений.

Далее мы рассмотрим два кейса — внешнюю политику ЕС и политику сплочения, позволяющие наблюдать и анализировать различные проявления и эффекты многоуровневого управления в Евросоюзе.

КЕЙС 1. САНКЦИИ ЕС В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) Евросоюза традиционно критикуются за излишнюю риторику, за слабость центральных институтов, разрыв между ожиданиями и реальностью, а также за дефицит политической воли (см., например, [Lehne 2017]). Неудивительно поэтому, что в феврале 2014 г., в ходе политического кризиса на Украине, большинство политических комментаторов как в России, так и в самом ЕС весьма скептически оценивали способность Евросоюза согласовать принятие санкций против России. Аргументы скептиков были довольно убедительны: во-первых, санкции привели бы к существенным потерям в самих странах ЕС. Во-вторых, и это дополнительный довод против санкций, экономическое “бремя” санкций неизбежно распределяется неравномерно между европейскими экономиками, общее решение ведет к потерям на уровне стран — членов Евросоюза.

Действительно, политики в странах — членах ЕС демонстрировали сильно выраженное несогласие друг другом в отношении санкций против России, в то время как для принятия решения по санкциям был необходим консенсус. И тем не менее, вопреки ожиданиям, начиная с марта 2014 г. и вплоть до настоящего времени ЕС не только ввел санкции, но и неоднократно соглашался на продолжение политики санкций, при этом каждый новый раунд требовал консенсуса. Таким образом, оказалось весьма сложно предвидеть и верно оценить обусловленное характером многоуровневого управления различие между публичными заявлениями национальных лидеров на *национальном* уровне и их фактическим консенсусом на *европейском* уровне. Действуя на европейском уровне, национальные политики в принципе заинтересованы в усилении институтов ЕС — при одновременном сохранении по крайней мере

частичного контроля над ними. Именно эти две цели *совокупно* стимулируют политиков к поиску консенсуса [Busygina, Filippov 2008].

Итак, отношения ЕС с государством или международной организацией носят многоуровневый характер. С одной стороны, общая внешняя политика не умаляет значимости национальных внешних политик, так что понять внешнюю политику ЕС без учета внешней политики государств-членов и ее совместимости с политикой Союза невозможно. Более того, некоторые государства-члены, такие как Германия, Франция, Италия и некоторые другие, играют значимую индивидуальную роль в нынешней системе международных отношений. С другой стороны, важность национальной внешней политики не помешала институтам ЕС играть все более значимую роль. Вовлеченность национальных правительств в две “игры” одновременно – на национальном и на наднациональном уровнях – ведет к тому, что публичные заявления политиков на национальном уровне *недостаточны* для того, чтобы сделать достоверное предсказание, какое решение будет принято ими на уровне ЕС в целом. Конечно, сказанное не означает, что национальные лидеры всегда готовы игнорировать свои разногласия ради достижения общей цели, мы лишь утверждаем, что невозможно надежно прогнозировать результаты процесса принятия решений по внешней политике ЕС, просто полагаясь на заявления и другие сигналы национальных акторов. Этот аргумент применим не только к общей внешней политике ЕС, но в равной степени и к любому наднациональному коллективному институту, принимающему решения.

Отношения с Россией являются приоритетным вопросом в повестке внешней политики ЕС, при этом исследователи подчеркивают многоуровневый характер отношений между ЕС и Россией, уделяя особое внимание взаимодействию между наднациональными институтами и правительством России, двусторонним отношениям России с государствами – членами ЕС, а также трансграничным отношениям на субнациональном уровне [Gower, Timmins 2013; Macaj, Nicolaïdis 2014; Schumacher, Marchetti, Demmelhuber 2017; Smith 2004; Van Elsuwege 2016].

В 2000-е годы отношения между Россией и Европейским союзом складывались почти парадоксально: в то время как взаимозависимость в торговле неуклонно росла, сотрудничество в политической сфере сокращалось. Пока политические отношения между ЕС и Россией в 2000-е годы охлаждались, ожидания экспертов заключались в поддержании статус-кво, что обосновывалось следующим аргументом: тесная экономическая взаимозависимость будет сдерживать растущие политические разногласия [Busygina, Filippov 2008]. Политический кризис на Украине принципиально изменил ситуацию, и растущая обеспокоенность европейских акторов запустила процесс перестройки политики и поиска нового равновесия через механизмы многоуровневого управления. Таким образом, институты ЕС столкнулись с необходимостью выработки нового коллективного ответа. При этом российская сторона оставалась вполне уверенной в том, что именно многоуровневый характер внешнеполитических решений в ЕС либо сделает такой шаг невозможным, либо будет надолго отложен в силу противодействия ряда стран-членов. Последующие события, однако, показали, что многоуровневые механизмы управления в ЕС становятся более действенными, обеспечивая соответствующую совместную реакцию [Cross, Karolewski 2017].

ЕС использовал санкции как инструмент принуждения еще со времен Римского договора 1957 г.¹, а начиная с 1980-х годов санкции уже довольно часто применялись ЕС с целью принуждения ряда стран к политическим изменениям [Portela 2012: xiv]. Как утверждает Ф. Джумелли, “принимались ограничительные меры для поддержки демократии и прав человека, сохранения мира, предотвращения конфликтов, укрепления международной безопасности и развития международной системы, основанной на более прочном многостороннем сотрудничестве и эффективном глобальном управлении” [Giumelli 2013: 396]. В дальнейшем ЕС постепенно переходил к использованию “целевых”, или “умных”, санкций, таких как запреты на въезд, бойкоты отдельных товаров, финансовые санкции, “нацеленные на негосударственных акторов (т.е. на отдельных лиц, группы или компании) и/или... конкретные секторы экономики или конкретные продукты” [ibid.: 395]. Цель при этом состояла в том, чтобы разработать такие ограничительные меры, которые максимизировали бы воздействие санкций непосредственно на акторов, ответственных за нарушения, и свели бы к минимуму последствия для других субъектов, прежде всего гражданского населения [ibidem].

Как российские, так и большинство западных СМИ предсказывали негативный результат в отношении достижения соглашения о санкциях против России при условии консенсуса 28 государств — членов Евросоюза. Так, в июне 2014 г. телеканал “Россия сегодня”, ссылаясь на “конфиденциальные источники”, утверждал, что “предварительные консультации показывают, что сегодня почти никто из лидеров стран ЕС не считает необходимым вводить торгово-экономические санкции против России”². На сайте того же канала со ссылкой на ИТАР-ТАСС указывалось, что “Франция, Германия, Люксембург, Австрия, Болгария, Греция, Кипр, Словения и Италия не видят никаких причин для введения отраслевых торгово-экономических санкций против России в нынешней ситуации и на саммите будут блокировать эту меру”³. Европейские наблюдатели также подчеркивали сложность достижения соглашения, поскольку оно требует единогласной реакции 28 государств-членов. Кроме того, “такие страны, как Греция, Кипр, Болгария и Испания, опасаются наказывать Москву”⁴, поскольку это приведет к прекращению диалога.

Эти ожидания не оправдались, хотя значительные сложности при достижении согласованной позиции, конечно, были. Для одних национальных экономик влияние экономических санкций ЕС и ответного эмбарго России на широкий спектр товаров продовольственного экспорта ощущалось значительно больше, чем для других. Некоторые члены ЕС, такие как Болгария, Венгрия, Словакия и Италия, сильно зависят от поставок газа и энергии из России; другие, такие как Финляндия, пострадали от запрета России на импорт молочных продуктов. Понятно, что эти страны несли потери от санк-

¹ До 1993 г. это было Европейские экономические сообщество.

² EU Postpones Economic Sanctions on Russia. — *Russia Today*. 27.06.2014. URL: <http://www.rt.com/business/168864-no-sanctions-against-russia/> (accessed 12.12.2019).

³ Nine EU Countries Ready to Block Economic Sanctions against Russia. — *Russia Today*. 15.07.2014. URL: <http://rt.com/business/172888-9-eu-block-sanctions-russia/> (accessed 12.12.2019).

⁴ EU and US Impose Sanctions on Russian and Ukrainian Officials. — *Guardian.com*. 17.03.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/17/eu-imposes-sanctions-21-russian-ukrainian-officials-crimea> (accessed 12.12.2019).

ций. То же относится и к Германии, которая закупает около 30% газа и нефти у России — при этом основная инициатива при введении антироссийских рестрикций была проявлена именно Германией. Однако общее соглашение было достигнуто, Союз сумел согласовать позиции государств-членов. В январе 2015 г. после заседания Совета по иностранным делам ЕС Верховный представитель ЕС Федерика Могерини дала комментарий о том, что режим санкций “не меняется и, скорее всего, не изменится” и “Союз опровергает любые предположения о том, что его единый фронт против России шатается или что его члены рассматривают возможность отмены санкций против Москвы в ближайшем будущем”⁵. По мнению Джумелли, “Брюссель стал единственным местом, где могли быть введены санкции” [Giumelli 2013: 400].

В очередной раз санкции против России были продлены до 31 июля 2021 г. Важно отметить, что общая поддержка режима санкций на уровне Евросоюза не мешает национальным лидерам делать заявления в пользу России в тех случаях, когда этого требует внутривнутриполитическая ситуация. И это относится не только к странам Центральной и Южной Европы (таким как Венгрия, Словакия, Греция и Болгария), небольшие экономики которых понесли существенные потери из-за санкций ЕС и ответных санкций России, но и к такой крупной стране, как Италия [Szép 2019].

КЕЙС 2. ПОЛИТИКА СПЛОЧЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Еще с конца 1980-х годов политика сплочения (*cohesion policy*), направленная на ускорение экономического роста в более бедных регионах, стала одной из наиболее значимых для Евросоюза, поскольку с присоединением к Союзу Греции, Португалии и Испании асимметричное пространственное распределение преимуществ процесса экономической интеграции становилось все более очевидным. Иными словами, европейская политика сплочения стала своего рода проактивным ответом на риск усиления национальных и региональных социально-экономических дисбалансов под влиянием процессов экономической интеграции [Tulumello 2016: 2].

В рамках ЕС стали необходимы коллективные действия для ускорения темпов развития регионов, уровень экономического развития которых был значительно ниже среднего по ЕС, и результатом этих коллективных действий стал перераспределительный механизм в пользу более бедных стран и субнациональных регионов. С начала 1990-х годов по настоящее время финансовые ресурсы, распределяемые через механизмы политики сплочения, практически удвоились, они составляют сегодня около трети всего бюджета Евросоюза, при этом число регионов, получающих помощь, также увеличивалось после каждого расширения Союза. Одновременно развивались и механизмы управления политикой, что предусматривало все большее вовлечение местных, субнациональных, национальных и наднациональных акторов на различных стадиях выработки повестки, принятия решений, имплементации и оценки эффективности политики [Crescenzi, Giua 2020: 1].

Принцип многоуровневого управления в политике сплочения ЕС реализуется прежде всего через механизм партнерства, который впервые был кодифицирован в качестве норматива согласно реформе 1988 г., требующей

⁵ EU Has No Plans to Ease Russia Sanctions. — *WSJ.com*. 19.01.2015. URL: <http://www.wsj.com/articles/eu-has-no-plans-for-easing-russia-sanctions-1421653971> (accessed 12.12.2019).

вовлечения региональных и местных органов власти в разработку и реализацию программ. С тех пор сфера применения этого механизма постоянно расширяется, а роли и задачи партнеров на разных уровнях (региональном, национальном, наднациональном) уточняются [Tödtling-Schönhofer et al. 2013: 31]. Принцип партнерства базируется на более общем принципе субсидиарности — разделении власти и ответственности между несколькими властными уровнями и обеспечении того, что решения принимаются (и выполняются) на уровне, наиболее эффективном для решения конкретной задачи. В 2012 г. Комитет регионов ЕС разработал “Табло состояния многоуровневого управления” (*MLG Performance Scoreboard*), которое оценивает реализацию принципа партнерства для каждого государства — члена Евросоюза [ibid.: 10].

Субнациональные регионы играют значимую роль в Евросоюзе, однако эта роль сильно различается в зависимости от страны. Так, в федерациях и странах с высоким уровнем децентрализации интеграционные процессы способствовали интенсификации сотрудничества между регионами и национальным центром, в то время как в централизованных государствах регионы лишь реализуют решения, принимаемые на уровне ЕС [Tatham 2011]. Комитет регионов, консультативный орган субнациональных регионов, разработал Хартию многоуровневого управления, в которой изложены принципы и методы вовлечения регионов в процессы принятия решений на национальным и наднациональном уровнях. Общая цель заключается в том, чтобы создать не “Европу регионов”, но “Европу с регионами” [Schakel, Hooghe, Marks 2015: 275–277].

Следует отметить особую роль национального уровня в реализации принципа партнерства в многоуровневом управлении: фактически партнерами являются страна — член ЕС и Комиссия ЕС, и уже потом национальные власти страны организуют партнерство “ниже” национального уровня (с регионами, коммунами, городами, бизнесом, НКО) *в соответствии с национальными институтами и практиками* [Tödtling-Schönhofer et al. 2013: 33]. Как указывает Л. Бружт, национальные правительства оказываются в чистом выигрыше, поскольку именно они контролируют большинство программ политики сплочения, при этом подотчетность “снизу” зачастую оказывается формальной [Bruszt 2008].

Более того, эксперты считают, что национальная автономия в разработке и реализации политики сплочения должна быть увеличена. Как утверждают Р. Крещенци и М. Джиуа, территориальная сплоченность в Европе после Брекзита является важнейшим общественным благом для всего Евросоюза. Для достижения сплоченности необходимы общеевропейская координация усилий и финансовая солидарность, и наиболее эффективным способом достижения этого представляется повышение роли стран — членов ЕС. Напротив, сокращение их вовлеченности может привести к нарастанию призывов к тому, чтобы политика территориального сплочения проводилась исключительно на национальном уровне, что будет губительно для территориальной сплоченности в Европе [Crescenzi, Giua 2020: 16].

Как эта ситуация может воздействовать на стимулы национальных правительств в условиях многоуровневой реализации политики сплочения? Во-первых, правительства будут по возможности стараться минимизировать уровень своей подотчетности в отношении регионов и муниципалитетов и, хотя многоуровневый подход обязывает их придерживаться принципа партнерства, будут полагаться на более привычный им принцип “команды

и контроля” [Huber 2011: 5]. Во-вторых, в условиях ограниченности финансовых ресурсов (а ресурсы всегда принципиально ограничены) они будут стремиться получить от перераспределения через Структурные фонды (они финансируют политику сплочения ЕС) как можно больше и переложить свои расходы по межрегиональному выравниванию и поддержке бедных регионов на Евросоюз. Осознавая это, Евросоюз пытается противодействовать “неверным” стимулам национальных правительств. Такое противодействие включает все более полный контроль за соблюдением принципа партнерства (в частности, за вовлечением в партнерство акторов субнационального уровня), а также соблюдение принципа софинансирования (Евросоюз финансирует программы в области политики сплочения лишь частично, недостающие средства должны дать национальный и региональный уровни власти). Наконец, Евросоюз проводит постоянное уточнение принципов выделения средств регионам через Структурные фонды. Так, в “Докладе Сапира” [Sapir 2003] были изложены теоретические основания выделения средств с целью смягчения межрегиональных диспропорций в ЕС. В частности, в докладе утверждается, что бедные регионы “богатых” стран — членов ЕС не должны более получать средства через европейские инструменты региональной политики, поскольку эти регионы располагают достаточной инфраструктурой, и их развитие зависит прежде всего от национальной экономической ситуации, а не от предоставления средств через Структурные фонды.

Однако наиболее интересным представляется изменение стимулов национальных правительств в отношении большей децентрализации или централизации полномочий. По мнению Бружта, правительства далеко не всегда заинтересованы в монополизации процесса принятия решений по программам политики сплочения и, соответственно, в централизации всех программ такого рода. Напротив, они могут допускать и даже поддерживать некоторое вовлечение региональных и местных акторов, проводя курс на децентрализацию (и тем самым исполняя принцип партнерства, на котором настаивает Евросоюз) — в том случае, если этот подход позволяет им повысить эффективность, но не ослабляет (или даже усиливает) существующий иерархический способ управления [Bruszt 2008].

Понятно, что стимулы к децентрализации со временем могут сменяться стимулами к рецентрализации, и обратно. Так, еще до присоединения к политике сплочения в новые страны — члены ЕС пытались ввести элементы территориального многоуровневого управления [ibid.: 617]. В Венгрии первое демократическое правительство после 1989 г. провело реформы и передало разработку и реализацию политики на рынке труда трехсторонним органам самоуправления, состоящим из представителей бизнеса и включающим представителей государства на уровне округов. Центральное правительство выделило этим органам значительные средства и дало им право принимать решения о распределении средств для проведения различных видов политики на рынке труда с целью смягчения местных проблем с занятостью. Таким образом, венгерское правительство отказалось от исключительного контроля над национальными фондами занятости. Однако, хотя оно утратило единоличный контроль над ранее централизованными фондами занятости, но получило возможность разделить ответственность с местными субъектами, переложив тем самым часть вины за рост безработицы на последних. Как только социальное давление на

национальное правительство исчезло, новое правительство немедленно провело рецентрализацию политики занятости. В Польше центральное правительство также предпринимало шаги по введению многоуровневого управления в регионах, наиболее пострадавших от экономических реформ в первой половине 1990-х годов [Bruszt 2008: 617; Dornisch 2002; McDermott 2002]. В отличие от Венгрии, устойчивость этому “эксперименту” придавал усиливающийся спрос на регионализацию страны [Bruszt 2005].

После вступления в Евросоюз давление снизу, а также риск не справиться с заявленными целями политики сплочения заставили национальные правительства стран Центральной и Восточной Европы добровольно отказаться от части своих исключительных полномочий по контролю финансовых средств от Структурных фондов и включить регионы и/или местные органы власти в процессы планирования и разработки программ. Даже в Венгрии, одной из наиболее централизованных стран ЕС, почти одна пятая средств Фондов реализуется на местном уровне. В странах ЦВЕ, таких как Польша и Чехия, где региональные правительства избираются, около трети средств, получаемых от ЕС, тратится через так называемые региональные оперативные программы. Институциональная структура таких программ опирается на принципы сетевого принятия решений (*policy network*) [Warleigh 2006]. Напомним, что, как утверждают А. Бенц и К. Циммер, в целом практики принятия решений и их реализации в ЕС лучше всего описываются моделями сетевого взаимодействия различных уровней [Benz, Zimmer 2010: 17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральный тезис нашей статьи заключается в том, что развитие многоуровневого управления (*multilevel governance*) в Евросоюзе приводит к изменению стимулов и, соответственно, стратегий правительств стран – членов ЕС. В результате одно и то же национальное правительство может придерживаться различных стратегий на наднациональном, национальном и региональном уровнях. Для внешних наблюдателей, игнорирующих логику многоуровневого управления, такие стратегии могут выглядеть нелогичными. В статье мы рассматриваем два примера таких “нелогичных” стратегий – в отношении санкций ЕС против России и в отношении политики сплочения ЕС. Мы показываем, что “нелогичные” стратегии могут быть логично объяснены стимулами, возникающими у национальных правительств в силу их включенности в сложную многоуровневую европейскую систему управления.

Для понимания причин изменения стимулов и стратегий национальных правительств важно принимать во внимание то, что развитие многоуровневой системы управления в ЕС, скорее, отвечает интересам национальных правительств, нежели противодействует им. В частности, в рамках многоуровневого управления национальные правительства получают дополнительные стимулы для поддержания и расширения формальной и неформальной роли Евросоюза и – до определенной степени – регионов и местных сообществ [Goetz 2000; Mastenbroek 2018; Moravcsik 1994; Thomson, Torenvlied, Judge 2019; White 2014]. Также увеличиваются и стимулы поддержания консенсуса в институтах Евросоюза [Lewis 2019].

С практической точки зрения из нашей аргументации следует, в частности, вывод о том, что России было бы весьма полезно изменить ожидания

в отношении Евросоюза и стран-членов. Традиционные попытки повлиять на политику Евросоюза посредством выстраивания дружественных отношений с отдельными, пусть и влиятельными национальными лидерами, оказываются менее эффективными в условиях растущей роли многоуровневого управления. Точно так же попытки изменить политику ЕС через кооперацию с регионами стран-участниц могут давать лишь весьма ограниченные результаты. Следует ожидать, что национальные и региональные лидеры будут продолжать использовать преимущества добрососедских отношений с Россией, “винить” ЕС за недружественные акции против России, при этом одновременно эти акции поддерживая. До сих пор исследований, посвященных проблеме повышения эффективности влияния внешних акторов на политику ЕС в условиях многоуровневого управления, крайне мало [Shapovalova 2019; Voltolini 2015]. Нам представляется, что это весьма актуальная и важная теоретическая и практическая проблема, в том числе для российской внешней политики, поэтому стоит при выработке стратегии в отношении ЕС принимать в расчет эффекты многоуровневого управления в Евросоюзе.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.11

CHANGING INCENTIVES AND STRATEGIES OF NATIONAL GOVERNMENTS IN MULTILEVEL GOVERNANCE ACROSS THE EUROPEAN UNION

I.M. Busygina¹, M.G. Filippov²

¹National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg. Saint Petersburg, Russia

²State University of New York. Binghamton, USA

BUSYGINA, Irina Markovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Director of the Center for Comparative Governance Studies, Professor, Department of Applied Politics, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, email: ibusygina@hse.ru; **FILIPPOV, Mikhail Georgievich**, PhD, Professor, Department of Political Science, State University of New York in Binghamton, USA, email: filippov@binghamton.edu

Busygina I.M., Filippov M.G. Changing Incentives and Strategies of National Governments in Multilevel Governance across the European Union. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 148–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.11>

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Received: 25.12.2019. Accepted: 24.04.2020

Abstract. Decision-making mechanisms are becoming increasingly complex in the era of globalization, including more and more actors of different natures. The multilevel governance approach, as a promising analytical instrument that focuses on adapting decision-making processes to territories/sectors with multiple jurisdictions, has been recognized both due to its limitations in the explanatory power of normative integration theories as well as due to empirical studies of European integration. This approach provides better explanations for the strategies of political actors in the European Union in situations when the same actor uses different strategies at different institutional levels — supranational, national, and regional. Being autonomous, these levels are strategically interconnected: key actors take into account the consequences of interaction at all levels, but attach different priorities (weights) to the results of various “games”. Depending on the opportunities for collaboration at various levels and the perceived relative importance of the achievable results at each level, such links between games can lead to strategies that may seem suboptimal to outsiders. In this article, we consider the strategies of the national governments of EU member states, studying the cases of external decision-making as well as cohesion policy using the multilevel governance approach.

Keywords: multilevel governance, European Union, national governments, cohesion policy, sanctions.

References

- Bache I. 1998. *Politics of European Union Regional Policy: Multi-Level Governance or Flexible Gatekeeping?* Sheffield, UK: Sheffield Academic Press.
- Bache I., Bartle I., Flinders M. 2016. Multi-Level Governance. — *Handbook on Theories of Governance*. Ed. by C. Ansell, J. Torfing. Cheltenham, United Kingdom: Edward Elgar Publishing. P. 486–498.
- Benz A., Zimmer C. 2010. The EU's Competences: The 'Vertical' Perspective on the Multilevel System. — *Living Reviews in European Governance*. Vol. 5. No. 1. P. 1–31. <https://doi.org/10.12942/lreg-2010-1>
- Börzel T.A. 2003. Shaping and Taking EU Policies: Member State Responses to Europeanization. — *Queen's Papers on Europeanisation*. No. 2.
- Börzel T.A., Risse T. 2019. Grand Theories of Integration and the Challenges of Comparative Regionalism. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. No. 8. P. 1231–1252.
- Bruszt L. 2005. *Governing Sub-National/Regional Institutional Change: Evolution of Regional (Sub-National) Development Regimes-Challenges for Institution Building in the Cee Countries and Sub-National Institutional Experimentation*. Budapest: Central European University.
- Bruszt L. 2008. Multi-Level Governance — the Eastern Versions: Emerging Patterns of Regional Developmental Governance in the New Member States. — *Regional & Federal Studies*. Vol. 18. No. 5. P. 607–627. <https://doi.org/10.1080/13597560802351622>
- Busygina I., Filippov M. 2008. EU–Russian Relations and the Limits of the Northern Dimension. — *The New Northern Dimension of the European Neighbourhood*. Ed. by P. Aalto, H. Blakkisrud, H. Smith. Brussels: Centre for European Policy Studies. P. 204–220.
- Cairney P., Heikkilä T., Wood M. 2019. *Making Policy in a Complex World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chacha M. 2020. European Union Membership Status and Decentralization: A Top-Down Approach. — *Regional & Federal Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 1–23.
- Cowles M.G., Caporaso J.A., Risse-Kappen T. 2001. *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Crescenzi R., Giua M. 2020. One or Many Cohesion Policies of the European Union? On the Differential Economic Impacts of Cohesion Policy across Member States. — *Regional Studies*. Vol. 54. No. 1. P. 10–20. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1665174>
- Cross M.K.D., Karolewski I.P. 2017. What Type of Power Has the EU Exercised in the Ukraine–Russia Crisis? A Framework of Analysis. — *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 55. No. 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.1111/jcms.12442>
- David M., Romanova T. 2019. The EU in Russia's House of Mirrors. — *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 57. No. S1. P. 128–140. <https://doi.org/10.1111/jcms.12931>
- Dornisch D. 2002. The Evolution of Post-Socialist Projects: Downsizing, Diversification and Investment in a Polish Region. — *Regional Studies*. Vol. 36. No. 3. P. 307–328. <https://doi.org/10.1080/00343400120122098>
- Garben S. 2019. Competence Creep Revisited. — *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 57. No. 2. P. 205–222. <https://doi.org/10.1111/jcms.12643>
- Giumelli F. 2013. Beyond Intergovernmentalism: The Europeanization of Restrictive Measures? — *Journal of Contemporary European Research*. Vol. 9. No. 3. P. 390–405.
- Goetz K.H. 2000. European Integration and National Executives: A Cause in Search of an Effect? — *West European Politics*. Vol. 23. No. 4. P. 211–231. <https://doi.org/10.1080/01402380008425406>
- Gower J., Timmins G. 2013. *The European Union, Russia and the Shared Neighbourhood*. New York: Routledge.
- Harmes A. 2019. *The Politics of Fiscal Federalism: Neoliberalism Versus Social Democracy in Multilevel Governance*. Montreal, Canada: McGill – Queen's University Press.
- Heisenberg D. 2005. The Institution of 'Consensus' in the European Union: Formal Versus Informal Decision-Making in the Council. — *European Journal of Political Research*. Vol. 44. No. 1. P. 65–90. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2005.00219.x>
- Herranz-Surrallés A. 2014. The Eu's Multilevel Parliamentary (Battle)Field: Inter-Parliamentary Cooperation and Conflict in Foreign and Security Policy. — *West European Politics*. Vol. 37. No. 5. P. 957–975. <https://doi.org/10.1080/01402382.2014.884755>
- Hooghe L. 1996. *Cohesion Policy and European Integration: Building Multi-Level Governance*. Oxford: Oxford University Press.
- Hooghe L., Lenz T., Marks G. 2019. *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
- Hooghe L., Marks G. 2003. Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance. — *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 2. P. 233–243.

- Hooghe L., Marks G. 2016. *Community, Scale, and Regional Governance: A Postfunctionalist Theory of Governance*. Oxford: Oxford University Press.
- Hooghe L., Marks G., Schakel A.H. 2020. Multilevel Governance. — *Comparative Politics*. Ed. by D. Caramani. Oxford: Oxford University Press. P. 193-210.
- Huber W. 2011. *Federal Coordination: Policy Making Beyond Command and Control*. Ostroda, Poland: Seminar on Territorial Dimension of Development Policy.
- Jorgensen K.E., Aarstad Å.K., Driessens E., Laatikainen K., Tonra B. 2015. *The Sage Handbook of European Foreign Policy*. New York: Sage.
- Lehne S. 2017. *Is There Hope for the EU Foreign Policy*. Carnegie Endowment for the International Peace.
- Leibfried S., Huber E., Lange M., Levy J.D., Nullmeier F., Stephens J.D. 2015. *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford: Oxford University Press.
- Leon S., Jurado I. 2020. Multilevel Governance in Spain. — *The Oxford Handbook of Spanish Politics*. Ed. by D. Muro, I. Lago. Oxford: Oxford University Press. P. 224-240.
- Lewis J. 2019. Eu Council Networks and the “Tradition” of Consensus. — *Decentring European Governance*. Ed. by M. Bevir, R. Phillips. New York: Routledge. P. 122-143.
- Macaj G., Nicolaïdis K. 2014. Beyond ‘One Voice’? Global Europe’s Engagement with Its Own Diversity. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 21. No. 7. P. 1067-1083. <https://doi.org/10.1080/13501763.2014.912148>
- Marks G. 1993. Structural Policy and Multilevel Governance in the Ec. — *The Maastricht Debates and Beyond* Ed. by A. Cafruny, G. Rosenthal. Boulder: Lynne Rienner. P. 391-410.
- Marks G., Hooghe L., Blank K. 1996. European Integration from the 1980s: State-Centric V. Multi-Level Governance. — *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 34. No. 3. P. 341-378. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00577.x>
- Mastenbroek E. 2018. Europeanization of Policies and Administration. — *The Palgrave Handbook of Public Administration and Management in Europe*. Ed. by E. Ongaro, S.V. Thiel. Berlin, Germany: Springer. P. 823-840.
- McDermott G. A. 2002. *Embedded Politics: Industrial Networks and Institutional Change in Postcommunism*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press.
- Moravcsik A. 1994. Why the European Community Strengthen the State: Domestic Politics and International Cooperation. *CES Working Paper*. No. 52. Center for Economic Studies.
- Panizzon M., van Riemsdijk M. 2019. Introduction to Special Issue: ‘Migration Governance in an Era of Large Movements: A Multi-Level Approach’. — *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 8. P. 1225-1241. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1441600>
- Portela C. 2012. *European Union Sanctions and Foreign Policy: When and Why Do They Work?* New York: Routledge.
- Sapir A. 2003. *An Agenda for a Growing Europe: Making the EU Economic System Deliver: Report of an Independent High-Level Study Group Established on the Initiative of the President of the European Communities*. Brussels: European Commission.
- Saurugger S. 2013. *Theoretical Approaches to European Integration*. New York: Macmillan International.
- Schakel A.H., Hooghe L., Marks G. 2015. Multilevel Governance and the State. — *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Ed. by S. Leibfried, E. Hube, M. Lange, J. D. Levy, F. Nullmeier, J.D.P. Stephens. P. 269-285.
- Scharpf F.W. 2001. Notes toward a Theory of Multilevel Governing in Europe. — *Scandinavian Political Studies*. Vol. 24. No. 1. P. 1-26. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.00044>
- Schumacher T., Marchetti A., Demmelhuber T. 2017. *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. New York: Routledge.
- Shapovalova N. 2019. Lobbying and Interest Group Influence in EU Foreign Policy. — *Lobbying in the European Union: Strategies, Dynamics and Trends*. Ed. by D. Dialer, M. Richter. Berlin: Springer. P. 425-434.
- Sjursen H., Rosén G. 2017. Arguing Sanctions. On the EU’s Response to the Crisis in Ukraine. — *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 55. No. 1. P. 20-36. <https://doi.org/10.1111/jcms.12443>
- Smith M. 2004. Toward a Theory of EU Foreign Policy-Making: Multi-Level Governance, Domestic Politics, and National Adaptation to Europe’s Common Foreign and Security Policy. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 11. No. 4. P. 740-758. <https://doi.org/10.1080/1350176042000248124>
- Stephenson P. 2013. Twenty Years of Multi-Level Governance: ‘Where Does It Come From? What Is It? Where Is It Going?’. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 20. No. 6. P. 817-837. <https://doi.org/10.1080/13501763.2013.781818>

Stetter S. 2004. Cross-Pillar Politics: Functional Unity and Institutional Fragmentation of EU Foreign Policies. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 11. No. 4. P. 720-739. <https://doi.org/10.1080/1350176042000248115>

Szép V. 2019. New Intergovernmentalism Meets EU Sanctions Policy: The European Council Orchestrates the Restrictive Measures Imposed against Russia. — *Journal of European Integration*. P. 1-17. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1688316>

Tatham M. 2011. Devolution and Eu Policy-Shaping: Bridging the Gap between Multi-Level Governance and Liberal Intergovernmentalism. — *European Political Science Review*. Vol. 3. No. 1. P. 53-81. <https://doi.org/10.1017/S1755773910000329>

Thomson R., Torenvlied R., Judge A. 2019. Incentives to Comply: The Impact of National Governments' and Stakeholders' Preferences on Compliance with Eu Laws. — *Journal of European Public Policy*. P. 1-18. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1699593>

Tödting-Schönhofer H., Radzyner A., Frangenheim A., Bachtler J., Mendez C., Charles D., Granqvist K. 2013. *An Assessment of Multilevel Governance in Cohesion Policy, 2007-2013*. Brussels: European Parliament.

Tulumello S. 2016. Multi-Level Territorial Governance and Cohesion Policy: Structural Funds and the Timing of Development in Palermo and the Italian Mezzogiorno. — *European Journal of Spatial Development*. No. 62. P. 1-23. <http://hdl.handle.net/10451/24818>

Van Elsuwege P. 2016. The Northern Dimension. — *The European Neighbourhood Policy in a Comparative Perspective: Models, Challenges, Lessons*. Ed. by S. Gstohl. New York: Routledge. P. 92-104.

Voltoni B. 2015. *Lobbying in EU Foreign Policy-Making: The Case of the Israeli-Palestinian Conflict*. New York: Routledge.

Warleigh A. 2006. Conceptual Combinations: Multilevel Governance and Policy Networks. — *Palgrave Advances in European Union Studies*. London: Basingstoke Palgrave Macmillan. P. 77-95. https://doi.org/10.1057/9780230522671_5

White J. 2014. Politicizing Europe: The Challenge of Executive Discretion. — *Democratic Politics in a European Union under Stress*. Ed. by O. Cramme, S.B. Hobolt. Oxford: Oxford University Press. P. 87-102.

Busygina I., Filippov M. 2010. European Union: from Specific to General. — *Russia in Global Affairs*. No. 1. P. 121-133.

Gromoglasova E.S. 2009. *Theory and Practice of Political Governance in the European Union*. Moscow: IMEMO RAS.

Novosad T. 2019. EU Decision-Making Mechanisms: Current Trends. — *Contemporary Europe*. No. 3. P. 190-196.

Savorskaya E.V. 2012. Policy Networks in the European Union. — *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No. 4. P. 368-373.

Strezhneva M.V. 2009. International Organizations and International Integration. — *Moscow University Bulletin. Series. 25. International Relations and World Politics*. No. 1. P. 28-45. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/268/STREZHNEVA_1_2009.pdf (accessed 12.07.2020).

Chikharev I., Romanova M. 2011. *The Idea and Basic Concepts of Multi-Level Governance in a World Political Discourse*. — *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 5. P. 3-16.

Литература на русском языке

Бусыгина И., Филиппов М. 2010. Евросоюз: от частного к общему. — *Россия в глобальной политике*. № 1. С. 121-133.

Громогласова Е.С. 2009. *Теория и практика политического управления в Европейском союзе*. М: ИМЭМО РАН.

Новосад Т. 2019. Механизмы принятий решений в ЕС: современные тенденции. — *Современная Европа*. № 3. С. 190-196.

Саворская Е.В. 2012. Политические сети в многоуровневом управлении ЕС. — *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 4. С. 368-373.

Стрежнева М.В. 2009. Международные организации и международная интеграция. — *Вестник Московского университета. Серия. 25. Международные отношения и мировая политика*. № 1. С. 28-45. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/268/STREZHNEVA_1_2009.pdf (accessed 12.07.2020).

Чихарев И., Романова М. 2011. Понятие и основные концепции многоуровневого управления в мирополитическом дискурсе. — *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. № 5. С. 3-16.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.12

AMENDMENTS TO RUSSIAN CONSTITUTION AND INTERNATIONAL INSTITUTIONS DECISIONS: EAEU PROSPECTIVE

M. Verlaine¹, A.V. Shashkova², E.V. Kudryashova³

¹CN Business School (Paris, Nancy, Berlin. Nancy, France

²Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

³Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation. Moscow, Russia

VERLAINE, Michel, Ph.D. in Economics and Management (ENSAM, Paris), Associate Professor, Economics and Finance Department, ICN Business School, email: michel.verlaine@icn-artem.com; **SHASHKOVA, Anna Vladislavovna**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Constitutional Law Department, MGIMO University, email: a.shashkova@inno.mgimo.ru; **KUDRYASHOVA, Ekaterina Valerievna**, LL.M. – King's College London, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, email: ev_kudryashova@inbox.ru

Docteur en économie et gestion (Ecole nationale des Arts et Métiers, ENSAM, Paris)

Verlaine M., Shashkova A.V., Kudryashova E.V. Amendments to Russian Constitution and International Institutions Decisions: EAEU Prospective. – Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 164–176. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.12>

Received: 23.04.2020. Accepted: 03.06.2020

Abstract. The constitutional reforms in Russia are amongst the most significant news for Russia's partners in international relations. The configuration of international law and Russian domestic legal order falls within the scope of the constitutional changes of 2020, and there is no chance that this change will be abandoned by the legislator. This particular amendment was not actively commented on during the nationwide discussion on the constitutional reform; it drew mostly experts' attention. The article alleges that the constitutional amendment restricting the applicability of international case law in Russia is both a transient response to the instant political tension around Russia, and a formalization of the positivistic trend well established in domestic judicial practice. The positivistic trend is part of the process shaping Russia's own approach to international law. The prospective amendment concerning international case law in the Constitution of the Russian Federation will not hinder the rules expressly stated in the treaties of the EAEU. However, the resolutions of the EAEU's structures and institutions, including the case law of the Court of the EAEU, are likely to be scrutinized in a defensive way by Russian Constitutional court in situations extraordinary for the Russian State, ensuring their conformity with the unquestionable and unconditional supremacy of the Russian Constitution.

Keywords: EAEU, international law, international case law, constitutionalism, constitution of Russia, Eurasian integration.

INTRODUCTION

The relationship between international and domestic law is a political point, being one of the important points that traditionally should be reflected in the Constitution. In January 2020, constitutional amendments were announced in Russia, some of which were related to the role of the international law in the domestic legal order of Russia. The text of the amendments to the Russian Constitution was quite rapidly submitted and approved by the Federal Assembly, the President, and the Constitutional Court. Simultaneously, the process of nationwide discussion was launched, and the proposals from society were collected by the Working Group. On

July 1, the constitutional amendments were supported by a national vote. Some of the amendments are related to the role of international law in the domestic legal order.

Thus, there is a sound basis for academic discussion on certain crucial features of the text, which is important for Russia's partners in international relations, especially for EAEU member states.

Among other changes, there is an important amendment concerned with the role of international law for the Russian domestic legal order. This should be thoroughly examined, as this aspect of the current constitutional reform is important not only domestically but also for the international community.

In the current political context, Russia is facing a number of international political challenges: the Crimea conflict, pressure from and about Syria, the MH17 flight trial, and others. In such extraordinary circumstances for the Russian Federation, the state needs to defend and legitimize its position. The new approach to the international rule of law in Russia should be placed in this context. Historical reasoning will enlighten certain answers and justifications behind the Russian constitutional changes. The reconstruction technique help to reveal the links, and the political and social foundations, associated with the whole process of amending the constitution. The immediate causes rooted in legal texts have been leading to much broader findings and more general conclusions once they have been perceived in an integrated manner. The text of the amendments to Russian Constitution shall be examined in this article, and the method of the academic foresight shall be applied to assess these constitutional changes.

THE BACKGROUND OF THE CURRENT CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

First of all, Russia currently expresses its own view on international law, which to a large extent is in line with long-standing traditions dating back to Soviet times. In the 1990s, Russia quite visibly broke with its Soviet past; however, the influence of the strong and well-established school of Soviet international law still persists.

There is a trend towards globalization in international law and justification of common interests. At the same time, it is also true that different countries and regions are developing their own approaches towards international law; for instance, China has long been promoting its own approach to international legal rules and regulations [Hanqin 2011; Chimni 2006]. Thus, it is logical that Russia, pursuing its own interests in this complex political reality, would sooner or later elaborate its own consistent approach in this field.

The Soviet approach to international law used to be a subject of thorough study worldwide. Contrarily, in the 1990s, the international scientific community seemed to lose interest in Russian law, mostly due to the chaotic situation and the absence of any consistent approach to international law in Russia.

As Malksoo points out, before 2014 there were no meaningful studies devoted to Russia on the international level. Only after 2014 did the growing importance of Russia in international affairs call for some extensive research, merely trying to identify the contemporary legal schools of international law [Malksoo 2015]. After 2014, quite a few journal articles were published, claiming that Russia is shaping a different form of international law in its own neighborhood. Due to this lack of academic studies into Russia's internal processes, it comes now as a surprise, and looks like a novelty, that Russia is forming its own approach to international law.

International law, and especially the part related to human rights, presents a whole diversity of instruments, from formal to quite illusive. On the one side of the spectrum there are formal treaties, and on the other side there are pledges, political

arrangements, and the most elusive entity – customary international law. The Soviet Union was rather adherent to formal sources; this is illustrated in comparative research by the fact that it was more frequent a party to the most of the UN-sponsored treaties than such countries as the United States, which participated only in few of those treaties [Damrosch, 1991].

The Soviet Union consistently followed positivist legal theories, relying mostly on those treaty obligations with all formalities. Legal positivism emphasizes the conventional nature of law, and does not imply an ethical justification for the content of the law. The amendments to the Russian Constitution reveal the same – the endorsement for the formal sources of international law [Shashkova, Verlaine, Kudryashova, 2020]. As will be shown below, only the application of international case law is clearly limited by the amendments.

The foundation of the current constitutional reform, in its part concerning international law, was laid by the divergence of views between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of Russia, followed by discussions on the legitimacy of the international institutions' decisions in the Russian domestic legal order.

One such example was the gap in the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights with respect to the understanding of Article 6(1) of the Convention stating the right for a fair trial [Koroteev, Golubok 2007]. Later in 2013, there was a rather tense case, "*Anchugov and Gladkov v. Russia*", related to voting rights in detention. Afterwards came the case which was, and may be, still the most highly-strung: the case of Yukos. On January 19, 2017, the Constitutional Court looked at the decision of the European Court of Human Rights, dated July 31, 2014, applied arguments provided by the Ministry of Justice of the Russian Federation to it, and used these opinions to judge this European decision impossible to implement. The Constitutional Court stated that "the execution of the decision of the interstate body for the protection of human rights and freedoms is impossible, because it is based on the provisions of the international treaty of the Russian Federation as interpreted, leading to their discrepancy with the Constitution" (Article 104.2 of the Federal Law on the Constitutional Court of the Russian Federation), also noting the mechanism for interpreting the provisions of the Constitution "in order to eliminate uncertainties in their understanding, taking into account the revealed contradiction between the provisions of the international treaty of the Russian Federation as interpreted by the interstate for the Protection of Human Rights and Freedoms, and the provisions of the Constitution with regard to the possibility of execution of the respective intergovernmental body" (Article 105). The Constitutional Court stated that the payment by the European Court of Human Rights to the former shareholders of Yukos is contrary to the constitutional principles of equality and justice in tax law relations, because Yukos Petroleum had built illegal tax evasion schemes and the budget system of the Russian Federation did not regularly receive from it in due form the huge amounts of tax payments necessary for making public obligations to all citizens, overcoming the financial and economic crisis. Thus, the Constitutional Court considered it impossible to pay to the heirs and assignees of such company any significant monetary compensation from the Russian budget.

Yukos shareholders appealed to the European Court of Human Rights, and received a decision in their favor in September 2011 (OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia, claim No. 14902/04). The resolution was given, but not the sum. The sum was given by the European Court of Human Rights in July 2014, and the Russian Federation took immediate actions.

The European Court obliged Russia to pay Yukos shareholders and the company's successors the quite significant sum of €1,866,104,634. It was one of the tensest cases, in which the European Court of Human Rights showed an "excessively innovative" approach to its interpretation of international law [Entin, Entina 2017].

Thus, introduction of a new Chapter 13.1 to the Federal Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" seems like a post-defense syndrome for the Russian budget.

Article 104.1 of the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" provides that the "federal executive body" may appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation with a request on the possibility of enforcing the decision of the interstate body for the protection of human and civil rights and freedoms "on the basis of the conclusion of the federal state bodies that are entrusted with the duty of within its competence, take measures to implement decisions of the interstate body for the protection of human rights and freedoms". The Constitutional Court shall then conduct judgement and make one of the following decisions:

- on the possibility of the execution (in whole or in part), in accordance with the Russian Constitution, of the decision of the interstate body for the protection of human rights and freedoms, adopted on the basis of the provisions of the international treaty of the Russian Federation, as interpreted by the interstate body for the protection of human rights and freedoms, in connection with which a request was submitted to the Constitutional Court of the Russian Federation, or

- on the impossibility of implementing (in whole or in part), in accordance with the Russian Constitution, the decision of the interstate body for the protection of human rights and freedoms, adopted on the basis of the provisions of the international treaty of the Russian Federation, as interpreted by the interstate body for the protection of human rights and freedoms, in connection with which a request was submitted to the Constitutional Court of the Russian Federation.

167

In the latter case, the decision of the interstate body for the protection of human rights and freedoms shall not be implemented and carried out in the Russian Federation.

Based on exactly such powers, the Constitutional Court interpreted the decision of the European Court of Human Rights on the case "*Anchugov and Gladkov v. Russia*" as impossible to implement. The Russian Constitutional Court stressed the necessity of ensuring a reasonable balance between the obligation to implement the judgments of the European Court of Human Rights and of respect for the fundamental principles of the Russian Federation's constitutional system. The Constitutional Court found that, because the judgment of the European Court of Human Rights in question implicitly conflicted with provisions of the Russian Constitution, Russian courts are not obliged to comply with judgment regarding issues that remain in conflict; however, other means are available to the Russian legislature to give effect to the judgment [Abashidze, Ilyashevich, Solntsev 2017].

The European Court of Human Rights, however, with regards to the instruments it has to enforce its judgement, only actually has political instruments at its disposal. Of course, there is the European Convention on Human Rights, Article 46 of which regulates the binding force of the decisions of the European Court of Human Rights. Article 41 of the Convention applies the principle of just satisfaction: if the Court finds that there has been a violation of the Convention or the Protocols thereto, and if the internal law of the High Contracting Party concerned allows only partial reparation to be made, the Court shall, if necessary, afford just satisfaction to the injured party.

This case further attracted the attention of the Committee of Ministers of the Council of Europe, and it ruled twice in 2017. The result was still the same: the decision was not executed yet. And it was not executed on legal grounds from point of view of the Russian Federation. However, in September 2019, the Committee of Ministers of the Council of Europe – which, pursuant to Article 46(2) of the European Convention on Human Rights, supervises the execution of judgments of the European Court of Human Rights – adopted a final resolution which closed the supervision of the case “Anchugov and Gladkov v. Russia”. The closure of the case means that Russia has complied with Anchugov and Gladkov judgment, and the measures adopted by the Russian authorities are thought to be an adequate response to the judgment, as per assessment of the Committee of Ministers of the Council of Europe¹.

The interpretation of Article 15 of the Constitution leads to the conclusion that international law, under the Constitution of the Russian Federation, relies upon federal laws and not on federal constitutional laws. The Constitutional Court of the Russian Federation conducts its activity based on the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”. Therefore, the resolution of the Russian Constitutional Court shall prevail to the duly ratified international law.

In 2020, however, the situation is perhaps not quite the same with regards to the non-execution of a number of decisions taken by the European Court of Human Rights. Two more decisions by international bodies against the Russian Federation were taken this year. The first one was the decision of the European Court of Human Rights, dated January 14, 2020, which states that the main participants of the Yukos case – Khodorkovsky and Lebedev – were convicted for actions conducted which were not a crime. The decision provided that, with respect to Khodorkovsky and Lebedev, Articles 6 (right to a fair trial), 7 (no punishment without law), and 8 (right to respect for private and family life) of the European Convention on Human Rights were violated. At the same time, the European Court of Human Rights did not recognize the process against businessmen as politically motivated.

The development of the doctrine on the issue of the significance of international case law in Russia can be traced back to 2007. This year saw the appearance of the sovereign democracy concept, formulated by the Chair of the Constitutional Court of Russian Federation Valeri Zorkin², laying the academic grounds for the Russian Constitution and the Constitutional Court’s decisions having supremacy over the positions of the international courts.

The legal basis for the Constitutional Court’s line of decision-taking could be found in the Article 125 p.6 of the Constitution concerning the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation. It states that international treaties and agreements not corresponding to the Constitution of the Russian Federation shall not be enforced and applied.

In 2015, there were further developments of the Federal Law “On the Constitutional Court of Russian Federation”, which was supplemented with a special provision 3.2³. Since then, it has become clear that the Constitutional Court is able to review the

¹ H46-17 Anchugov and Gladkov Group v. Russian Federation (Application No. 11157/04). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680972e12 (accessed 22.05.2020).

² The Statement of President of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin, ‘National Interests, Contemporary World Order and Constitutional Legality’ at the Scientific Conference ‘Role of Law in Securing National Interests’. 2005. URL: <http://www.ksrf.ru/news/7.htm> (accessed 22.05.2020).

³ Federal Constitutional Law, dated 14.12.2015, No. 7-FKZ.

decisions of interstate institutions protecting human rights and to decide whether there is a possibility of enforcing such decisions. This review can be initiated on the request of Russian authorities entitled to defend the interests of Russia in the international institution once a claim to the Russian Federation is submitted therein. Thus, the amendments to the Federal Law “On the Constitutional Court of Russian Federation” allowed the Court to find the decisions of international institutions non-enforceable. This provision of the law was criticized in publications, as the Constitutional Court of Russia enjoys unlimited power to reject the decisions of international judicial bodies and therefore justify the non-fulfillment of international obligations [Chernichenko 2018].

It would be a mistake to think that Russia – and in particular its judicial bodies – are specifically ignoring the positions of the European Court of Human Rights. The Supreme Court of the Russian Federation has issued official guidelines for Russian courts of general jurisdiction on how to apply the Convention on Human Rights in its judicial procedure⁴. The Supreme Court recommended taking into account the decisions of the European Court of Human Rights once the facts and merits of the case are identical to those considered by the European Court of Human Rights.

These controversies and disagreements have long been quite acute; this situation involves dealing with the coherent position of the Constitutional Court of Russia, which is already justified on academic grounds and supported by legislative changes. In recent publications, it has been argued that both the international judicial bodies and the national courts have to cede some of their views, moving to collective meaning-making [Orlova 2018].

The practice of the highest courts of the Russian Federation – the Supreme Court and the Constitutional Court – in implementing decisions of the European Court of Human Rights shows that the majority of the decisions are duly executed, unless the political situation or extraordinary circumstances claim the opposite.

169

THE CONSTITUTIONAL AMENDMENTS 2020 RELATED TO THE INTERNATIONAL LAW

In his Address to the Federal Assembly, President Putin urged to change the Russian Constitution in order to guarantee its priority. He further explained what it means, and literally that “the international legislation and treaties requirements, as well as the decisions taken by international bodies, can have effect within the territory of Russia, to the extent that they do not entail restrains of human and civil rights (freedoms) and do not contravene the Constitution of Russia”⁵.

This Address to the Federal Assembly was followed by the draft of the Federal Constitutional Law “On the Amendment to the Constitution” introduced to the Federal Assembly. Among the whole bunch of the new provisions, there was a revised form of Article 79, with new approaches towards international law. This text was supported by the national voting in July 2020.

Previously, Article 79 contained a short statement: “the Russian Federation may participate in interstate associations and transfer part of its powers to them according to international treaties and agreements, if this does not involve the limitation of the rights and freedoms of man and citizen and does not contradict the principles of the constitutional system of the Russian Federation”.

⁴ *The Resolution the Supreme Court of the Russian Federation (Plenum) of 27 June 2013 No. 21 “About the Applying by the Courts of General Jurisdiction of Russia the Convention on Human Rights and Main Freedoms (4 November 1950 and the Protocols thereof)”*.

⁵ *President’s Address to the Federal Assembly*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed 20.03.2020).

The revised Article 79 has a broader wording. The new text adds that the decisions of interstate bodies, adopted based on the provisions of international treaties concluded by the Russian Federation and interpreted in a way that contradicts the Constitution, shall not be enforced in Russia.

Article 79 is included in Chapter 3 “Federal Structure” of the Russian Constitution. The provisions of Chapter 3 are not subject to special constitutional procedures. The clauses of Chapters 3-8 of the Russian Constitution can be amended according to the rules fixed for adoption of federal constitutional laws, and these come into force after they are approved by the legislative assemblies of not less than two thirds of the subjects of federation. Therefore, Article 79 is categorized as “ordinary” provision of the Russian Constitution.

Another constitutional provision concerning international law – Part 4 Article 15 – has been left intact, and still ensures that the universally recognized norms of international law and international treaties and agreements of the Russian Federation shall be a component part of its legal system. If an international treaty or agreement of the Russian Federation establishes other rules than those envisaged by law, the rules of the international agreement shall be applied. This provision forms Chapter 1 “The Fundamentals of the Constitutional System” and any amendments to this chapter are subject to cumbersome procedures.

In Article 15 (4), it is possible to see the tradition of endorsement of formal sources of international law. The Supreme Court of the Russian Federation gave its official guideline for its courts in 1995⁶, stressing the positivistic meaning of the article. Only those officially published international treaties that do not require the internal acts should be applicable directly. In 2003, the Supreme Court⁷ clarified that once the international treaty sets a rule other than the internal legislation, the court should apply only those international treaty rules which have a direct and immediate effect in Russian legal system.

Thus, the Supreme Court continued the positivist line, and narrowed the range of international law sources applicable in Russia, leaving only the international treaties and only those treaties which do not require any further legislative implementations applicable straightforward and immediately.

Therefore, the amendment of Article 79 rather reaffirmed the approach already well-established in Russian practice and academic science. The novelty is, of course, its aim to resolve the controversial situation with the decisions of the European Court of Human Rights. However, the wording “decisions of interstate bodies adopted based on the provisions of international treaties” is wider and encompasses many other decisions. At the same time the wording is limited by the notion of enforceability (its Russian equivalent “исполнение”).

The decisions of courts or quasi-courts can be enforced. The decisions of some executive bodies of international or interstate organizations are less likely to require enforcement. Undoubtedly, a certain ambiguity could be foreseen here. In the current version, the amendments dealing with the case law of any kind form the international law realm.

⁶ The Resolution the Supreme Court of the Russian Federation (Plenum, dated 31 October 1995, No. 8 “About Some Questions of Applying the Constitution of Russia by the Courts in the Course of Justice”.

⁷ The Resolution of the Supreme Court of Russian Federation (Plenum), dated 10 October 2003, No. 5 “About the Applying by Courts the Generally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation”.

THE CONSTITUTIONAL AMENDMENTS IN RUSSIA AND THE LAW OF THE EAEU

The current amendments of the Russian Constitution are of great interest for Russia's partners in international associations and unions, in particular in the Eurasian Economic Union.

President Putin presented the Eurasian Economic Integration Project as the most important historic milestone not only for the EEU's member states but for the whole post-Soviet space. The Eurasian integration was supposed to make the leap to a whole new level of integration compared with all previous attempts. Special attention was paid to the effectiveness of the decision-making process on the supranational level, setting "the rules of the game" for all the interested parties. The Eurasian integration project was initially expected to present its member states with leadership in global growth and civilizational progress⁸.

Eurasian integration had been developed for decades, and quite a few concepts and formal agreements had already been elaborated by the time the Eurasian Economic Union came to the existence. The Treaty establishing the Eurasian Economic Union (Astana, May 29, 2014) is quite extensive, containing 118 articles and a bulk of protocols. Many aspects of interaction and cooperation between member states have their legal basis in this treaty. A certain legal framework, which is usually left for agreements in further international documents, has been solved by the Treaty on the Eurasian Economic Union, such as the macroeconomic coordination [Shokhin, Kudryashova 2019]. Therefore, the current amendments in the Russian Constitution concerning international case law shall hardly have any dramatic impact on the engagement of Russia in the EAEU.

Still, there are a few decision-taking bodies within EAEU supranational structures. Part 1 Article 6 of the Treaty on the EAEU "The Law of the EAEU" makes clear what is included in EAEU law: the Treaty on the EAEU; international agreements within the EAEU; international agreements between the EAEU and a third party; decisions and resolutions by the Supreme Eurasian Economic Council, the Eurasian Intergovernmental Council, and the Eurasian Economic Commission that were accepted according to their authority provided under the present Treaty as well as international agreements within the EAEU. Resolutions of the Supreme Eurasian Economic Council and the Eurasian Intergovernmental Council shall be performed by the member states in accordance with their national legislation.

There has already been a position expressed on the direct effect of the Treaty on the EAEU in the domestic legal orders of the member states; this position has already been confirmed by the Court of the EAEU case law. However, even before the draft of the current amendments to the Russian Constitution was published, concerns were expressed that there may be conflicts related to the unswerving constitutional supremacy over decisions of these international bodies [Kalinichenko, Petrov, Karliuk 2019]. Those concerns have sound basis, as the Constitutional Court of Russia has already showed its willingness to review the decisions of the Commission of EAEU. Considering the court request on the application of the Eurasian Commission resolution № 728⁹, the Constitutional Court of Russia took the view that participation of Russia in the Customs Union does not constitute any ground for a derogation from

⁸ Putin V. (2011) A New Integration Project for Eurasia Is the Future That Is Being Born Today. — *Izvestia*. 03.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/502761?page=2> (accessed 16.07.2020).

⁹ *The Ruling of Constitutional Court of Russia of 3 March 2015 No. 417-O.*

the supremacy of the rules of Russian Constitution. Russia is by no means relieved of fulfilling its constitutional duty to recognize, respect, and protect human rights, and this duty must determine the meaning, content, and application of laws.

The EAEU also created a judicial body – the Court of the Eurasian Economic Union (further Court of EAEU). Annex II to the Treaty represents the Statute of the Court of Eurasian Economic Union. It is established, and acts on a permanent basis in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Union and the Statute. The Statute announces that the purpose of the Court is to ensure a uniform application of the Treaty, international treaties within the EAEU, international treaties between the EAEU and a third party, and decisions of the EAEU's bodies by the member states and bodies of the EAEU, in accordance with the provisions of this Statute. Paragraph 39 of the Statute sets that the Court shall adjudicate disputes on any issues of the implementation of the Treaty, international treaties within the EAEU, and/or decisions of the EAEU's bodies.

According to the Statute (paragraph 102), the general rule is that the disputing parties shall independently determine the form and manner of enforcing the Court decision.

Trying to make an educated guess about prospective decisions taken by the Court of the EAEU, given the new reality in Russian after the Constitution's amendments, means dealing with a very complicated issue.

The Court of the EAEU is not a successor of the Court of the Eurasian Economic Community (the Court of the EurAsEC); the Court of the EAEU may distance itself from the previous case law of the Court of the EurAsEC. This can be seen in the case “*General Freight CJSC v. Commission*” (May 1, 2017)¹⁰, where the Court of the EAEU endorsed the substance of the previous case law within the EurAsEC. The Court of the EurAsEC made a few efforts to rationalize and enhance its credibility, and decided that its judgements were obligatory beyond merely the parties in the dispute. This line is continued by the Court of the EAEU [Diyachenko, Entin 2017].

The draft of the amendment concerning international case law in the Constitution of Russian Federation does not hinder the rules expressly stated in the treaties of the EAEU. However, the decisions of the bodies created within the EAEU's structures and the case law of the Court of the EAEU are likely to be subject to the unquestionable supremacy of the Russian Constitution's rules.

DISCUSSION AND CONCLUSION

Academic studies have alleged that the Russian Constitution of 1993 is most friendly to international law among the countries of the post-Soviet space, as it is the only Constitution which has the “integration clause” (which is the provisions of Article 79 in the current unrevised version). The recent development of judicial practice in Russia is characterized as defensive and isolationistic, protective of state sovereignty. In relation to this, concerns were raised about the effectiveness of the Eurasian integration project [Kalinichenko 2018]. To a certain extent, these concerns may be further exacerbated with the constitutional amendment of the 2020.

The amendment to Article 79 of the Russian Constitution – reaffirming the supremacy of the Constitution over the decisions of international bodies – could tarnish the most friendly reputation the Russian Constitution currently enjoys; however, this

¹⁰ *The General Freight Decision*. URL: <http://courteurasian.org/doc-15563> (accessed 16.07.2020).

reputation is still considerable, as the main articles on international law have been left intact.

Article 15 of the Constitution provides a norm not reliant on the interpretation of whether or not an international treaty corresponds to the Russian Constitution [Shashkova, Polovchenko, Volevodz, 2019]. Article 17 of the Constitution states that in the Russian Federation, recognition and guarantees shall provide for the rights and freedoms of man and citizen according to the universally recognized principles and norms of international law and according to the Constitution.

Thus, one can say that the amendments concerning the role of international treaties have not drastically changed the essence of the existing Russian Constitution. Everything depends on the interpretation of particular provisions thereof. It has become clear and obvious that if the Constitution is amended, Russia shall still endorse all its international obligations and pledges. Article 15 (Part 1) of the Constitution will stay intact. The entrenched provisions of the Russian Constitution preclude changes to this article. The nationwide discussion shows that there is no willingness to change the general predominance of the international law in the Russian legal order.

There is an amendment related to the application of international case law as a matter of certain political pressure. On February 18, 2020, a decision was taken – predictably, and with objection from Russian authorities – by The Hague Court of Appeal. It had been a longstanding case, started in 2005 with the lawsuit from former Yukos shareholders including Yukos International, Hulley Enterprises, and Veteran Petroleum, which was brought to the Permanent Court of Arbitration in The Hague. The basic argument stated: Russia violated the provisions of the Energy Charter on the protection of investors from discrimination and from dishonest and impartial legal proceedings. The amount of claims was initially \$28.3 bln, later the amount was increased to \$114.2 bln.

On July 18, 2014, the Hague Arbitration gave its judgement: Russia violated the Energy Charter. The following compensations were awarded: Hulley Enterprises received \$39.97 bln, Yukos International \$1.85 bln, and Veteran Petroleum \$8.2 bln. Moreover, Russia was to recover \$65 mil in legal costs. The amount was to be paid by January 15, 2015, otherwise 3.3–3.5% of the unpaid amount was to be charged per annum.

As Russia did not pay the sum, arrests of Russian Federation property took place in Austria, Belgium, and France. After this, Russia gained an advantage by making a successful appeal to the Hague District Court, which (on April 20, 2016) decided that The Hague Arbitration did not have jurisdiction over this case. The decision in favor of Yukos shareholders had no legal grounds, and thus was unenforceable.

However, in February 2020, the Hague Court of Appeal ruled that the 2016 decision “was not correct. That means that the arbitration order is in force again”. Reasonably, after this, the question is raised of why there seemed to be such a hurry with the changes to the Russian Constitution with this expected \$50 bln decision.

Nonetheless, the amendments to the Russian Constitution regarding the relationship between international law and the domestic legal order have a unique and particular background, and are not of a transient nature. The authors would suggest that these changes were, to some extent, quite predictable from the traditions and development of the political and constitutional practice in Russia. The amendments, allowing international case law not to be enforced, affirm positivistic approaches to international law, preferring instead codified and accessible sources.

The approach of Russia to international law – which, to certain extent, was expressed in the 2020 amendments – has been developing for a long time. As Russian views were not in the focus of the international academic studies and since 2014 most of the studies were negatively biased, the novelty of the Constitution may come up in international academic discourses with negative prejudice. Even in this context, the constitutional changes seem to be driven by political tensions.

Before 2014, the development of Russian constitutional practice, and in particular approaches to international law, were insufficiently studied. After 2014, the Russian view on international law became a subject matter of academic discussion mostly with negative connotations. Once this negative and emotional patina is pulled back, it is clear that certain approaches to matters of international law matured in Russia. The 2020 amendments to the Russian Constitution consolidated the theoretical and empirical development towards the positivistic view. Article 15(4) of the Russian Constitution – giving priority to the international treaties in the Russian legal order – stays intact, while the case law application is restricted.

Although international law has a universal nature and cannot be fragmented, there are still sound differences in its interpretation, especially regarding the international and the domestic legal order. International law is weaved and integrated in the domestic legal order. States are accepting of the rules of the international law by means of voluntary acts. Indeed, international law cannot be imposed on sovereign states. Those states that allow international law in their legal order inevitably interpret or reinterpret it. Hence, the international rules start operating in a specific social, political, and cultural environment [Hanqin 2011]. A number of countries have cogently proven that it is possible to advance their own views and own approach to international law. This is even more obvious once the internal legal order is involved. International law is thus metaphorically compared with ultraviolet light; by the same means, international law should pass through the filter of the internal legal system to be visible [Crawford 2014]; this metaphoric filter is even more important for international case law.

It should be mentioned that in recent decades, international law has become somewhat overloaded with concepts coming from Anglo-American law: the features of the procedures in international tribunals, the enhanced case law of different natures, etc. This development was prejudicial towards those alternative legal orders which rely mostly on formal sources of international law. Thus, filters in the domestic legal orders for the international case law are a natural response to this.

Case law in international law sometimes instigates ambiguity and controversies. One case of the European Court of Justice is oft discussed in academic publications as an example of the constraints of international law and the hindrance this has created in itself – the “Kadi” case. The European Court of Justice decided that the freezing of the funds, according to the UN Security Council resolution, deprived the applicant of the right to effective judicial review; this decision protects the individual rights. By the same means, this decision by the international court limited the implementation of globally binding decisions from the UN Security Council [Oxman 2010]. Here, there is a clear demonstration of the clash between two decisions of international bodies. This also hindered the credibility of international case law and its interpretations.

Russia is actively involved in international and regional integration, including the relatively young and quite promising Eurasian Economic Union. The interaction of international, supranational, and constitutional law has different dimensions and

follows different patterns [Chirkin 2016]. Most of the matters within these integrations are expressed in the formal sources of EAEU law. EAEU law encompasses the decisions and resolutions of the Supreme Eurasian Economic Council, the Eurasian Intergovernmental Council, and the Eurasian Economic Commission, which were accepted according to their authorities provided under the Treaty on the EAEU as well as the international agreements within the EAEU. These decisions and resolutions, according to the revised Article 79, shall expressly become subject to the supremacy of the Russian Constitution. In some recent cases, the Constitutional Court of the Russian Federation has already moved in this direction. The decision of the EAEU Commission was not reviewed substantively, but the Constitutional Court accepted the claim and delivered its opinion in the sense of supremacy of the Constitutional over EAEU case law.

It should be admitted that the revision of Article 79 of the Russian Constitution does not add much to Russia's already mature approach to international law, which is in line with long-standing traditions. The text of the 2020 amendments still leaves space to interpretation considering the political context of international relations of the Russian Federation. Either it shall cover *only* the decisions of the courts or quasi-courts which need to be “enforced”, or it shall cover *all* the decisions and resolutions of each and every international body. Analysis of the background, practice of the Constitutional Court, and other documents points towards the wider political and legal interpretation of the new wording.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.12

ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ РОССИИ 2020 И РЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЕАЭС

М. Верлен, А.В. Шашкова, Е.В. Кудряшова

ВЕРЛЕН Мишель, доктор экономики и управления (Национальная высшая школа искусств и ремесел, ENSAM, Париж), доцент кафедры политической экономики, доцент кафедры политической экономики Школы менеджмента (ICN), Нанси, email: michel.verlaine@icn-artem.com; **ШАШКОВА Анна Владиславовна**, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры конституционного права, МГИМО МИД России, Москва, email: a.shashkova@inno.mgimo.ru; **КУДРЯШОВА Екатерина Валерьевна**, доктор юридических наук, магистр права (Королевский колледж Лондона), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, email: ev_kudryashova@inbox.ru

Verlaine M., Shashkova A.V., Kudryashova E.V. Amendments to Russian Constitution and International Institutions Decisions: EAEU Prospective. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 164–176. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.12>

Статья поступила в редакцию: 23.04.2020. Принята к публикации: 03.06.2020

Аннотация. Конституционная реформа в России — одно из главных событий для партнеров России на международной арене. Поправки, внесенные в Конституцию России в 2020 г., затрагивают вопрос соотношения международного права и внутреннего правопорядка Российской Федерации. Данные поправки мало комментировались в рамках общероссийской дискуссии о конституционной реформе и являются предметом преимущественно экспертных дискуссий. Наша статья имеет целью показать, что конституционная поправка, ограничивающая применимость международного прецедентного права в России, является не только реакцией на текущую политическую напряженность вокруг России, но и формализацией позитивистской тенденции, давно установившейся в отечественной практике. Позитивистская тенденция укладывается в процесс формирования собственного подхода России к международному праву.

Поправка, касающаяся взаимоотношения международного прецедентного права и Конституции Российской Федерации, не затрагивает нормы, содержащиеся в договорах ЕАЭС. В то же время, решения органов и структур ЕАЭС, включая решения Суда ЕАЭС, теперь будут оцениваться Конституционным судом России на предмет их безусловного соответствия Конституции РФ.

Ключевые слова: ЕАЭС, международное право, международное прецедентное право, конституционализм, конституция России, евразийская интеграция.

Abashidze A.Kh., Ilyashevich M.V., Solntsev A.M. 2017. Anchugov & Gladkov v. Russia. — *American Journal of International Law*. Vol. 111. No. 2. P. 461-468. <https://doi.org/10.1017/ajil.2017.31>

Chimni B.S. 2006. Third World Approaches to International Law: A Manifesto. — *International Community Law Review*. No. 8. P. 3-27. <https://doi.org/10.1163/187197306779173220>

Chirkin V.E. 2016 International, Supranational (Supra-Statal) and Constitutional Law: the dialectic of Comparative Interaction. — *Journal of Comparative Law*. Vol. 11. No. 1. P. 124-135.

Crawford J. 2014. *Chance, Order, Change: the course of international law*. General Course on Public International Law.

Damrosch L.F. 1991. International Human Rights Law in Soviet and American Courts. — *The Yale Law Journal*. Vol. 100. No. 8. P. 2315-2334. <https://doi.org/10.2307/796895>

Diyachenko E., Entin K. 2017. The Court of the Eurasian Economic Union: Challenges and Perspectives. — *Russian Law Journal*. Vol. 5 No. 2. P. 53-74. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-2-53-74>

Entin M.L., Entina E.G. 2017. The Impact of Human Rights Law on the Progressive Development of Contemporary International Law. Part I. — *Moscow Journal of International Law*. No. 2. P. 29-44.

Hanqin X. 2011. Chinese Contemporary Perspective on International Law: History, Culture and International Law. *The Hague Academy of international law Collected Courses*. Vol. 355 P. 41-234

Kalinichenko P. 2018. The constitutional order of the Russian Federation and its adaptability to European and Eurasian integration project. — *Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration. Adapting to European and Eurasian Integration Projects*. Ed. by Petrov R., Van Elsuwege P. London: Routledge. P. 168-177. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-3-107-133>

Kalinichenko P., Petrov R., Karliuk M. 2019. International Law in Russia, Ukraine, and Belarus: Modern Integration Project. — *Russian Law Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 107-133.

Koroteev K., Golubok S. 2007. Judgement of the Russian Constitutional Court on Supervisory Review in Civil Proceedings: Denial Justice, Denial of Europe. — *Human Rights Law Review*. Vol. 7. No. 4. P. 619-632. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngm018>

Malksoo L. 2015. *Russian Approaches to International law*. Oxford: Oxford University Press.

Orlova A.V. 2018. Sovereignty, Dissent, and the Shaping of International Consensus Around Human Rights: An Examination of Russian Disengagement from the European Court of Human Rights. — *Arizona Journal of International and Comparative Law*. Vol. 35. No. 3. P. 435-468.

Oxman H.B. 2010. *Idealism and the Study of International Law. Inaugural Lecture*. Public International Law Session. Brill.

Shashkova A.V., Polovchenko K.A., Volevodz A.G. 2019. Questioning State Corporations as Special Forms of Legal Entities. — *International Journal of Economics & Business Administration*. Vol. 7. No. 1. P. 186-203. <https://doi.org/10.35808/ijeba/263>

Shashkova A., Verlaïne M., Kudryashova E. 2020. On Modifications to the Constitution of the Russian Federation in 2020. — *Russian Law Journal*. Vol. 8. No. 1. P. 60-83. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-1-60-83>

Shokhin S., Kudryashova E. 2019. Macroeconomic Coordination in the Eurasian Economic Union: Strategic Aspects. — *Russian Law Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 38-52. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-3-38-52>

Chernichenko S.V. 2018. The European Court on Human Rights: The Problem of Unenforceable Judgements. — *Moscow Journal of International Law*. No. 3. P. 6-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-3-6-17>

Литература на русском языке

Черниченко С.В. 2018. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений. — *Московский журнал международного права*. №. 3. С. 6-17. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-3-6-17>

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.13

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ДАННОСТИ ИЛИ ПОКЛОНЕНИЕ ЕЙ?

Н.Н. Гудалов

ГУДАЛОВ Николай Николаевич, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: n.gudalov@spbu.ru

Гудалов Н.Н. Политические практики: проблематизация данности или поклонение ей? — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 177-185. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.13>

Статья поступила в редакцию: 25.03.2020. Принята к публикации: 15.05.2020

Аннотация. Обзор инициирован выходом книги Джона Ганнела “Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein” (Chicago, London: The University of Chicago Press, 2020). В теоретико-методологическом плане его подход развивает актуальную повестку практического и лингвистического поворотов, хорошо иллюстрируя и ее издержки. Цель обзора — определить вклад работы Ганнела и выявить проблемы в этом контексте. Решены три задачи: сделан обзор основных идей книги; частных ее недостатков; проблем, репрезентативных для указанной широкой тематики. Сначала параллельно решены первые две задачи, затем — третья. Отталкиваясь от идей Людвига Витгенштейна, Ганнел раскрывает свою позицию “конвенционального реализма” применимо к политике. Ганнел системно показал, что политика во многом заключается в коллективных языковых практиках людей, которые множественны и изменчивы. Они не могут быть сведены к какой-либо догматической парадигме, злоупотребляющей риторикой метафизики, “естественности” или “науки” для оправдания той или иной политики. В создании множества практик и в их изменении заключена коллективная творческая свобода людей. Она же предполагает и их ответственность. Однако отмечена уязвимость общей идеи, преувеличивающей единство содержания мышления и языка. Показаны три тесно связанные, репрезентативные проблемы, прямо касающиеся политики. Первая и самая широкая — в сочетании тривиальности и релятивизма. Не вполне ясно, как сопоставлять разные практики, понимать связи между ними. Сохраняются риски реификации социальной “данности” или тривиальной констатации произвольного “переключения” между “данностями”. Больше внимания нужно уделять критическим, не релятивистским, но и не догматическим концепциям рациональности. Вторая проблема — в том, что недооценена роль философии и политической науки в рационально-критической оценке политических практик. Третья — в том, что сам Ганнел сначала критиковал обоснование практик учеными, но затем во многом сделал то же самое, отстаивая нормативный ориентир демократии.

Ключевые слова: политическая теория, теория международных отношений, политическая философия, язык, практика, Джон Ганнел, Людвиг Витгенштейн.

*... Да. Лучшие поклоняться данности
с убогими ее мерилami,
которые потом, до крайности,
послужат для тебя перилами
(хотя и не особо чистыми),
удерживающими в равновесии
твои хромающие истины
на этой выщербленной лестнице.*

Иосиф Бродский

Практический и лингвистический повороты в политической теории не теряют актуальности [Buzan, Wæver, de Wilde 1998; Fierke 2002; International Practices... 2011; Иванова 2017; Lechner, Frost 2018; Золян 2018; Lamb 2019; Svendsen 2020]. Они обострили вопросы, поднимаемые еще с античности о связях политики с риторикой и философией. Есть ли “основания”, “сущность” политики вне языковой практики? Может ли политическая наука и/или философия обосновать, оценить, ориентировать практику?

В эти споры вносит вклад новая книга Джона Ганнела [Gunnell 2020]. Ганнел, заслуженный почетный профессор Университета в Олбани, Университет штата Нью-Йорк, — классик политической теории. Он знаменит работами по ее истории, в том числе как основоположник “школы” “внутренней дискурсивной истории” теории международных отношений (ТМО) [Алексеева 2018: 70]. Рассматриваемая книга, опираясь на историческую экспертизу, продолжает теоретическую линию в трудах Ганнела. Философская база монографии впечатляет (это, прежде всего, Людвиг Витгенштейн — один из важнейших авторов для исследователей практик и языка, а также многие другие философы), однако Ганнел применяет философские идеи именно к политике [Gunnell 2020: 1–2].

Цель обзора — выявить вклад работы Ганнела и проблемы его подхода в контексте практического и лингвистического поворотов. По нашей гипотезе, книга хорошо иллюстрирует сильные и слабые стороны такого подхода. Нашими задачами будет обзор ключевых идей книги, параллельно — частных ее недостатков; затем — проблем, репрезентативных для указанной широкой тематики.

Основные идеи Ганнел намечает во введении и главе 1 [ibid.: 1–33]. Он выделяет “практики первого порядка” и “метапрактики” второго — четвертого порядков. Первые не *репрезентируют* некий внешний мир, а “*презентуют*” мир, т.е. показывают, что мы вкладываем в понятие “мир” на данном этапе. Пример — естественные науки, показывающие, что мы понимаем под “природой”. Говорить о “мире” или “природе” как о чем-то вне практик первого уровня бессмысленно, это — устаревший *реализм*. Такие практики обосновываются сами собой, а не некими абсолютными философскими “истинами”. Практики второго уровня включают социальные науки и, во многом, философию. Хотя эти дисциплины также содержат элементы практик первого уровня, их главная функция — уже *репрезентировать* свой объект. Так, социальные науки, хотя и презентуют то, как они понимают социальный мир, прежде всего должны интерпретировать уже имеющиеся социальные практики — речь и поступки людей. То есть в социальных науках сам объект познания (люди) порождает практики, а задача науки — их интерпретация. Рефлексия над самими социальными науками — пример практик третьего уровня. Часто такая рефлексия идет внутри социальных наук, в отличие от естественных. Само же различие предыдущих трех уровней — практика четвертого уровня.

Главная мишень критики Ганнела — “репрезентациональная философия”, в частности, отмеченный традиционный реализм, а также ментализм. Он показывает, насколько еще сильны соблазны отыскать некую реальность или метафизического мыслящего субъекта вне конвенций.

Позиция самого Ганнела — “*конвенциональный реализм*”. Ганнел и ранее употреблял этот термин, но в этой книге он использует его в значении “*конвенциональный универсализм*”: все, что мы называем реальностью, конвенционально, т.е. “определяется в языке, создается соглашением людей и находится в... практиках первого уровня” [ibid.: 2]. Ганнел отвергает разделение на “конвенциональное” и “естественное”, столь сильно повлиявшее на политику.

Природная “реальность” — не менее, чем социальная, — есть то, что конвенционально считается природной или социальной реальностью. Вопреки ментализму, содержание мышления — не в некоем внеязыковом ментальном процессе, который затем лишь “выражается” в языке; оно — в самой языковой практике. И мир, и содержание мышления сводятся к языковой практике.

Вдохновение Ганнел черпает по большей части у Витгенштейна. Последний для него очень современен: он дает ресурсы для критики все еще влиятельных реализма и ментализма, для развития конвенционализма. При этом Ганнел не относит ни себя, ни Витгенштейна к “лингвистическим идеалистам”. Он пишет не о том, что реальность состоит из языка или идей, а о том, что критерии реальности имеются только в наших конвенциях.

Итак, по Ганнелу, “и политическая реальность, и политическое мышление находятся внутри, а не вне конвенций, которые составляют политические феномены” [ibid.: 33]. В фокусе политической и других социальных наук должна быть интерпретация конкретных языковых практик людей.

Но вместо этого именно политическая наука оказалась особо уязвимой перед реализмом и ментализмом. Причина — в соблазне повлиять на политическую жизнь с помощью “авторитета науки”, найдя некую более глубокую, чем конвенции, основу, реальность, “природу” политики. Ганнел проводит оригинальную параллель. Не только сторонники “качественных” подходов зря искали “фундаментальные” идеи политики вне практик — их оппоненты, приверженцы “строгой науки”, на первый взгляд сосредоточенные на конкретном наблюдаемом поведении, тоже пытались отыскать за практиками внеязыковое мышление. Отталкиваясь от Витгенштейна, Ганнел критикует поиск смысла политики вне практик, с помощью которого можно было бы авторитетно “судить” политику.

В главах 2-3 [ibid.: 34-71] детализирована критика ментализма и реализма. Первый оформился у Рене Декарта и Джона Локка. Менталистом Ганнел считает даже Карла Маркса — за непонятное соотношение между материей и идеями и идеологию как объяснение действий. Ганнелу, правда, стоило бы подробно рассмотреть и важность практики в марксизме. За ментализм Ганнел критикует и модный поиск биологических основ политики когнитивной наукой: политические концепты находятся не в мозге (там идут физиологические процессы), а в языке.

Ганнел отвергает поиск единой сущности “политики” или “политического”, несмотря на попытки таких разных фигур, как Карл Шмитт, Ханна Арендт или Шанталь Муфф, найти и/или “воскресить” нечто “подлинно” политическое. По Ганнелу, концепт “политика” не является теоретическим, утверждающим, какова реальность. “Политика” — концепт категориальный (лишь обобщающий партикулярности, как веберовские идеальные типы или языковые игры Витгенштейна) либо аналитический (эвристически полезный, но, возможно, не имеющий эмпирического соответствия); либо — лишь конкретная политическая практика. Есть разные практики употребления понятий, и дело не в том, что политические концепты используются “недостаточно четко” или что ряд понятий “сущностно оспариваемы” (Уолтер Галли). Впрочем, Ганнел, к сожалению, не обсуждает идеи Юджина Гарвера, который давно сместил акцент с “оспариваемости” отдельных понятий на то, что они обретают смысл в рамках оспариваемых риторических аргументов [Garver 1978].

Особое внимание Ганнел уделяет теоретикам-международникам. Конструктивистов, в частности Александра Вендта, он критикует прежде всего за пережитки ментализма и реализма, эклектизм подходов, идею

социального конструирования из элементов, которые сами не являются конвенциями. Последний аргумент Ганнела, однако, не вполне ясен: едва ли большинство конструктивистов считают конвенции сконструированными из чего-то “неконвенционального”. Ганнел отвергает и эссенциалистский подход Вендта к государству. Но такая критика не нова [Jackson 2004]. Сам Ганнел оказывается не слишком далек от критического конструктивизма.

За реализм Ганнел критикует и Хейкки Патомяки и Колина Уайта. Хотя Фред Чернофф отвергал реализм и признавал важность конвенций, он тоже критикуется — за сохранение идеи философии как авторитетной основы для науки. По Ганнелу, философия не может претендовать на то, чтобы руководить научной практикой, а последняя и не нуждается в этом.

В главах 4-6 показано, как ментализм и реализм преодолевались Витгенштейном, Гилбертом Райлом, Джоном Остином, Вилфридом Селларсом, Дэниелом Деннетом, Дональдом Дэвидсоном, Хилари Патнэмом и Джоном Макдауэллом (хотя их пережитки остались у последних трех) [Gunnell 2020: 72-127]. Язык перестал считаться и выражением некоего сугубо “частного” мышления (или “частного языка”) картезианского субъекта, и “репрезентацией” некоего внешнего мира. Язык, разделяемый коллективом людей, стал рассматриваться и как содержание мышления, и как показатель того, что мы считаем реальностью.

По Ганнелу, Витгенштейна часто цитируют в политологии, но редко полностью понимают. Так, в “Логико-философском трактате” (“ЛФТ”) Витгенштейна, конечно, интересовала эмпирика. Мир и его символическая картина — репрезентация должны были иметь идентичную логику. Но интересно, что уже в “ЛФТ” важны не только эмпирические предложения. Хотя отдельные научные высказывания — эмпирические, они делаются внутри теорий. Но теории не репрезентируют мир, а показывают, каков он. Это — важное для Ганнела понятие “презентации”. Теории не сравниваются с “внешним” миром, потому что *сами задают* нам то, что мы считаем миром. К сфере презентации относились также логика сама по себе, этика, философия¹. Они вполне могли иметь значение, хотя и отличное от эмпирических предложений, сравниваемых с миром.

Позднее у Витгенштейна сохранилось различие между репрезентацией и презентацией. Но репрезентацию он перестал считать логическим единством языка и мира. Фокус философии сдвинулся на интерпретацию социальных конвенций. Язык интерпретатора отделялся от языка тех, кого интерпретируют. Отсюда, по Ганнелу, язык репрезентации в социальных науках не должен путаться с языком самих людей, чьи практики эти науки интерпретируют. Причем репрезентации многообразны и подвижны; одна догматичная репрезентация недопустима.

Вопреки жестким разделением на ранний (“позитивистский”) и поздний периоды у Витгенштейна [Fierke 2002], Ганнел полагает: от “ЛФТ” и до “О достоверности” идет нить, в итоге приводящая к конвенционализму. Факты и научные теории, не менее чем ценности, этика или политика, конвенциональны. Все они покоятся не на неких внешних основах, а на конвенциях, презентующих, задающих то, что считается истинным, должным и т.п. Ценности оспариваются и меняются, но то же происходит и с тем, что считается фактами. Смена ценностей, как и куновских парадигм, не поддается общему объяснению.

¹ Мы даем переводы-кальки *representation* и *presentation*: перевод “представление” мог бы смешать эти два термина, различие которых для Ганнела важно.

Важен и анализ Ганнелом идей Остина (например, для теоретиков секьюритизации, опирающихся на него [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]). Поздний Остин перестал жестко делить речевые акты на явно перформативные и описательные, поскольку все они имеют иллокутивную силу.

В главах 7-8 и заключении [Gunnell 2020: 128-174] Ганнел во многом повторяет свою позицию, основанную на идеях Витгенштейна. Он отвергает недавние попытки Джона Серла и Чарльза Тейлора “спасти” ментализм и реализм, в том числе через идею о “прямом” доступе к миру. Такой доступ помимо конвенций невозможен. Идеи Витгенштейна, таким образом, используются для критики влиятельных современных теорий. Конвенциональны, а не являются некоей внеязыковой реальностью, категории агентов и структур, индивидуальной и групповой интенциональности.

Важность конвенций Ганнел находит в том числе у Томаса Гоббса. Отметим, впрочем, что Гоббс здесь заслуживал бы гораздо большего внимания. Вопреки стереотипам, его понимание политики не было прежде всего материалистическим — он, возможно, был первым (вслед, правда, еще за Фукидидом, о котором Ганнел в этой связи не пишет вообще), кто развернул политическую теорию к языку [Ball 1985]. У Гоббса видны акцент на языке как дискурсе, аналитическое понимание истины (а не корреспонденция с внеязыковым положением дел), “сконструированность” общества [Krook 1956], перформативность — возможно, даже параллели с Остином [Ball 1985: 757-758]. Общественный договор во многом был коллективным языковым творением людей, переходом от отсутствия политических языковых конвенций к их установлению и поддержанию сувереном [Ball 1985; Krook 1956; Wolin 2004: 214-256].

Защищая Витгенштейна, Ганнел настаивает, что конвенциональность не подрывает нашу “уверенность” в знании. Но она коренится в самих конвенциях, а не в неких внешних абсолютных основах. Споры между конвенциями решаются не через абсолютные философские критерии, а в практиках убеждения в пользу той или другой конвенции. Но убеждение не равно иррациональному воздействию. Люди не пленники языковых игр; игры могут меняться, взаимодействовать, сопоставляться, критиковаться. Другое дело, что философия и социальная наука не дают более авторитетного базиса для критики, чем сами критикуемые практики. Бояться релятивизма — значит все еще искать абсолютную философскую опору вне практик.

В конце Ганнел пишет, что, несмотря на акцент на практиках, его подход имеет и нормативный элемент. Это — демократия как возможность свободно обмениваться доводами в пользу разных практик. Ганнел также подчеркивает, что конвенциональное понимание политики влечет за собой полную ответственность людей за свои социальные творения.

Итак, новизна книги — в развитии философских идей Ганнела; особенно — нюансированной и актуальной трактовки Витгенштейна; выработке конвенционального реализма (универсализма); применении его к политике. Ганнел системно показал, что политика во многом заключается в коллективных языковых практиках, множественных и изменчивых. Они не сводимы к какой-либо догматической парадигме, злоупотребляющей риторикой метафизики, “естественности” или “науки” для оправдания той или иной политики. Если обратиться к нашему эпиграфу, это, на первый взгляд, позволяет не “поклоняться данности”. В создании множества практик и их изменении заключена коллективная творческая свобода — и ответственность — людей.

И все же такие подходы проблематичны. Уязвима общая идея о фактическом единстве содержания мышления и языка. Но в пределах статьи мы подчеркнем три тесно связанные проблемы, касающиеся политики прямо.

1) В самом широком плане — сочетание тривиальности и релятивизма. Мало лишь констатировать, что политика проявляется в том, что люди говорят и делают на практике; что таких практик много и они иногда меняются. “Практика” не должна просто означать, “что практики делают то, что делают, потому что это так делается” [Svendsen 2020: 6], — иначе она вырождается “во всеохватывающее понятие” [см. Иванова 2017: 220], едва ли фальсифицируемое. Важно конкретнее сопоставить различные политики и политики, показать отношения между ними. Однако здесь, вопреки Ганнелу, остаются серьезные риски релятивизма.

Ганнел, конечно, оговаривает, что люди не пленники языковых игр; игры меняются, взаимодействуют, сопоставляются, критикуются, в том числе разумными доводами. Но он не поясняет, каковы механизмы всего этого, как люди выходят за пределы своей текущей практики. Особенно если речь не о силовой борьбе, не ясно, какие аргументы помогают смене практик. Уйдя от реификации практик как метафизически, “естественно” или “научно” обоснованных, Ганнел не уходит от риска некритического отношения к практикам, пусть и понятым уже как *социальные* образования. Сохраняется риск задания должного социальным сущим (“все действительное разумно”) — социальной данностью, “мерила” которой, как писал Иосиф Бродский, действительно иногда “убоги”. Вместо критического, политического взгляда на практику наступает деполитизация. Попытки Ганнела и других [Lamb 2019] решить эту проблему во многом уходят в другую крайность — произвольные изменения практик. Но они могут вести лишь от одной неотрефлексированной данности к другой.

Не ясно, как можно сопоставлять разные политики и политики. Возникают проблемы, характерные еще для Гоббса. Если суверен волен наполнять политический язык почти любым (внутренне когерентным) содержанием, появляется риск произвола [Wolin 2004: 233]. Не ясно и то, как конкретно могут взаимодействовать разные сообщества, говорящие на “своих” языках. Далее, политический язык, конечно, всюду может быть направлен больше не на соответствие внеязыковой реальности, а на ее конструирование. Но все же есть огромная пропасть между государством, где смыслы конструируются относительно свободно, и антиутопией, где политическим языком злоупотребляют, доводя его до оруэлловского “двоемыслия”. В антиутопии как раз можно очутиться, если видеть в языке лишь прагматику, забыв о реальности, все-таки важной даже тогда, когда она отрицается или не описывается в языке [Золян 2018].

Сложно понять и то, как могут быть связаны и сопоставлены разные эпохи. У Ганнела, как и Витгенштейна и Томаса Куна, нет ясного объяснения смене ни ценностей, ни парадигм.

Теория практик уделяет недостаточно внимания рациональной рефлексии над ними, несмотря даже на попытки корректировок [Svendsen 2020]. Многие ответят, что рациональность — догматичное понятие. Однако выдвинуто немало концепций рациональности, которые, избегая релятивизма, не становятся и догматичными. Практическая рациональность не сводится к инструментальному следованию не оторефлексированным субъективным целям [Putnam 1998: 169, 214; Audi 2002; Steinberger 2015: 762], в том числе заданным текущим социальным контекстом [O’Neill 2003]. Но рациональность не отменяет и культурно-исторический плюрализм [Audi 2002]. Скорее она даже предполагает его, будучи изменчивой благодаря самокритике. Ганнел, конечно, одобряет более

релятивистские идеи как у Патнэма, так и, например, у Дэвидсона. Но и другие их идеи как минимум не менее эвристически плодотворны. Сильные стороны концепции “радикальной интерпретации” Дэвидсона (интерпретировать говорящего можно, если он использует хотя бы какой-то язык [Davidson 1973]) опровергают идею полной несоизмеримости разных политических контекстов [Haddock 2011]. Рациональность нельзя отрывать и от понятия критики, так как она требует критического мышления. Критика часто ассоциируется с акцентом на различиях контекстов. Но справедливее, скорее, позиция одного из основателей критической ТМО — Роберта Кокса. Он, конечно, известен критикой позитивизма и признанием важности исторического контекста. Однако он был и явно против постмодернистской идеи несоизмеримости разных обществ и периодов. Особенности отдельных, подвижных практик не должны заслонять того, что их объединяет [Cox 1981; Cox 2002: 45; Cox 2012: 26, 31–32]. Итак, не релятивистские, но и не догматические, критические концепции рациональности важны для сопоставления практик, понимания связей между ними.

2) Недооценка значения философии и политической науки. По Ганнелу, философия не может быть авторитетным гидом ни для науки, ни для политической практики; сама наука тоже не может быть таким гидом для практики. Философия и наука могут критиковать политическую практику, но их критика будет не более обоснованной, чем идеи самих людей, занимающихся этой практикой. Наука должна главным образом лишь “интерпретировать, прояснять и транслировать значения” [Gunnell 2020: 150].

Если наука действительно “проясняет” практику, то она все же дает некий прирост знания (хотя бы — ясности), по сравнению со знанием практиков. И тогда наука может служить для некоторых корректировок практики с большим основанием, чем просто еще одна политическая идеология. Философия же важна для критического взгляда и на науку, и на практику. Конечно, ни наука, ни философия не могут рассматриваться как догмы, и речь не идет о том, что они должны утопически изменять мир. Наука и философия лишь дают не безошибочные, но все же незаменимые критические инструменты для оценки практик.

В политике, всегда тесно связанной с нормами, достойно внимания кантовское предостережение: теория не должна быть лишь производной практики [Kant 2016]. Конечно, политика — это во многом риторические споры. Ученый не может решать их вместо практиков и едва ли достигнет абсолютной истины. Все это не значит, впрочем, что он становится идеологом или отказывается от поиска рациональных оценок практик [Garver 1978].

Так, для Кокса любая теория, в том числе критическая, конечно, возникает в конкретном контексте. При этом именно критическая теория рефлексивирует над этим контекстом, выходит за его пределы, указывает на новые (не идеальные) возможности [Cox 1981: 128–130]. Например, “двоемыслие” может быть раскрыто и преодолено, если его подвергнуть “интерпретации посредством метасемиотических операций” [Золян 2018: 105]. Такие метаоперации чаще по силам именно специалисту, нежели идеологу или рядовому гражданину. Рационально-критическая оценка политических практик остается важной задачей ученого и философа.

3) Как сам Ганнел может выдвигать нормативные аргументы? Он защищает демократию как площадку для свободной дискуссии. Однако такая площадка требует неких минимальных правил, которые бы уважали все, несмотря на разногласия. Это, конечно, одна из классических проблем демократии. Но если Ганнел защищает основы демократии, это значит, что он сам обосновывает одну из форм

политической практики, причем, вероятно, именно как ученый — т.е., по иронии, сам во многом дезавуирует свою критику обоснования практик учеными.

Итак, Ганнел показал, что политика — творение человека, а не вечная “данность”, которую нельзя было бы проблематизировать. Но остаются риски реификации теперь уже социальной “данности” или тривиальной констатации произвольного “переключения” между “данностями”. Не вполне ясно, как люди меняют свои практики, как понять их связи, сравнить их, в том числе с точки зрения ученого.

Как Ганнел — вслед за Ницше, Витгенштейном и Арендт [Gunnell 2020: 122-123, 168-169, 174] — так и Бродский интересовались метафорой лестницы и перил. Ганнел отмечает прогрессистский образ лестницы. Перила же для него — максимум лишь наши практики, а не нечто большее. Бродский тоже не отвергает “данность” полностью. Ее перила не чисты, но она удерживает наше равновесие (и, можно сказать, социальный порядок). Однако Бродский сохраняет и “лестницу”. Конечно, политическая наука едва ли покажет, каков “конец” лестницы — “финал” политики. И все же наука должна не просто констатировать наше переключение между разными практиками, но и разъяснять возможности (конечно, не гарантию) некоторого, пусть локального, развития — шагов с одной ступени на другую. И желательно — хотя бы не вниз.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.13

POLITICAL PRACTICES: PROBLEMATISING THE ISSUE OR BOWING TO IT?

N.N. Gudalov¹

¹*Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia*

GUDALOV, Nikolay Nikolaevich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Saint Petersburg State University, email: n.gudalov@spbu.ru

Gudalov N.N. Political Practices: Problematising the Issue or Bowing to It? — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 177-185. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.13>

Received: 25.03.2020. Accepted: 15.05.2020

Abstract. This review was prompted by the publication of John Gunnell’s latest book, “Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein.” (Chicago, London: The University of Chicago Press, 2020). Theoretically and methodologically, his approach develops the popular current agenda of practical and linguistic turns, and also illustrates well its drawbacks. The review aims to identify the contribution of Gunnell’s work and problems in this context. We fulfilled three objectives — reviewing the book’s main ideas; its particular shortcomings; and the problems representative of the aforementioned broad topic. The first two objectives are fulfilled in parallel, followed by the third. Drawing on Ludwig Wittgenstein’s ideas, Gunnell unfolds his position of ‘conventional realism’ as applied to politics. Gunnell systematically showed that politics largely resides in human collective linguistic practices, which are plural and changeable. They cannot be reduced to any dogmatic paradigm abusing the rhetoric of metaphysics, ‘the natural’, or ‘science’ to justify a specific policy. The making of multiple practices and their change manifest humanity’s collective creative freedom; it also implies their responsibility. However, we note the vulnerability of the general idea, which overstates the unity of thinking and language. Three closely related, representative problems directly concerning politics are shown. The first and broadest one is a combination of trivialness and relativism. It is not clear enough how to compare different practices and grasp relations between them, and the risks remain of reifying the social ‘given’ or trivially noting an arbitrary ‘switch’ between ‘givens’; more attention should be paid to conceptions of rationality that are critical, and neither relativist nor dogmatic. The second problem lies in lessening the role of philosophy and political science in a rational and critical assessment of political practices. The third issue is that Gunnell himself firstly criticised the grounding of practices by scholars, but then largely made the same mistake himself by defending the normative benchmark of democracy.

Keywords: political theory, international relations theory, political philosophy, language, practice, John Gunnell, Ludwig Wittgenstein.

References

- Audi R. 2002. *The Architecture of Reason: The Structure and Substance of Rationality*. New York: Oxford University Press. 286 p.
- Ball T. 1985. Hobbes' Linguistic Turn. — *Polity*. Vol. 17. No. 4. P. 739-760.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. 1998. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers. 240 p.
- Cox R. 1981. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. — *Millennium*. Vol. 10. No. 2. P. 126-155.
- Cox R. 2002. Vico, Then and Now. — Cox R. with Schechter M. *The Political Economy of a Plural World. Critical Reflections on Power, Morals and Civilization*. Abingdon, New York: Routledge. P. 44-56.
- Cox R. 2012. For Someone and for Some Purpose. An Interview with Robert W. Cox. — *Critical Theory in International Relations and Security Studies. Interviews and reflections*. Ed. by S. Brincat, L. Lima, J. Nunes. Abingdon, New York: Routledge. P. 15-34.
- Davidson D. 1973. Radical Interpretation. — *Dialectica*. Vol. 27. No. 3-4. P. 313-328.
- International Practices*. 2011. Ed. by E. Adler, V. Pouliot. Cambridge: Cambridge University Press. 388 p.
- Fierke K.M. 2002. Links Across the Abyss: Language and Logic in International Relations. — *International Studies Quarterly*. Vol. 46. No. 3. P. 331-354. <https://doi.org/10.1111/1468-2478.00236>
- Garver E. 1978. Rhetoric and Essentially Contested Arguments. — *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 11. No. 3. P. 156-172.
- Gunnell J. 2020. *Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein*. Chicago, London: The University of Chicago Press. 194 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226661308.001.0001>
- Haddock B. 2011. Contingency and judgement in history of political philosophy: a phenomenological approach. — *Political Philosophy versus History? Contextualism and Real Politics in Contemporary Political Thought*. Ed. by J. Floyd, M. Stears. Cambridge: Cambridge University Press. P. 65-83.
- Jackson P. 2004. Hegel's House, or 'People are States Too'. — *Review of International Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 281-287. <https://doi.org/10.1017/S0260210504006072>
- Kant I. 2016. *Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis*. Hrsg. K.-M. Guth. Berlin: Contumax-Hofenberg. 56 S.
- Krook D. 1956. Thomas Hobbes's Doctrine of Meaning and Truth. — *Philosophy*. Vol. 31. No. 116. P. 3-22.
- Lamb R. 2019. Pragmatism, Practices, and Human Rights. — *Review of International Studies*. Vol. 45. No. 4. P. 550-568. <https://doi.org/10.1017/S0260210519000111>
- Lechner S., Frost M. 2018. *Practice Theory and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 258 p. <https://www.doi.org/10.1017/9781108645775>
- O'Neill O. 2003. Four Models of Practical Reasoning. — O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 11-28.
- Putnam H. 1998. *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press. 223 p.
- Steinberger P. 2015. Rationalism in Politics. — *American Political Science Review*. Vol. 109. No. 4. P. 750-763. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000489>
- Svendsen Ø. 2020. 'Practice time!' Doxical Futures in Security and Defence Diplomacy after Brexit. — *Review of International Studies*. Vol. 46. No. 1. P. 3-19. <https://doi.org/10.1017/S0260210519000202>
- Wolin S. 2004. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 761 p.
- Alekseeva T.A. 2018. "The Starting Point": History of the Theory of International Relations as a New Sub Discipline. — *Journal of Law and Administration*. No. 3. P. 69-79. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.24833/2073-8420-2018-3-48-69-79>
- Zolyan S.T. 2018. "Doublethink" and Semiotics of Political Discourse. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 93-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.07>
- Ivanova N.A. 2017. Social Reality in the Perspective of Practical Turn. — *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 37. P. 214-222. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/37/21>

Литература на русском языке

- Алексеева Т. 2018. "Точка отсчета": история теории международных отношений как новая субдисциплина. — *Право и управление. XXI век*. № 3. С. 69-79. <https://www.doi.org/10.24833/2073-8420-2018-3-48-69-79>
- Золян С.Т. 2018. "Двоемыслие" и семиотика политического дискурса. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 93-109. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.07>
- Иванова Н.А. 2017. Социальная реальность в перспективе практического поворота. — *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 37. С. 214-222. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/37/21>

МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ

М.С. Турченко

ТУРЧЕНКО Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, доцент факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, email: mturchenko@eu.spb.ru

Турченко М.С. Мировые практики электоральных манипуляций. — Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 186–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.14>

Статья поступила в редакцию: 10.02.2020. Принята к публикации: 24.03.2020

Аннотация. В рецензии рассмотрена книга Ника Чизмана и Брайана Клааса “Как украсть выборы” (*How to Rig an Election*. New Haven, London: Yale University Press. 2019). На основе вторичных источников, а также первичных данных, собранных авторами в ходе полевой работы в странах Тропической Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, они обсуждают применение авторитарными инкумбентами манипулятивных тактик в процессе очередного электорального испытания. Авторы описывают электоральные манипуляции, а также способы улучшения качества выборов как в авторитарных режимах, так и в демократических. В книге Н. Чизмана и Б. Клааса нет оригинальной теории, вместе с тем в тексте ставятся новые вопросы для эмпирических исследований. В их числе то, какие факторы влияют на выбор авторитарными инкумбентами тех или иных видов электоральных манипуляций и какого рода и масштаба воздействие оказывает на электоральное поведение избирателей дезинформация в социальных сетях. Работа будет интересна всем, кто хочет углубить знания об авторитарных выборах и политике электоральных манипуляций. Для тех же, кто глубоко знаком с литературой по сравнительному авторитаризму, содержание книги будет малоинформативным.

Ключевые слова: выборы, авторитаризм, электоральные злоупотребления, авторитарные инкумбенты, политическое насилие, дезинформация, электронное голосование.

Книга “Как украсть выборы” (*How to Rig an Election*) была впервые опубликована в 2018 г. в издательстве Йельского университета. Ее авторы — Ник Чизман, профессор Бирмингемского университета, бывший редактор журнала “*African Affairs*” и экс-директор Центра африканских исследований в Оксфордском университете, и Брайан Клаас, профессор Университетского колледжа в Лондоне и колумнист “*The Washington Post*”. Книга состоит из введения, шести глав, заключения, 16 приложений и справочно-библиографической части. Издание 2019 г. открывается 27-страничным предисловием, отсутствующим в первой редакции.

“Как объяснить, что расцвет выборов совпал с десятилетием демократического упадка? Ответ в том, что диктаторы... поняли, как манипулировать выборами и выходить сухими из воды” [Cheeseman, Klaas 2019: 3]. В этих предложениях содержится отправная посылка книги Н. Чизмана и Б. Клааса, цель которой — показать, как инкумбенты¹ манипулируют избирательным процессом, чтобы удерживать власть как можно дольше” [ibid.: 24].

¹ Оговариваясь, что оппозиция также бывает вовлечена в процесс электоральных манипуляций [Cheeseman, Klaas 2019: 172–173], авторы делают это в порядке исключения, отмечая дисбаланс в ресур-

Авторов интересуют электоральные манипуляции², прежде всего в режимах электорального авторитаризма³. Главы книги последовательно иллюстрируют, как инкумбенты используют шесть типов тактик: 1) манипуляции до дня голосования; 2) покупка голосов избирателей; 3) репрессии против оппонентов; 4) манипулирование медиа и хакерские атаки; 5) манипуляции в день голосования и при подсчете голосов; 6) манипуляции общественным мнением о качестве выборов [Cheeseman, Klaas 2019: 6-7]. Тактики перечислены в порядке, соответствующем их разворачиванию в течение электорального цикла.

В первой главе рассматриваются джерримендеринг, нарушение нормы представительства избирательных округов, ограничение активного избирательного права для отдельных групп граждан и ограничение пассивного избирательного права для популярных политиков. Авторы отмечают, что такие манипуляции преподносятся инкумбентами как технические решения, основанные на законе. Поэтому их применение обычно проходит гладко и без резонанса. В главе, однако, не затронуты манипуляции с избирательными системами, хотя с их помощью можно создавать диспропорциональность при переводе голосов в места, ставить барьеры для парламентского представительства оппозиционных партий или разделять политических оппонентов [Magaloni 2006: 25].

Вторую главу Н. Чизман и Б. Клаас посвящают клиентелизму. Ссылаясь на данные проекта “Многообразие демократии” (“*Varieties of Democracy, V-Dem*”), они отмечают, что предоставление избирателям материальных благ в обмен на голоса чаще всего практикуется в Африке, чем в других частях света. Говоря о покупке голосов, авторы игнорируют другой способ воздействия на избирателей – принуждение [Frye, Reuter, Szakonyi 2014; 2019].

В третьей главе рассматриваются примеры репрессий против политических оппонентов: убийства, избиения, аресты, обыски и допросы, акции устрашения, цензура в СМИ, отказ в согласовании публичных мероприятий оппозиционным движениям и партиям. В отличие от электоральных манипуляций, выделенных в первой и второй главах, репрессии против оппонентов Н. Чизман и Б. Клаас относят к жестким и рискованным для инкумбента тактикам. Отмечается, что искусные автократы применяют насилие против оппонентов селективно, “чтобы заставить каждого понять, что он может быть следующим” [Cheeseman, Klaas 2019: 100]. На основе базы данных “Национальные выборы в демократиях и автократиях” (*National Elections Across Democracy and Autocracy, NELDA*) авторы делают вывод, что политическое насилие в 2012–2016 гг. чаще фиксировалось в постсоветских странах.

сах и возможностях инкумбента и оппозиции [ibid.: 227–228]. Аргументы в пользу того, чтобы считать инкумбентов основными агентами электоральных манипуляций, были представлены также в работах С. Бёрч [Birch 2011: 52] и Д. Донно [Donno 2013: 15].

² Электоральные манипуляции определяются в книге как “*незаконные и недемократические средства* (выделено в оригинале. — М.Т.) создающие явные преимущества определенной партии или кандидату за счет остальных” [Cheeseman, Klaas 2019: 6]. Эта дефиниция соотносится с определениями, представленными в широко цитируемых работах по электоральным злоупотреблениям С. Бёрч [Birch 2011: 26] и А. Симпсера [Simpser 2013: 12].

³ Н. Чизман и Б. Клаас пишут о “*фиктивных демократиях*” (*counterfeit democracies*). Понятие “фиктивные демократии” используется в книге как зонтичный концепт для обозначения двух типов авторитарных режимов: доминантных и соревновательных [Cheeseman, Klaas 2019: 13]. Таким образом, хотя это и не оговаривается в тексте напрямую, термин “фиктивные демократии” является синонимом термина “электоральный авторитаризм” [Schedler 2013: 167]. Я использую в рецензии последний, так как он более конвенционален.

Четвертая глава, где разбираются примеры манипулирования общественным мнением и взлома электронных систем, поддерживающих избирательный процесс, — самая интересная часть книги. В ней авторы ставят исследовательские проблемы, не имеющие пока удовлетворительного ответа. Можно ли считать примером электоральных манипуляций политическую рекламу в интернете, созданную под индивидуальных пользователей на основе анализа особенностей их поведения в сети? Как измерить степень, в которой манипулирование новостной повесткой и социальными медиа, в том числе через *fake news*, влияет на исход выборов? В главе также ставится практический вопрос: есть ли плюсы у электронного голосования? По мнению авторов, плюсов у электронного голосования гораздо меньше, чем минусов, главный из которых — уязвимость. Электронное голосование уязвимо не только перед вмешательством человека, но и перед случайными ошибками. Например, в 2003 г. на выборах в коммуне Схарбек (Бельгия) результат электронного голосования изменился после одиночного сбоя, вызванного космическим лучом [Cheeseman, Klaas 2019: xxv–xxvi]. Поэтому, по мнению авторов, вводя новые технологии в избирательный процесс, нельзя отказываться от “бумажного следа” — избирательных бюллетеней, которые в случае необходимости могут быть пересчитаны вручную [ibid.: 150].

В пятой главе, как и в третьей, рассматривается другая “жесткая” и рискованная для инкумбента техника — манипуляции в день голосования и при подсчете голосов. Сюда относятся: множественное голосование, голосование граждан без активного избирательного права, вбросы бюллетеней и фабрикация протоколов. Авторы пишут, что такие фальсификации — самые эффективные с точки зрения достижения нужного инкумбенту результата. Но их применение сопряжено с риском неприятия как со стороны оппозиции, так и общества в целом. В качестве иллюстрации приводятся президентские выборы 2007 г. в Кении, где фальсификации привели к массовым беспорядкам с сотнями жертв [ibid.: 158].

В последней — шестой — главе описываются техники, которые авторитарные инкумбенты используют для “отведения глаз” граждан и мирового сообщества от нарушений. Среди них: создание технологичного “флера” вокруг выборов (мобильные приложения для отслеживания результатов выборов, видеонаблюдение в помещениях для голосования), эксплуатация подконтрольных групп наблюдателей внутри страны и сотрудничество с лояльными инкумбенту международными наблюдательскими миссиями — “потемкинские наблюдатели” на “потемкинских выборах” [ibid.: 186]. Авторы отмечают, что в некоторых случаях международные институты сами будут стараться не замечать нарушения, если это продиктовано политической или экономической целесообразностью.

Кроме описания тактик манипулирования выборами, каждая глава содержит рекомендации, как улучшить качество электоральных процессов. В заключительной части книги эти рекомендации обобщены по трем категориям: 1) развитие неправительственных наблюдательских организаций; 2) защита цифровых технологий, сопровождающих избирательный процесс, и введение факт-чекинга как универсальной нормы работы не только журналистов, но и крупных социальных сетей; 3) политическая поддержка со стороны международных организаций партий и общественных организаций, борющихся за

политические и гражданские права [ibid.: 209]. Впрочем, рекомендации не всегда выглядят убедительно. Например, их принятие в авторитарных режимах невозможно без доброй воли инкубентов, чья главная цель — сохранить власть, а не сделать выборы лучше.

В работе есть несколько неточностей. Первую главу авторы начинают с рассказа о выдвижении двух кандидатов-однофамильцев против Олега Сергеева — депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга — в ходе городской избирательной кампании 1998 г. [ibid.: 31–32]. В конце главы, возвращаясь к этой истории, они иронично замечают, что если бы на тех выборах в избирательном бюллетене одновременно с именами кандидатов указывалась бы их партийная принадлежность или место работы, то меньше избирателей Олега Сергеева отдали бы голоса за кандидатов-спойлеров. Однако бюллетень на выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 1998 г. содержал информацию о месте работы, роде занятий и субъекте выдвижения каждого кандидата⁴.

В монографии представлена классификация политических режимов на основе данных индексов, рассчитанных в рамках проекта *Polity IV*⁵ [ibid.: 12–13; 251–252, Приложение 15]: закрытые авторитарные режимы (от -10 до -5), доминантные авторитарные режимы (от -5 до 0), соревновательные авторитарные режимы (от 0 до 5) и электоральные демократии (от 6 до 10). Среди доминантных авторитарных режимов авторы называют Россию и Узбекистан, а среди примеров соревновательных авторитарных режимов — Кению [ibid.: 12–13]. Но и здесь следует отметить авторскую неточность: если брать данные *Polity IV*, то Россия должна находиться в категории соревновательных авторитарных режимов, Узбекистан — среди закрытых автократий, а Кения — в категории электоральных демократий. Такого же рода нестыковки можно обнаружить и в других частях книги (см. например [ibid.: 230]). При этом соотнесение стран по категориям в Приложении 15 монографии является корректным [ibid.: 251–252].

Книга Н. Чизмана и Б. Клааса ставит ряд новых вопросов для электоральных исследований. Оказывает ли дезинформация в социальных сетях эффект на электоральное поведение избирателей? Если да, то какова сила этого эффекта? Среди какой группы избирателей эффект дезинформации проявляется наиболее значимо? Какие факторы влияют на выбор авторитарными инкубентами тех или иных видов электоральных манипуляций? Эти вопросы лишь относительно недавно стали подниматься в эмпирических исследованиях [Martens et al. 2018; Szakonyi 2019; Turchenko 2020].

Рецензируемая работа не состоит только лишь из перечисления электоральных нарушений в разных странах. Приводя примеры манипуляций в ходе избирательного процесса, Н. Чизман и Б. Клаас соотносят их с содержанием исследований, посвященных изучению автократий, политике электоральных злоупотреблений и изучению последствий нарушения качества электоральных

⁴ Это — досадное проявление неосведомленности авторов, тем более что необходимая информация присутствовала в открытом сетевом источнике. См. Об утверждении “Разъяснений о порядке изготовления избирательных бюллетеней для голосования при проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга второго созыва”. — *Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга*. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/8319045?print=0> (accessed 07.08.2020).

⁵ См. *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013*. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed 12.08.2020).

процессов. Таким образом, книга будет интересна тем, кто хотел бы расширить свои знания об авторитарных выборах и видах электоральных манипуляций. Причем потенциальным читателям не обязательно владеть специальной терминологией, чтобы хорошо ориентироваться в содержании, — книга написана относительно простым языком, чтобы быть привлекательной широкой аудитории. “*How to Rig an Election*”, впрочем, будет малоинформативной для тех высокопрофессиональных читателей, кто хорошо знаком с литературой по сравнительному авторитаризму — разве что в качестве источника примеров, какими еще конкретными способами инкубенты могут манипулировать выборами.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.14

THE WORLD ELECTORAL MANIPULATION PRACTICES

M.S. Turchenko¹

¹European University at St. Petersburg. Saint Petersburg, Russia

TURCHENKO, Mikhail Sergeyevich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Political Science, European University at St. Petersburg, email: mturchenko@eu.spb.ru

Turchenko M.S. The World Electoral Manipulation Practices. — Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 186–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.14>

Received: 10.02.2020. Accepted: 24.03.2020

Abstract. The review discusses a book written by Nic Cheeseman and Brian Klaas “How to Rig an Election” (New Haven, London: Yale University Press, 2019). Based on field research, conducted by authors themselves in countries across sub-Saharan Africa, the Middle East and Southeast Asia, and secondary sources they demonstrate the variety of manipulative tools at the disposal of authoritarian incumbents. Besides describing the authoritarian toolbox, authors pay attention to ways of strengthening electoral integrity both in authoritarian and democratic regimes. “How to Rig an Election” neither puts forward nor tests empirically any research hypotheses. At the same time, the book proposes some new research questions for the further studying. What factors influence the incumbents’ choice of given manipulative tools during an election? Whether disinformation in social media and fake news affect voters’ electoral behavior? The book, aimed primarily at a wide audience, will be useful to anyone interested in authoritarian elections, the politics of electoral malpractice and electoral integrity. For those who are deeply familiar with the literature on comparative authoritarianism, the content of the book will be uninformative.

Keywords: elections, authoritarianism, electoral malpractices, authoritarian incumbents, political violence, disinformation, electronic voting.

References

- Birch S. 2011. *Electoral Malpractice*. Oxford: Oxford University Press. 224 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199606160.001.0001>
- Cheeseman N., Klaas B. 2019. *How to Rig an Election*. New Haven, London: Yale University Press. 320 p.
- Donno D. 2013. *Defending Democratic Norms: International Actors and the Politics of Electoral Misconduct*. Oxford: Oxford University Press. 268 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199991280.001.0001>
- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. 2014. Political Machines at Work Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. — *World Politics*. Vol. 66. No. 2. P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/s004388711400001x>
- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. 2019. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia. — *British Journal of Political Science*. Vol. 49. No. 3. P. 857–881. <https://doi.org/10.1017/s0007123416000752>
- Magaloni B. 2006. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press. 316 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511510274>

Martens B., Aguiar L., Gomez-Herrera E., Mueller-Langer F. 2018. The Digital Transformation of News Media and the Rise of Disinformation and Fake News. — *SSRN*. 20.04. 97 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3164170> (accessed 12.08.2020).

Schedler A. 2013. *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. New York: Oxford University Press. 478 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199680320.001.0001>

Simpser A. 2013. *Why Governments and Parties Manipulate Elections. Theory, Practice, and Implications*. New York: Cambridge University Press. 282 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139343824>

Szakonyi D. 2019. Candidate Filtering: The Strategic Use of Electoral Fraud in Russia. — *SSRN*. 75 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3438270> (accessed 12.08.2020).

Turchenko M. 2020. Electoral Engineering in the Russian Regions (2003–2017). — *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 1. P. 80–98. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1682522>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы! Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в Редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <http://www.politstudies.ru>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Система рецензирования*, *Этические принципы авторов журнала* и *Этические принципы рецензирования*.

Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте или электронную почту new-authors@politstudies.ru. Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе *SimpleTextQuery*. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. 1997. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

ПОДПИСКА

Во всех отделениях связи:

- по каталогу “Газеты. Журналы” (“РОСПЕЧАТЬ”). Индекс 70790 — на полугодие.

В агентствах по подписке:

- ООО “Урал-Пресс”. Тел.: 8 (495) 721-25-89; <http://www.ural-press.ru>
- ООО “Информнаука”. Тел.: 8 (495) 787-38-73; (499) 152-54-81; <http://www.informnauka.com>
- ООО “НПО “ИНФОРМ-СИСТЕМА”. Тел. 8 (499) 789-45-55; <http://www.informsystema.ru>

В интернете:

- ОАО Агентство “РОСПЕЧАТЬ”: <http://press.rospress.ru>

В электронном виде статьи и выпуски журнала можно приобрести в интернет-магазине www.polismag.ru

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала всегда открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© Полис. Политические исследования, 2020, № 5(179), 1-192 стр.

Сдано в производство: 24.06.2020. Подписано к печати: 26.08.2020. Дата выхода в свет: 23.09.2020.

Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура “Ньютон”. Печать офсетная.

Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 17. Тираж 770. Цена свободная. Индекс 70790. Заказ

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в типографию-изготовитель

Адрес издателя журнала “Полис. Политические исследования”:

101100, Москва, Колпачный пер., д. 6, пом. II, комн. 5.

Адрес редакции журнала “Полис. Политические исследования”:

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5, оф. 208; телефон: 8 (495) 502-43-17.

Email: new-polis@politstudies.ru (для текущей переписки); new-authors@politstudies.ru (для авторов)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., 6